НОВАЯ ПОЛЬША

№4(129) 2011

БЕСЕДЫ С МАРЕКОМ ЭДЕЛЬМАНОМ

Валерий Мастеров о Чеславе Милоше

Антология текстов об антисемитизме

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ВЕЛИКОЙ УЧЕНОЙ

СМЕРТЬ НЕОБЫКНОВЕННОГО АРХИЕПИСКОПА

Славянское злоупотребление

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata*.

Наш адрес:
Nowaja Polsza
Instytut Książki
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILENIUM S.A.
Номер счета: 79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILENIUM S.A.
Номер счета: 79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

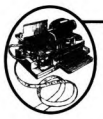
№ 4(129)
2011
апрель

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Марек Эдельман 3
БОГ СПИТ

Ханна Кралль 9
БЕЛАЯ МАРИЯ



Виктор Кулерский 10
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Валерий Мастеров 20
МИЛОШ ЗАГЛЯДЫВАЕТ В XXI ВЕК

Яцек Бохенский 23
МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ВИКТОРОМ,
КАК Я ИХ ЗАПОМНИЛ

Виктор Ворошильский 28
СТИХОТВОРЕНИЯ

Михал Ягелло 32
ЛИТАНИЯ АДАМА МИХНИКА

Ежи Едлицкий 37
ПОЛЯ СМЕРТИ

Эва Зюлковская 42
ВЫДАЮЩАЯСЯ ПОЛЬКА

Анджей Краевский 45
ТАЙНЫ ВЕЛИКОЙ УЧЕНОЙ

Катажина Тарас 49
ИСТОРИЯ И ЖЕНЩИНЫ

Эльжбета Савицкая 55
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

о. Альфред Марек Вежбицкий 59
ХРИСТИАНСКИЙ ОДИССЕЙ
В ДЕБРЯХ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Наталья Горбаневская 62
ПОЛЯКИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Лешек Шаруга 64
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Мартин Корнак 67
СЛАВЯНСКОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ

С ПАПОЙ Я БЫЛА ЗНАКОМА 72 ГОДА... 77
Беседа с Халиной Квятковской

Перводчики: Е. Гендель, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, С. Полтыко, Е. Шиманская, А. Эппель
Фото: Agencja Gazeta (стр. 61, 77), Archiwum (стр. 32, 80), E. Lempp (стр. 3, 23)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

Марек Эдельман

Перевод Евсея Генделя

БОГ СПИТ

Фрагменты последних бесед, которые вели Витольд Бересь и Кшиштоф Бурнетко

Марек Эдельман (1919-2009) был врачом-кардиологом, во время войны — одним из создателей Еврейской боевой организации (ЕвБО), последним командиром восстания в варшавском гетто, участником Варшавского восстания. По убеждениям — социалист, после войны находился в остром конфликте с системой. Для Эдельмана величайшими ценностями были жизнь и свобода. Он всегда безоговорочно противился злу, но вместе с тем и банальному опошлению правды, сентиментальным представлениям о прошлом.

— Лех Валенса написал в письме к вам [в 1983 г.], что восстание в гетто было самым польским из всех польских восстаний. Разумеется, из-за своей безнадежности.

— Ибо то, что сегодня называют восстанием, действительно было безнадежным. Восстание происходит тогда, когда у вас есть какая-то цель и замысел или хотя бы надежда победить. Поэтому то, наше, нельзя, в сущности, назвать восстанием. Не было и речи о победе, речь шла о защите гражданского населения, да и то на какое-то время. Задача была в том, чтобы еще чуточку продлить людям жизнь. Было же известно, что не навсегда. Мы знали, что у нас нет шансов выиграть.

Мы были городскими партизанами. А если в городском партизанском движении у тебя нет поддержки населения, то тебе предстоит погибнуть. Городские партизаны существуют только вместе с гражданским населением. И потому мы тоже по сути дела существовали до тех пор, пока в гетто еще было хоть немного людей — укрывшихся тут, укрывшихся там. Они прятались, но нам помогали. Уже само знание того, что они еще где-то укрываются, было для нас очень важным...

Но мы не могли перенести наши действия за пределы гетто, потому что кроме гетто никакой базы не имели.

Население Варшавы относилось к нам по меньшей мере равнодушно, а в какой-то части — враждебно. Естественно, были и такие, кто стоял в гарнизонном костеле и плакал, видя пылающее гетто, но их была горстка. А остальные рядом развлекались на карусели.

Тогдашнее восстание не имело никаких шансов на победу — даже в замысле. Следовательно, это было не восстание, это была защита населения.

Разные организации говорили: эти евреи ничего не стоят, идут, словно бараны на бойню, не умеют защищаться — и это был сильный нажим. Хотя я как-то не видел крупных вооруженных выступлений польского подполья в Варшаве до той нашей авантюры в гетто в январе 1943 г., еще до восстания.

Первая польская акция была, когда отбили «Рыжего» у варшавского Арсенала. Но до этого, как раз в январе 1943 г., Еврейская боевая организация впервые сразилась в гетто с немцами, когда те пытались продолжать вывоз евреев в газовые камеры. Произошло несколько уличных столкновений, и на пятый день немцы прервали операцию.

Наше восстание вызывало разные отклики. У одних — сострадание, у других — ненависть, а третьи были довольны и говорили потом: какое счастье, что Гитлер сделал за нас эту работу и убил этих евреев.

Я этого не выдумываю: такое часто говорилось во время войны, причем не среди темных масс, но и среди интеллигенции тоже. Если крупный варшавский архитектор, который после войны отстраивал столицу, отвел в комендатуру к немцам двух маленьких еврейских детей... Они прятались у него под верандой — спали там, кормились тем, что где-нибудь насобирали... А когда горело гетто, он говорил: «Жаль, что этот Тувим тоже там не жарится». Мне рассказывала про это знакомая, которая была у него домработницей; ей, к счастью, удавалось как-то скрыть от этого человека, что она еврейка.

Так что с этой интеллигенцией бывало по-разному. Был Чеслав Милош, который написал стихотворение «Campo di Fiori», был Ежи Анджеевский, который написал рассказ «Страстная неделя». Это потрясающее произведение. А написать за 10-12 дней текст о том, что происходит прямо сейчас... Цель не в том, чтобы сразу получился Пруст, а чтобы дать свидетельство. Но, когда он на какой-то встрече писателей читал это в первый раз, только Налковская сказала, что это хорошо. Остальные молчали. Почему? Потому что они этим не жили. А это ведь был цвет польской интеллигенции.

Скажем, Ивашкевич тоже этим не жил. В его «Дневниках» есть запись, что он видит гетто, видит, как там горят всякие бумаги, — и сразу же после этого отправляется поесть пирожных и размышляет, хороши ли эти пирожные и придутся ли они по вкусу его приятелю. Он жил нормальной жизнью.

У Марии Домбровской в «Дневниках» тоже ничего нет. Большая польская писательница ведет ежедневные записи, и оказывается, что вопрос боев в гетто как бы не существовал. За три недели она ни разу об этом не упоминает. Естественно, когда требовалось потом официально что-то сказать, то она знает, что и как, но видно, что в ее жизни это вообще не имело значения.

В Варшаве жизнь была нормальной... Поэтому надо помнить и отмечать годовщины. Так поступают применительно к подобной позиции. Против нее. Потому что в какой-то момент безразличие — то же самое, что и уничтожение, убийство.

Если ясно видишь зло и отворачиваешься или не помогаешь, когда можешь помочь, то становишься одним из тех, кто несет ответственность. Потому что твоя отвернувшаяся голова помогает тем, кто вершит зло. А таких случаев были десятки. Гораздо удобнее и приятнее пойти в кафе и понаслаждаться пирожным, чем смотреть, как людей расстреливают. (...)

В гетто дошло до того, что как-то не отмечали смерти самых близких людей. Не получалось. Сам я имел дело со смертью главным образом в больнице. Даже не знаю, как увозили тех детей, которые у нас умирали. Видимо, это устраивало похоронное заведение Пинкерта, которое занималось захоронениями в гетто. Позднее я какое-то время работал в прозекторской, но и там тоже больница после вскрытий не закапывала тел.

— Вы помните, кто из ваших подчиненных первым погиб в восстании?

— Михал Клепфиш*.

— Где это случилось?

* Михал Клепфиш (1913-1943) — инженер-химик, руководитель оборонного производства и инженерно-саперной службы ЕвБО, один из храбрейших бойцов восстания, был посмертно награжден командующим АК крестом Virtuti Militari V класса. — *Здесь и далее прим. пер.*

— На Свентоерской, 36.

— Там, где теперь китайское посольство?

— Да.

— Он действительно заслонил телом пулемет?

— Он выскочил прямо на пулемет. Не заслонил его телом. Телом такого не заслоняют. Телом можно закрыть маленькую амбразуру. Михал руководил группой. Они были за дымоходом, а тот немец спрятался по другую сторону лестницы. Михал вел людей за собой и выскочил из-за дымохода, так как думал, что есть свободный проход. И тот немец его застрелил. Я тоже имел с тем немцем стычку, но меня он не застрелил. Потому что я был умный, а немец — лопух. Хотел меня из длинного оружия застрелить. Винтовка — она же длинная. А я приклеился к нему так, что он стрелял, но только мне за спину. Потом я рванул по лестнице, прыгал сразу по пол-этажа, я был тогда ловким парнем, раз-раз, — и не успел он выдернуть чеку из гранаты, как я уже был этажом ниже. Тот дом был, кажется, шестиэтажным. А случилось оно на чердаке.

Немцы подожгли этот дом, и всё сразу завалилось. Не помню точно, но Клепфиша, по-моему, даже не вынесли... А докопаться шансов не было, потому что когда дом начинал гореть, то кирпичи сразу же начинали падать, и щебня набиралось до высоты второго или даже третьего этажа. Но, может быть, кто-то другой успел его снести на первый этаж?

— Выходит, все те дома были сожжены?

— Сожжены. Они начали жечь гетто с нашего района, потому что не могли с нами справиться. (...) Как-то я зашел к одной знакомой журналистке, потому что было страшно холодно и мне хотелось погреться. Смотрю, а у нее на полке стоит статуэтка: евреи с бородами, в лисьих шапках — такие, кажется, под Краковом продают на ярмарках. Когда я спросил, откуда у нее это, она ответила, что если ночью боится здешних духов, то смотрит на этих евреев: они же всё-таки живы, раз стоят здесь... Ладно, это неважно. Но некоторые люди думают, что живут на кладбище, и боятся.

Впрочем, Муранов с виду ничем не отличается от других блочных микрорайонов Варшавы. По всей Европе кварталы новой застройки выглядят одинаково. Это дома для людей, у которых нет средств, чтобы жить во дворцах, так что им приходится жить в этих казенных домах. Надо думать, стандарт ванных в Париже может оказаться выше, чем в Бухаресте, но снаружи оно выглядит одинаково.

— Разве что в Муранове блочные дома выстроены на тех холмах...

— Там до второго, до третьего этажа были развалины. Часть вывезена: приезжали люди из маленьких городков и вывозили кирпичи, чтобы строить себе дома. Но большая часть щебенки осталась. И известно, на чем они там живут.

— А когда, собственно, разобрали стену гетто?

— Не помню. Это, видимо, было сразу после войны. Я вернулся в Варшаву в начале 1945-го — в январе, феврале или марте — и не помню, чтобы видел хоть остатки стены. Думаю, те кирпичи сразу принялись разворовывать. Иначе была бы, по крайней мере, какая-то документация, ведь очень скоро начало работать Управление по восстановлению столицы. И, наверно, какие-то фрагменты они бы оставили. Тот кусочек во дворе на Твардой сохранился случайно.

— Но во время Варшавского восстания стена еще стояла? Оставалась ли та территория гетто, где вы сражались в 1943 г., еще и в августе 1944-го по-прежнему отрезанной немцами от остальной части города?

— Нет, ведь там был лагерь, называвшийся Генсювкой (от названия Генсей — Гусиной ул. — *Пер.*). Вокруг были немцы, но АК устроила наступление на Генсювку. И освободила евреев из разных стран, которых там держали. Большинство из них, впрочем, потом погибло.

— Каким образом?

— Я не в состоянии этого сказать, не видел. Выжило несколько человек. Один из таких, грек, даже приезжал каждый год на годовщину восстания. Но остальные... Они были всё время в полосатых робах, их не переодели в гражданское. Раз я видел, как они выносили какую-то большую бомбу с шестого этажа. Их было человек двадцать — все в этих робах. Я начал расспрашивать, и мне сказали, что было наступление на Генсювку и они оттуда.

— Может, кто-то позаботился о том, чтобы они остались в тех полосатых робах...

— Не могу сказать. Я имел с ними ограниченный контакт, так как поначалу их держали в бараках. А что с ними стало? Вроде бы некоторые сражались в восстании, а остальные где-то рассыпались. Но я не знаю, потому что во время восстания был совсем в другом месте. Мой пост был в Старом городе, внизу, на Мостовой улице, около того белого дома, где сегодня театр «Стара проховня». Там на меня свалилась каменная кладка, потому что на стену налетел танк, а я стоял прямо за ней, и меня засыпало.

В любом случае в Муранове среди тех кирпичей по-прежнему существуют следы прежней жизни. Когда валится высокий дом, то с верхних этажей вместе с кирпичами, черепицей, балками падает мебель. И даже когда всё горит, какой-нибудь шкаф или стол из твердой древесины, оказавшись засыпанным щебенкой с верхних этажей, порой остается невредимым. Сам помню, как в марте-апреле 1945-го, не позже, люди вытаскивали мебель из-под тех руин. (...)

Кстати, тогда можно было найти и тела убитых. На виадуке в Жолибоже, со стороны Старого города, долго лежала девушка, застреленная в варшавском восстании... Может, связная, не знаю... Молодая, в пятнистой гимнастерке защитного цвета, у нее и кобура еще была пистолетная... Видно было, что красивая, хотя ее ранило в лицо... Лежала она таким вот образом добрых несколько месяцев, и только позже ее забрали.

Даже недавно, когда начали копать фундамент под Музей польских евреев, нашли какие-то старые объявления еврейской общины, которые кто-то из чиновников или служащих, видимо, спрятал во время последней акции в январе 1943 года. Там был песок, вот они и сохранились. Вроде бы их забрали какие-то историки.

Не знаю, важно это или нет, но в Муранове и под землей, и между теми кирпичами тоже есть следы тогдашней жизни.

— Почему никогда не пытались эксгумировать людей из бункера на Милой, 18? Анелевича и других?*

— Для чего эксгумировать? И что, перенести эти кости на кладбище? Что это даст? Так они лежат с тем своим оружием без патронов, и всё. Никто этого не трогает, и не надо трогать. Для чего трогать? Ведь всё это вместе взятое образует большое кладбище, а потому зачем это трогать.

Что на Милой, 18 под тем холмиком есть люди — это известно. Но под домом рядом тоже есть люди, из других бункеров. Десятки и сотни людей... — все там, под теми руинами. Некоторые тела могли мумифицироваться, от некоторых, скорее всего, остались только кости. Но не надо так уж слишком туда заглядывать. Известно, что там — кладбище... А на кладбище существуют аллеи, значит здесь, быть может, аллеями служат мостовые?

— Не бралась ли эта ваша склонность к риску из того, что вы привыкли к нему во время войны? А теперь врачи созревают попросту уже в другую эпоху.

— Может быть. Не знаю. Медицина меняется, а врачи меньше работают теперь головой, больше аппаратурой, вот оно так и получается. В любой специальности надо быть профессионалом и надо знать, что важно, а что нет. Когда у тебя болит живот, то либо ты тяжело болен, либо в принципе здоров и только дуришь всем голову.

Если чего-нибудь не умеют диагностировать сразу, то начинают искать аппаратурой. А для нее тот, кто болен, может выглядеть как здоровый, а здоровый — как больной.

— Знание и мышление эффективнее, чем аппаратура?

— Наверняка. Тем временем сегодня врачей учат, что на всё есть машина. Она за тебя отвечает, она тебе из капли крови устроит целый медосмотр — нужный, ненужный, но устроит. Однако хотя вроде бы все данные есть, но потом оказывается, что они вообще не имеют никакого отношения к делу... Всё равно это не для ваших голов.

— Сколько лет было самому младшему из членов Еврейской боевой организации?

---

* Там находился главный штаб ЕвБО, где немцы после длительных и тяжелых боев захватили около полусотни вооруженных повстанцев, а также нашли тела тех, кто покончил с собой; в их числе 24-летний Мордехай Анелевич, командовавший восстанием.

— Его звали Люсек, лет 13-14. В среднем нашим было примерно лет по 17-18. Кое-кто уже сдал на аттестат зрелости, так что им, должно быть, исполнилось положенных 19.

— А почему не было таких, кто старше? У них что, имелись семьи, и они боялись за них? Или не верили в смысл борьбы?

— Молодому легче — таков ответ. Это очевидно. Почему в армию берут где-то в двадцать лет, а не в сорок? И почему в отборных, гвардейских полках служат молодые люди? Во-первых, когда ты помоложе, тебе никогда и в голову не приходит, что в тебя попадет пуля. Думаешь, что она попадет в кого-то другого. Война — это игра молодых. Старшие идут поневоле, смерть уже заглядывает им в глаза, они уже видели хотя бы, как умирала старая тетка. Молодые даже этого не видели, им смерть представляется абстракцией.

У нас насчет возраста никто не спрашивал, но это было именно так. Даже если принять в расчет Михала Клепфиша и Залмена Фридриха — «Зигмунта», хотя они были не рядовыми солдатами, а командирами. Но ведь Михалу было, вероятно, лет 25-26, потому что он был уже после Политеха. Зигмунту, видимо, столько же, раз его дочке было лет пять, а сам он уже зарабатывал. Я забыл, где он работал, — в каком-то профсоюзе.

— А вы боялись?

— Чего?

— Чего угодно.

— Когда боишься, то не делаешь. Когда делаешь, то не боишься.

— Вы нам рассказывали, что во время одного из совещаний Еврейской боевой организации вы поймали парня, который мог вас подслушивать. И решили его ликвидировать, так как был риск, что он агент гестапо.

— Так оно и случилось.

— Но вы ведь не были на сто процентов уверены, что он действительно агент?

— Мы не знали на сто процентов, виновен ли он... Но кто-то видел, как он выходил из дома, где располагалось гестапо. Теперь трудно это воспроизвести... Неважно, что там было, но существовала угроза. Это был чужой человек, никто его не знал, а он засунул голову в вентиляционную вытяжку над нашей квартирой и слушал, о чем мы совещаемся. Потом он говорил, что хотел записаться в какую-нибудь вооруженную группу. Неизвестно. Дело было сделано — слишком велика была опасность, чтобы оставлять его в живых.

— Как реагировали те молодые парни из ЕвБО, ваши подчиненные, когда им довелось в первый раз кого-то убить? Ведь они не были солдатами, которых учат, готовят к убийству.

— Во-первых, не все убивали. А парней, которые убили Носсига и Фирста — евреев-коллаборационистов, сотрудничавших с немцами, — я сколько-нибудь хорошо не знал. Было двое или трое ребят, которые умело, надежно и быстро приводили приговоры в исполнение. Но я не могу сказать, какая у них была психология. (...)

— А когда носильщики, крепкие мужики, во время большой ликвидации шли в вагоны, то действительно ли они верили, что будут нужны и переживут войну?

— Поставьте себя в их положение. Вот вы просите меня рассказывать вам всякую чушь, а сами ничего из этого не понимаете. Постарайтесь вчувствоваться в ситуацию голодного человека. Вы толстый, я понимаю, что вам хватает колбасы. Но, если вы три дня не будете есть эту колбасу... Почему вы меня об этом спрашиваете? Встречаются два мира. Человек, который работает журналистом и который не умеет сам этого сформулировать, он только спрашивает: а что думал тот, что думал этот? Сам придумай, что он думал.

— Но вы не дали себя обмануть. Вы не пошли за тем хлебом.

— Не пошел. И всё. Конец. Если у тебя не хватает мозгов, чтобы понять, почему человек после пяти-шести дней полного отсутствия еды пойдет за тремя килограммами хлеба в любое место, то с тобой не о чем говорить. Это действительно какой-то другой мир, а я нахожусь не в том же мире.

— Потому что это и был другой мир.

— Для вас, ибо вы объевшиеся, сытые... и журналисты. Что он думал, когда подставлял спину? Что думал, когда был голоден? Думал ли он, что выживет? Вы идиоты, и дело с концом. Я говорю совершенно всерьез — меня это выводит из себя. Потому что даже если вы этого не знаете, то, раз я рассказываю вам третий день, а вы все равно не понимаете, значит, вы недоразвитые!

— Вы тоже нас выводите из себя...

— Это уже на самом деле неслыханно... И они у меня еще спрашивают, действительно ли эти носильщики верили, что выживут, если получат три кило хлеба или килограмм мармелада? Я не в состоянии с ними разговаривать. Они из другого мира, с Луны сюда приехали. Здесь в каждой семье кого-то убили, а они не чувствуют даже этого террора... Плохие журналисты, кошмарные люди, безголовые. Потому что нельзя задавать такие вопросы. Если вы не понимаете, что такое голод, то как с вами говорить? Он не понимает, потому что у него всегда была жратва, потому что мамочка в него заталкивала манную кашку.

— Вы сами говорили: жаль, что они пошли на Umschlagplatz*.

— Я не говорил: жаль, что они пошли. Никогда я такого не произносил. Я лишь констатирую факты. И никогда этого не оценивал. Это вы оцениваете. Не прикрывайтесь мною, потому что вы ничего в этом не понимаете. (...)

— После Варшавского восстания вы до конца войны скрывались на улице 3 мая в Гродзиске-Мазовецком. И в январе 1945 г. увидели на тамошнем рынке русский патруль. Он состоял из женщин-солдат на лошадях...

— А до чего ж красивыми они были на этих лошадях! Девчонки сидели боком, как амазонки. На них были такие плотно прилегающие к голове меховые шапочки — без полей. Выглядели все замечательно. Их было 24, вроде бы радистки, специалистки по связи. Ну и всё — Гродзиско уже оказалось занятым. Вся Рыночная площадь хлопала в ладоши.

— Люди радовались?

— Да-а-а... Ведь немец их убивал, забирал у них все, а тут они наконец-то от него избавились. Это была возможность перевести дыхание: стрелять в тебя уже не будут. А те русские наверняка не стреляли, потому что они были такими симпатичными девушками — обалдеть можно. Все радовались, масса народу, на улицу высыпали целые семьи: матери, дети. Был такой полумрак, я стоял где-то возле стены, Целина немного дальше. Не помню, пришел ли с нами Антек...** А может, он и был, только стоял где-то дальше. Я говорю ей: посмотри, а что мы? Никого у нас нет, дома нет.

— Но в компартию вас не тянуло.

— Ясное дело — я же знал, что это за бандиты.

Но и русские тоже страшно натерпелись от немцев, а поэтому у них появилась чистейшая ненависть. Не удивляюсь: если в деревню приходили немцы, они вырезáли половину народу, у остальных забирали еду и т.д. Прекрасно помнилось, что и в Польше они тоже жгли в 1939 г. целые деревни без всякой причины. Польские крестьяне тоже их ненавидели, потому что у них забирали все продукты, устанавливали обязательные поставки.

Так что тогда была всеобщая ненависть к немцам.

Я знаю, что при русских было плохо: террор, всякие гадости и колхозы. Но они хотя бы не говорили, что ты *untermensch*, — наоборот, что ты человек. Тогда у тебя совсем другое самочувствие. А еды нет, объясняли нам, потому как кругом всеобщая бедность.

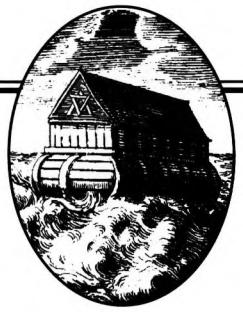
Поэтому неправда, будто в 1945 или 1946-м люди считали, что приход русских — это рабство. Может быть, политики — Окулицкий, ППС [Польская социалистическая партия]... Но население радовалось, потому что могло наконец вздохнуть с облегчением и заново начать в меру нормально жить. Знаю, что на углу было Управление безопасности, но поначалу даже оно было смешным.

Marek Edelman. ***Bóg śpi****. Warszawa: Świat Książki, 2010.*

---

* Umschlagplatz (буквально: перевалочный пункт) — площадь в гетто, куда сгоняли евреев для погрузки в эшелоны, отправляющиеся в лагерь уничтожения.

** Целина (Цивия) Любеткин и Антек (Ицхак) Цукерман — друзья Эдельмана, связная и боец ЕвБО, после войны поженились и выехали в Израиль, жили в кибуце, где и скончались.



Ханна Кралль

Перевод Евсея Генделя

БЕЛАЯ МАРИЯ

(Отрывок)

Звонок из Мерано: приглашение на литературные вечера.

Мерано? Охотно. Увижу, куда это выбирался Марек Эдельман с Гражиной Куронь.

Гражина умирала, Яцек сидел, а М.Э. рассказывал сказку. (М.Э. не любил страха. Чужого, так как собственного не испытывал. Поэтому он проводил людей через смерть. При нем те не боялись, не знали даже, что умирают).

— Когда ты выздоровеешь, — говорил М.Э. Гражине, — я куплю тебе платье из органди. И зонтик от солнца куплю, шелковый, с оборками. И мы выберемся в Мерано.

— Я бы предпочла в Святую Землю, — возражала Гражина. — Увидела бы Крестный путь.

— Хорошо, — соглашался М. Э., — мы посетим Крестный путь, но ненадолго, будем спешить в Мерано.

— Ехать мы собирались на лошадях, — рассказывал мне М.Э.

— На лошадях? — спрашивала я, возмущенная. — Муж в тюрьме, а вы...

— Не огорчайся, — успокаивал М. Э. — Он поехал бы с нами, сел около кучера.

— Вы в экипаже, а муж около кучера?!

М.Э. потерял терпение:

— На козлах же сильно дует, а я уже старый; хочешь, чтоб мне почки продуло? Яцек молодой, пусть себе сидит.

Гражины нет.

Яцека нет.

В путеводителе пишут, что климат мягкий, средиземноморская растительность и культурные влияния Центральной Европы, незабываемая атмосфера для людей искусства. Франц Легар сюда приезжал, и Бела Барток. И Кафка. И многочисленные курортники, проходившие курс лечения, потому что в павильоне минеральных вод (пишут в путеводителе) вели прием выдающиеся еврейские врачи.

Кафка останавливался в Оттобурге, мог бы и М.Э. тоже. Скромный, приятный пансион. Ящерицы и птицы навещают его в комнате, а цветущие кусты захлестывают балкон, как сам Франц Кафка рассказывал Милене.

Прогулки — обязательно по променаду. С рекою слева, а по правую руку — с курзалом («До чего большой, — говорила бы Гражина с восхищением, — а до чего белый...»). Это здесь те выдающиеся врачи. А смогли бы они помочь Гражине с ее таинственной болезнью легких? Вряд ли, раз М.Э. ее не вылечил. Тоже, в конце концов, выдающийся еврейский врач.

Дам с шелковыми зонтиками нет.

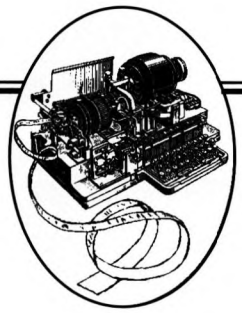
Туристы есть. В кроссовках-адидасах, в джинсах и пропотевших хлопчатобумажных майках. Позируют фотографам перед павильоном минеральных вод и среди цветущих олеандров. В пассаже под арками примеряют китайские водолазки. В ресторане целый час ждут официанта. По полу прогуливаются воробьи, синички и голуби, от столиков им бросают остатки пиццы.

— Дорогой М.Э., — собиралась я сказать. — Вы не успели. Не жалей, того Мерано уже нет.

Не успела сказать.

Нет М.Э.

Это отрывок из последней книги Ханны Кралль, которая в мае выйдет в издательстве *«Свят ксёнжки»*. Автор, выдающаяся журналистка и писательница, опубликовала в 1977 книгу *«Успеть до Господа Бога»*, основанную на разговорах с Мареком Эдельманом (русский перевод: Звезда. 2006. №5). О нем же говорится в приведенном отрывке, а кроме него — о Гражине и Яцеке Куронях. Гражина умерла в 1982, когда Яцек, один из создателей демократической оппозиции, находился в тюрьме.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» «Главное статистическое управление (ГСУ) опубликовало предварительные данные за четвертый квартал 2010 г. — как и ожидалось, очень хорошие. Когда экономики почти всех стран Евросоюза только начинают разгоняться и еще очень далеки даже от восстановления докризисного уровня производства, рост ВВП на 4,4% (за весь год — на 3,8%) — это несомненный успех (...) Не менее оптимистично выглядят и последние прогнозы Европейской комиссии, ожидающей, что в 2011 г. мы останемся лидерами в группе семи крупнейших экономик Европы, а наш темп роста удержится на уровне более 4%. Это по-прежнему будет меньше, чем докризисные 7%, но все равно более чем в два раза превысит средний рост по ЕС. Однако, глядя на эти цифры, следует помнить, что наш оптимизм должен быть умеренным, так как одновременно существует множество явлений, в результате которых наше развитие вовсе не гарантировано, наблюдаемая динамика может не сохраниться, а шансов на возвращение к докризисным временам всё еще не видно», — проф. Витольд М. Орловский, главный экономист компании «ПрайсуотерхаусКуперс». ***(«Жечпосполита», 4 марта)***

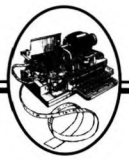
» «Европейская комиссия обратилась к нам, требуя быстрого ограничения дефицита. «Как это? — спросил наш министр. — Ведь у нас далеко не самый высокий дефицит в ЕС». — «Конечно, нет, — ответила комиссия, — но ведь вы сами говорили, что у вас не было рецессии, поэтому вообще непонятно, почему у вас возник такой большой дефицит»», — проф. Витольд М. Орловский. *(«Жечпосполита», 18 февр.)*

» «Как утверждают эксперты, у Польши нет никаких шансов привести свою экономику в соответствие критериям вступления в еврозону даже к 2019 г., поэтому мы должны смириться с тем, что важнейшие решения будут приниматься без нашего участия (...) Идею создания отдельной структуры управления для еврозоны проталкивал Николя Саркози (...) Решение, принятое Меркель и Саркози, поддерживают руководители (...) двух главных европейских органов власти: Герман ван Ромпей и Жозе Баррозу. Первый уже обещал организовать через несколько недель саммит еврозоны и называл евро «нашей валютой», хотя, как председатель Европейского совета, он представляет 27 государств, т.е. 11 валют». ***(Анна Слоевская, «Жечпосполита», 7 февр.)***

» «Польша должна уцепиться за обещание, данное, очевидно, чтобы от нас отделаться: что страны, не входящие в еврозону, будут приглашены участвовать в ее формировании (...) Обещание это было дано в ответ на резкие слова Дональда Туска о разделении объединенной Европы. Тот факт, что он боролся за «наше и ваше» участие, получил высокую оценку», — Януш Левандовский, польский комиссар ЕС. *(«Впрост», 13 марта)*

» «Начало этого года изобиловало экономическими неожиданностями. Больше всего тревожит необыкновенно быстрый рост инфляции, которая составила целых 3,8%. По сравнению с декабрем цены подскочили на 1,7% (...) Январь принес также рост безработицы — она составила 13% против 12,7% в декабре. Число безработных, зарегистрированных в органах службы занятости, перевалило за два миллиона и составило 2105 тыс. человек». ***(«Газета выборча», 24 февр.)***

» «В 2010 г. физические лица купили полторы тонны золота. Между тем, согласно опросу ГфК «Полония», проведенному 10-14 февраля, в прошлом году две трети поляков не отложили ни одного злотого (...) Килограммовый слиток золота стоит 137,5 тыс. злотых. В конце января он был почти на 10 тысяч дешевле (...) В прошлом году объем накоплений домашних хозяйств увеличился на 110 млрд. злотых. По последним данным, поляки накопили на банковских счетах, в инвестиционных фондах, в виде акций и облигаций почти 908 млрд. злотых». *(«Жечпосполита», 28 февр.)*



» **«Самый обремененный долгами поляк должен банку 87,6 млн. злотых. По данным Бюро экономической информации «ИнфоМонитор», трудности с погашением задолженностей испытывают более 2 млн. поляков. В течение последних трех месяцев абсолютный уровень задолженности поляков вырос более чем на 3,15 млрд. злотых, т.е. на 12%, и в настоящее время составляет 28,21 млрд. злотых. В течение года непогашенные задолженности выросли на 68%. Увеличилось и число людей, испытывающих трудности со своевременной уплатой долгов».** ***(«Жечпосполита», 3 марта)***

» «С 2004 г., когда Польша вступила в ЕС, по 2009 г. польские крестьяне получили только в виде прямых дотаций (а они пользуются и другими фондами и программами) 50 млрд. злотых. В Польше дотации получают 1,4 млн. крестьян. Однако, согласно исследованиям Института экономики сельского хозяйства и продовольственного рынка, свою продукцию продают лишь 800 тыс. хозяйств. Большинство из остальных 600 тыс. выращивает картошку и производит коровье молоко для собственных нужд, но среди них нет недостатка и в таксистах, бухгалтерах, гинекологах, предпринимателях, которые рассматривают сельскохозяйственные дотации как банковские вклады (...) По данным лондонского института «Open Europe», Евросоюз производит самые дорогие в мире продукты питания. Иначе и быть не может, если цены на 90% сельскохозяйственных продуктов на самом деле устанавливают политики, а 70% этих продуктов охраняется таможенными пошлинами, достигающими 100%. Европейцы своими налогами финансируют чрезмерно разросшуюся систему сельскохозяйственных дотаций». *(Томаш Мольга, «Впрост», 27 февр.)*

» **«По состоянию на 30 сентября 2010 г. в государственной администрации, Управлении социального страхования и министерстве национальной обороны было занято 659,9 тыс. сотрудников (...) 30 июня того же года число сотрудников этих ведомств составляло 652,7 тысячи. Иными словами, в течение квартала прибавилось 7,2 тыс. человек, что дает годовой темп роста 30 тыс. человек — больше, чем в 2009 году (...) Накануне падения коммунизма в Польше было 158 тыс. чиновников. За 20 лет, несмотря на рыночную экономику, их число утроилось».** ***(Кшиштоф Рыбинский, «Жечпосполита», 4 февр.)***

» Государственные леса: «26 тыс. рабочих мест. Одно из крупнейших государственных предприятий (...) Как правило, новое правительство меняет генерального директора, региональных директоров, старших лесничих, а случается, что с должностями расстаются и рядовые лесничие. Раз в четыре года или чаще Государственные леса переживают кадровое землетрясение. Однако, прежде чем новые управляющие привыкают к своим креслам, приходит время новых выборов и новых перетасовок». *(Дариуш Вильчак, «Ньюсуик-Польша», 27 февр.)*

» **«Десятки миллионов злотых потеряли государственная казна и органы местного самоуправления в результате 11 постановлений Имущественной комиссии, которая возвращала католической Церкви [отнятую коммунистическими властями] недвижимость, — сообщило прокуратуре Центральное антикоррупционное бюро (...) Пресс-секретарь Епископата о. Юзеф Клёх написал в специальном заявлении, что эти 11 постановлений — всего 0,3% из трех с лишним тысяч дел, которые рассмотрела комиссия».** ***(«Дзенник — Газета правна», 22 февр.)***

» «Открытые пенсионные фонды (ОПФ), приватизация и уменьшение государственного долга — эти три темы стали предметом дискуссии главных действующих лиц польской общественной жизни. Температура дискуссии растет с недели на неделю, экономические аргументы смешиваются с политическими, а также, увы, личными». *(«Тыгодник повшехный», 27 февр.)*

» **«Конфликт правительства с ОПФ — очень важная борьба за место государства в системе социального страхования. Кому принадлежит более значительная роль? Чего должно быть больше: государства или частных финансовых институтов? Что безопаснее с точки зрения пенсионеров? Кто дает более надежную гарантию, что через полтора или несколько десятков лет выплатит нам пенсию?»** ***(Ежи Доманский, «Пшеглёнд», 27 февр.)***

» «Какие последствия могут иметь предлагаемые правительством изменения в ОПФ? Поляки, откладывающие деньги в ОПФ, будут платить прежние взносы, но на их счета поступит меньше

средств. Часть из них перехватит правительство и использует для выплаты текущих пенсий. В результате вместо собственных денег на счету в ОПФ люди получат лишь обещание будущей пенсии в Управлении социального страхования (УСС). Это важное изменение. Взносы, поступающие в ОПФ, — это конкретные активы: они приносят доход, их можно передать по наследству, продать на рынке за наличные, в отличие от записей в книгах УСС, которые остаются не более чем обещаниями», — проф. Дариуш Росати, бывший министр иностранных дел и евродепутат. *(«Газета выборча», 16 февр.)*

» «Неужели не видна разница между системой накопительной, где мы инвестируем, и распределительной, где мы только собираем деньги и делим их между пенсионерами?! Министр финансов и правительство внушают нам, что существенной разницы нет. Это попытка спорить с азбучными истинами и возмутительная дезинформация (...) А что скажет «Гражданская платформа» своим избирателям? Вместо того чтобы нападать на ОПФ, она должна открыто представить ситуацию, обрисовать программу по ограничению тормозящих страну расходов и тем самым ускорить развитие. Это было бы лучше не только для Польши, но и для избирательных шансов «Платформы». Международные исследования показывают, что партии, которые не информируют о своих реформаторских намерениях, не побеждают на выборах (...) Я отстаиваю едва ли не важнейшую реформу, которую удалось провести в Польше в XXI веке», — Лешек Бальцерович. *(«Газета выборча», 19 февр.)*

» «Демонтаж системы ОПФ влечет за собой серьезный риск (...) Правда, государственный долг теперь уменьшится, но это произойдет ценой его значительного роста в недалеком будущем, причем стоимость обслуживания будущего долга будет существенно выше, чем нынешнего. В самом крайнем случае это может означать, что государство будет не в состоянии выплачивать пенсии (...) Средства, контролируемые УСС, можно будет предназначить на разные цели — в т.ч. и на сохранение различных привилегий. Ликвидация ОПФ означала бы присвоение государством активов, превосходящих 220 млрд. злотых. Это дало бы контролирующим УСС политикам огромную власть (...) Мой решительный протест против идеи правительства вытекает из уверенности, что его истинная цель — ликвидация ОПФ и взятие под контроль накопленных активов», — проф. Ежи Хауснер, советник бывшего президента Александра Квасневского, вице-премьер и министр в правительстве Лешека Миллера, сохранивший свой пост также в правительстве Марека Бельки. *(«Газета выборча», 14 февр.)*

» ««Польская пенсионная реформа [1999 г.] — это отличная работа», — пишут в отчете, подготовленном для польского правительства, эксперты Всемирного банка. Особенно они хвалят Польшу за то, что уже в 2024 г. мы не будем дотировать пенсионную систему из бюджета. Согласно расчетам Всемирного банка, в дальнейшем доходы нашей пенсионной системы могут даже превысить расходы (...) «Учитывая старение польского общества, это поразительное достижение», — оценивает Всемирный банк. Однако эксперты признают, что этого удалось достичь благодаря тому, что в будущем пенсии будут очень низкими (...) Что сделать, чтобы будущие пенсионеры не бедствовали? Всемирный банк советует: увеличьте взносы в ОПФ и сделайте их более эффективными (...) Премьер Дональд Туск (...) вместо реформы ОПФ решил уменьшить поступающие в них взносы». *(Мартин Бояновский, «Газета выборча», 18 февр.)*

» «В целесообразности предлагаемых изменений в пенсионной системе правительство не убедило почти никого (...) Против выступают предприниматели и профсоюзные деятели из «Солидарности». Условно правительственный проект поддержало только Всепольское соглашение профсоюзов. Такие позиции представили общественные партнеры в ходе 30-дневных консультаций по вопросу правительственного проекта уменьшения взносов в ОПФ». *(«Газета выборча», 24 февр.)*

» «Согласно опросу ЛСИ DGA, проведенному 4-6 февраля, более двух третей поляков (67%) не понимают, о чем идет речь в политической дискуссии об ОПФ (...) Представленные правительством обоснования удовлетворяют только 14% опрошенных». *(«Дзенник — Газета правна», 17 февр.)*

» «Хотя люди, ведущие спор о будущем польской пенсионной системы, и руководствуются сомнительными намерениями, у этого спора все же есть одно огромное и одно небольшое преимущество.

Прежде всего, после него у людей останется уверенность, что пенсии, выплачиваемые из наших обязательных взносов, будут низкими, если мы будем работать долго, и очень низкими — если недолго. Еще несколько месяцев назад поляки не располагали этими банальными сведениями. Это гигантский прогресс, значение которого невозможно переоценить, поскольку он может вызвать постепенную смену отношения трудящихся к добровольным сбережениям на старость. Правительство должно использовать этот шанс, активно поддерживая такие сбережения с помощью налоговых льгот, о чем мы говорили еще два года назад. Небольшое преимущество этой дискуссии заключается в том, что мы немного больше узнали о методах решения трудных экономических вопросов, используемых нашими экономическими политиками. Такие уроки всегда полезны — они окупаются у избирательных урн», — Януш Янковяк, главный экономист Польского совета бизнеса. *(«Тыгодник повшехный», 27 февр.)*

» **«На примере ОПФ «Платформа» показала, что ради своих политических интересов готова на всё (...) Ее намерения не были чисты (...) ГП торпедирует одну из важнейших реформ, проведенных ее же политической средой (...) Она делает это конъюнктурно. Решение по ОПФ влияет на настроения экономических кругов и их отношение к «Платформе». Впрочем, вероятно, не только их. Нельзя забывать, что ОПФ — это большие деньги, а там, где большие деньги, часто появляются сильные лобби (...) Еще выборы в органы местного самоуправления показали, что интеллигенция и молодежь начинают отворачиваться от «Платформы» (...) Часть людей заметила, что ГП относится к органам местного самоуправления исключительно как (...) к ресурсу должностей для своих членов (...) Здесь «Платформа» отличилась значительно большей эффективностью, чем ее политические оппоненты (...) Конкурсы [на должности в контрольных советах] предприятий [с участием государственного капитала] — это фикция и компрометация», — Артур Балаш, бывший депутат, министр в правительствах Тадеуша Мазовецкого и Яна Ольшевского.** ***(«Польска», 7 марта)***

» «Согласно опросу ЦИМО, проведенному с 3 по 6 февраля, 70% поляков считают, что дела в Польше идут в плохом направлении. По сравнению с январем число негативных оценок выросло на 11%. Положительно ситуацию в Польше оценивают 22% опрошенных — на 8% меньше, чем месяц назад». *(«Жечпосполита», 17 февр.)*

» **«В последнем рейтинге доверия к политикам Бальцерович занял 4-е место (...) Ему доверяют 49% поляков, а с недоверием к нему относится пятая часть респондентов. Это радикальное изменение по сравнению с первой половиной 90-х (...) Поляки придумали два пути, как свыкнуться с бывшим вице-премьером, министром финансов и президентом Польского национального банка. Во-первых, его считают отцом реформ в начале преобразований и стражем национальных денег в первом десятилетии XXI века. Во-вторых — одним из символов Третьей Речи Посполитой (...) Сегодня Бальцерович — это термометр, показывающий образ мыслей и эмоциональное состояние многих поляков, в т.ч. и ядра электората правящей партии. Худшая вещь, которую может придумать Туск, — это разбить такой термометр в надежде, что температура спадет».** ***(Мирослав Чех, «Газета выборча», 19 февр.)***

» Бальцеровича люди слушают с большим вниманием, так как они глубоко убеждены, что это честный человек, что он может ошибаться и, возможно, у него крайние экономические воззрения, но он наверняка не руководствуется низкими побуждениями. А люди власти стали нападать на него лично, нередко приписывая ему такие мотивы. Это была роковая ошибка. Общество чувствует, что это неправда, что с Бальцеровичем можно спорить по сути, но поставить под сомнение его честность нельзя», — проф. Александр Смоляр, президент Фонда им. Стефана Батория. *(«Впрост», 6 марта)*

» **«В последнем рейтинге доверия ЦИОМа продолжает лидировать Бронислав Коморовский (65%). Лидеру Союза демократических левых сил (СДЛС) Гжегожу Наперальскому доверяет 51% опрошенных (...) а Дональду Туску — 47%».** ***(«Жечпосполита», 23 февр.)***

» Согласно опросу ЦИОМа, проведенному с 3 по 9 февраля, сторонниками правительства Дональда Туска считают себя 37% опрошенных, противниками — 31%. 31% респондентов оценивает экономическую политику правительства

положительно, а 54% — отрицательно. 43% поляков довольны премьер-министром, а 31% — недовольны. *(«Газета выборча», 18 февр.)*

» Согласно опросу ЦИОМа, проведенному с 3 по 9 марта, ГП поддерживают 35% опрошенных, «Право и справедливость» (ПиС) — 18%, СДЛС — 16%, крестьянскую партию ПСЛ — 4%. Избирательный порог составляет 5%. *(«Газета выборча», 11 марта)*

» «Пока в Польше лишь СДЛС и ПСЛ выдержали смену лидеров. Посмотрим, как это получится у ПиС и ГП», — Мирослава Грабовская, профессор Варшавского университета, директор ЦИОМа. *(«Пшеглёнд», 20 февр.)*

» «В конце срока полномочий политики перестают быть для банков привлекательными клиентами (...) Опасаясь, что их могут не выбрать на второй срок, банки ужесточают для них условия предоставления кредитов. «Пытаясь получить кредитную карточку, я услышал, что мне дадут ее, но после выборов, когда у меня будет гарантия финансовой ликвидности», — говорит один политик. Банкиры уверяют, что для них важнее всего оценка кредитоспособности». *(«Жечпосполита», 25 февр.)*

» «Власти помогут людям, страдающим депрессией (...) Для предотвращения заболеваемости правительство подготовило указ (...) Министерство здравоохранения должно разработать программу профилактики депрессий и самоубийств и начать проводить ее с июля 2011 года (...) Министерство образования должно осуществлять профилактику психических заболеваний у детей и молодежи (...) Министерство внутренних дел и администрации, а также министерство национальной обороны должны позаботиться о скорейшей психиатрической помощи (...) в случае психического кризиса у своих сотрудников. Министр юстиции должен, в свою очередь, предотвращать заболеваемость сотрудников тюремной службы и заключенных». *(«Жечпосполита», 18 февр.)*

» «Всемирный банк опубликовал рейтинг качества государственного управления, (...) включающий более 200 стран (...) Рейтинг касается 1996-2009 гг. (...) В первой категории оценивается эффективность и качество управления, политическая независимость государственной администрации, качество государственной политики, а также обоснованность планов правительства. В 1996 г. (...) Польша была в этой категории самой высоко оценивавшейся страной региона (...) В 2009 г. ее опередили другие страны (...) Позади остались лишь Болгария и Румыния. Во второй категории, т.е. по качеству законодательства (...) в 1996 г. мы опережали Словакию. Сейчас (...) Словакия впереди Польши, а хуже нас лишь Болгария и Румыния. Третья категория касается правового государства, работы судов, а также возможности бороться за свои права и принудительное выполнение договоров. В 1998 г. Польша была на третьем месте в регионе (...) Сейчас (...) нас почти догнала Румыния, а позади осталась только Болгария (...) В рейтинге свободы в 1996 г. мы были на втором месте (...) сейчас на третьем (...) Мы были и продолжаем оставаться во главе регионального рейтинга по политической стабильности. В 1996-2009 гг. в большинстве стран региона наблюдалось улучшение эффективности управления. В Венгрии этот показатель остался примерно на том же уровне, а в Польше сильно упал (...) В большинстве стран выросло или осталось без изменений доверие к правовому государству, а его падение отмечается лишь в Венгрии и Польше». *(Кшиштоф Рыбинский, «Жечпосполита», 18 февр.)*

» «Свыше 32 тыс. евро должно выплатить правительство истцам, выигравшим дела в Европейском суде по правам человека с января 2011 года. В 2010 г. суд вынес 107 решений по делам поляков. В 87 случаях установлено нарушение Конвенции. Из 133 решений, вынесенных в 2009 г., нарушения были установлены в 123 случаях. Мы в числе лидеров не только по несоблюдению прав человека, но и по невыполнению постановлений суда (...) По этой статистике нас опережают Турция (...) Россия (...) Румыния (...) и Украина». *(«Дзенник — Газета правна», 14 февр.)*

» «В три из восьми проверенных в субботу варшавских ночных клубов не пустили чернокожих. Белые вошли в эти клубы без проблем». *(«Жечпосполита», 7 марта)*

» «Когда Зарема, чеченка, муж которой погиб на войне, обращается в центр социальной помощи за полагающимся ей пособием для матерей-одиночек, ее отсылают ни с чем и велят принести документ... о доходах мужа в Польше. Когда Абдулла, египтянин со статусом беженца, выигрывает тендер на аренду помещения под ресторан,

жилтоварищество препятствует использованию этого помещения. Женившегося на польке армянина жилищный кооператив жены не принимает в число своих членов. Варшавская школа информирует родителей-белорусов, что их дети не могут учиться, потому что... у них нет прописки в Польше (...) Сотрудники Хельсинского фонда по правам человека провели интервью с 24 иностранцами, проживающими в Варшаве. Почти все без исключения признались, что их оскорбляли (...) Многие заметили, что поляки стараются не садиться возле них в автобусе. Камерунцу, работающему в больнице, пациентка заявила: «Не прикасайтесь ко мне, вы — чернокожий». 14 участников опроса были избиты, в том числе семеро так сильно, что им понадобилась медицинская помощь». *(Эльжбета Исакевич, «Тыгодник повшехный», 27 февр.)*

» **«В Польше живут 200 тысяч, а может, и полмиллиона иммигрантов без документов. Большинство из них — украинцы (...) Это няньки наших детей, женщины, ухаживающие за стариками-родителями, домработницы. Это те, кто дешево ремонтирует наши дома (...) Они живут тихо, как можно более тихо, годами с опущенной головой — лишь бы остаться незаметными (...) У них нет доступа к медицинскому обслуживанию. Они не откладывают денег на пенсию, часто не посылают своих детей в школу, становятся легкой добычей преступников». *(Александра Шилло, «Газета выборча», 21 февр.)***

» «Современная Польша — не иммиграционная страна. Число лиц, приехавших к нам, чтобы остаться на ПМЖ, по официальным данным составило в 2008 г. 15 тыс. человек, а с 2000 по 2008 г. включительно — 80 тысяч. Между тем эмиграция из нашей страны в том же 2008 г. составила 30 тыс. человек», — проф. Петр Винчорек, Варшавский университет. *(«Жечпосполита», 4 марта)*

» **«Генеральный прокурор проанализировал статистику преступлений, связанных с ксенофобией (...) Систематически растет число прекращений таких дел и отказов от их возбуждения, снижается число обвинительных актов. Если в 2007 г. было прекращено 55% таких дел, то в 2010 г. — уже 77%. В 2007 г. обвинительные акты были выдвинуты по 36% дел, а в 2010 г. — только по 16%. «Учитывая наши международные обязательства, а также общественный резонанс тех дел, которые обсуждаются в СМИ, следует относиться к ним серьезно», — пишет генеральный прокурор Анджей Серемет (...) О том, что Польша считается страной, в которой проявления ненависти к людям других национальностей не наказываются, написал генпрокурору в июне прошлого года министр иностранных дел Радослав Сикорский». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 19 февр.)***

» «Рядом с распятием в зале заседаний Щецинского городского совета появились символы четырех других религий (звезда Давида, полумесяц, православный крест и атом — знак атеистов). Впрочем, висели они недолго: их сняли депутаты от ПиС и ГП». *(«Газета выборча», 1 марта)*

» **«Несмотря на вмешательство канцелярии президента, совет гмины Серкомля (Люблинское воеводство) уже несколько лет противится установке памятного камня в честь 200 евреев, расстрелянных немецкой полицией в 1942 году». *(«Ньюсуик-Польша», 20 февр.)***

» «Мне было 16 лет, когда в июне 1941 г. в Вильнюс вошли немцы (...) И я помню то, что казалось мне тогда очевидным, а сегодня должно быть вновь произнесено во всеуслышание: мы считали евреев чужими. Это была истинная причина нашей католической и польской отстраненности, если таковая наблюдалась. Да, были и страх, и бессилие, возможно, также незнание. Но прежде всего ощущение чуждости — еще довоенное. Так я это запомнила. Этого бремени нельзя снять с совести», — Юзефа Хеннель, писательница, публицистка, в прошлом депутат Сейма. *(«Тыгодник повшехный», 27 февр.)*

» **«Клод Ланцман утверждает, что любые поиски причин Катастрофы — пощечина жертвам. Ибо каждая «причина» — это вступление к оправданию или по крайней мере рационализации зла, которое дремлет в нас, — достаточно (...) заглянуть в наши темные глубины». *(Людвик Стомма, «Политика», 26 февр.)***

» «Целых 55 человек вошли в состав правительственной делегации, которая прибыла в Израиль во главе с Дональдом Туском (...) Состоялось, в частности, совместное заседание правительств Польши и Израиля (...) «Польша — это феномен. Все серьезные политические силы в нашей стране доброжелательно относятся к Израилю, — сказал

Владислав Бартошевский. — Покажите мне другую европейскую страну, где за последние 20 лет трое министров иностранных дел (Геремек, Меллер и Ротфельд) были евреями по происхождению, а четвертый — почетным гражданином Израиля». Переговоры в Иерусалиме касаются сотрудничества в области культуры, образования (...) экономики и обороны». *(«Жечпосполита», 24 февр.)*

» «Впервые в истории президент Польши пригласил в свой дворец (...) представителей польской православной общественности. Это была новогодняя встреча, состоявшаяся 11 января 2011 г. в 11.00. На встречу прибыли митрополит Варшавский и всея Польши Савва, почти все епископы нашей Церкви, многочисленные представители духовенства, архонты, председатели и члены церковных братств, обществ и фондов, некоторые войты и бурмистры, предприниматели (...) Как отметил президент Бронислав Коморовский, организуя эту встречу, он хотел показать всей Польше, что разнородность — ее богатство (...) «Многоконфессиональность и многокультурность — это наследие многонациональной Речи Посполитой, общий вклад, который Польша вносит в процесс интеграции Европы и мира. В этом процессе должно найтись место для взаимного интереса, доброжелательности и уважения, в т.ч. и для инаковости», — сказал президент». *(«Пшеглёнд православный», февраль)*

» «Несмотря на объявленное правительством сокращение расходов, в 2011 г. меньшинства получат больше, чем год назад (...) — 13,62 млн. злотых (...) Больше всех получат белорусское (2,56 млн.), украинское (2,54 млн.) и немецкое (2,19 млн.) меньшинства (...) Лемки получат в этом году 1,14 млн. злотых. Приблизительно такие же дотации придутся на долю литовского и еврейского меньшинств. Больше всего средств предназначено на поддержку печатных изданий (...) Почти миллион злотых выделен на выпуск радиопередач на языках меньшинств». *(«Пшеглёнд православный», февраль)*

» «По случаю 85-летия Мусульманского религиозного союза Республики Польша президент Бронислав Коморовский наградил пятерых его деятелей за выдающиеся заслуги перед польским мусульманским сообществом (...) Офицерским крестом ордена Возрождения Польши посмертно награжден имам Александр Халецкий, а кавалерским крестом того же ордена — имам Стефан Ясинский, а также посмертно имамы Бекир Якубовский и Али Воронович. Глава Мусульманского религиозного союза имам Томаш Миськевич получил Золотой крест заслуги. Миськевич подчеркнул, что польские татары всегда были лояльны к Польше». *(«Газета выборча», 18 февр.)*

» «Когда тысячи людей провожали в последний путь архиепископа Юзефа Жицинского, перед лестницей, ведущей в люблинский кафедральный собор, все на минуту застыли в молчании. Прежде чем гроб с телом скончавшегося 10 февраля митрополита внесли в собор, перед ним встали временный администратор епархии епископ Мечислав Тисло, главный раввин Польши Михаэль Шудрих и имам Нидаль Абу Табаг, муфтий Мусульманской лиги Польши. Раввин исполнил псалом 130, имам читал Коран. «Несколько лет назад этот человек подал мне в церкви руку, улыбнулся и сказал: «Я люблю вас». Мы тоже любим тебя, архиепископ», — сказал имам. «Помолимся за нашего брата Юзефа», — добавил раввин». *(«Газета выборча», 19 февр.)*

» «Несколько слов правды сказал епископ Тадеуш Перонек, признав, что архиепископа Юзефа Жицинского в Польше недостаточно ценили. «Он был смелым человеком. К сожалению, в таких делах смелость дорого обходится. Думаю, он заплатил за нее жизнью», — сказал епископ Перонек». *(Катажина Вишневская, Ян Турнау, «Газета выборча», 19 февр.)*

» «Казалось бы, сегодня мы, будучи свободным народом, должны хорошо понимать мечты египтян о демократии. Однако слова ободрения и советы, как победить в борьбе с режимом, шлют демонстрантам в Каире не премьер-министр Дональд Туск, президент Бронислав Коморовский или Лех Валенса. Против насилия на площади Тахрир протестуют Ангела Меркель, Дэвид Кэмерон, Барак Обама, Николя Саркози и Хосе Луис Сапатеро (...) Польские лидеры, бывшие борцы за свободу, молчат вместе с такими асами европейской дипломатии, как Сильвио Берлускони. Мне стыдно за это». *(Марек Кенскравец, «Тыгодник повшехный», 20 февр.)*

» В четверг польское правительство эвакуировало персонал посольства Польши в Триполи. К 4 марта из Ливии было эвакуировано 237 польских граждан. *(«Польска», Первая программа Польского радио, 4 марта)*

» Вчера польский Сейм единогласно принял постановление, осуждающее репрессии режима Александра Лукашенко после президентских выборов 19 декабря 2010 года». *(«Газета выборча», 26-27 февр.)*

» ««Мы считаем, что белорусские власти действуют вопреки интересам как собственных граждан, так и — в какой-то мере — своих земляков по нашу сторону польско-белорусской границы», — сказал президент Бронислав Коморовский. Президент обратил внимание, что развитию польско-белорусских отношений препятствует нарастающая волна репрессий против белорусской оппозиции. Поэтому вчера он призвал к действиям, способствующим демократическим переменам в Белоруссии». *(«Жечпосполита», 21 февр.)*

» «Все парламентские фракции кроме ПиС поддержали вчера в Сейме создание Центра диалога и согласия Польши и России (...) Российский эквивалент центра откроется в Москве». *(«Газета выборча», 26-27 февр.)*

» «Вчера президент Бронислав Коморовский по приглашению президента Литвы Дали Грибаускайте участвовал в торжествах в честь Дня восстановления литовского государства (...) На встрече с представителями польского меньшинства в Майшягале близ Вильнюса, еще до начала официальных торжеств (...) он сказал: «(...) Непонятно, почему мы уже столько лет не можем дождаться выполнения польско-литовского договора, который должен был стать основой взаимоотношений между нашими государствами. Соглашение 1994 г., в котором решаются и вопросы, важные для польского меньшинства в Литве, остается мертвым» (...) Президент оговорился, что нынешние проблемы не могут стать поводом для разрыва отношений или прекращения сотрудничества между Варшавой и Вильнюсом». *(«Газета выборча», 17 февр.)*

» «По неофициальным итогам воскресных выборов в Литве, партия польского меньшинства в коалиции с Союзом русских набрала 6,5% голосов (...) «Избирательное действие поляков Литвы» (ИАПЛ) победило в Вильнюсском и Шальчининкском районах. В самом Вильнюсе партия набрала 15,24% голосов (...) «Успех коалиции ИАПЛ и Союза русских — результат консолидации (...) нацменьшинств против суровой политики, проводимой правящими правыми», — прокомментировала итоги выборов газета «Летувос ритас»». *(«Газета выборча», 1 марта)*

» «Легенды панк-рока и звезды фолька (...) объединились под общим названием R.U.T.A., чтобы записать недавно вышедший альбом «Горит!» (...) в который вошли песни бунта и невзгод, крестьянские жалобы (...) Большинство польских конфликтов и пороков, специфических для этого народа, возникли во времена, когда горстка господ распоряжалась жизнью и смертью подчинявшихся им крестьян (...) Даже к животным относились лучше. Это ключ к пониманию Польши. Мы с гордостью подчеркиваем, что в Польше обошлось без колониализма. Но колониальная система действовала в Польше со всей беспощадностью, а касалось это большинства ее жителей, закабаленных 10-процентной кастой панов (...) Только после разделов Польши крестьянин получил возможность обращаться к администрации — хоть и чужой (...) Сегодня поляки — лидеры по жалобам, отправляемым в Страсбург (...) R.U.T.A. вызвала большой интерес на мероприятии world music WOMEX в Копенгагене». *(Роберт Санковский, «Газета выборча», 7 марта)*

» «Кристина Ковальчук из Белостокского медицинского университета изучает агрессию против врачей (...) Более 80% опрошенных врачей вынуждены были выслушивать крики пациентов, более половины сталкивались с угрозами, вульгарными словами, агрессивными жестами, почти половина подвергалась избиению или попыткам ударить их (...) Линч в интернете — новейший метод расправы с врачами (...) Таких сайтов в польском интернете уже несколько десятков, поэтому врачи начали искать средства защиты от публикуемых там мнений (...) Главная врачебная палата создала сайт Agresja.hipokrates.ogr, где каждый работник здравоохранения (...) может заявить о случае насилия против него во время работы». *(«Ньюсуик-Польша», 13 марта)*

» «Преследование людей стало современной общественной нормой (...) Благодаря легкому доступу к СМИ каждый получил орудие огромной разрушительной силы (...) Уже не нужно превосходить другого способностями — достаточно сломить его ловким наветом, уличить в вымышленном или реальном промахе. Для того чтобы проснуться оплеванным, тоже

вовсе не нужно совершать никаких предосудительных поступков. Достаточно встать на пути у человека, который приведет в действие соответствующий рычаг в интернете. Лавину невозможно остановить. Некоторые делают это профессионально и неплохо на этом зарабатывают, другие занимаются этим в качестве хобби, третьих для этого нанимают». ***(Збигнев Холдыс, «Впрост», 6 марта)***

» «Вопрос, согласуется ли с нашей системой ценностей массовое животноводство, означающее варварское обхождение с животными, еще никогда не звучал с такой силой, как сегодня (...) Массовое производство — это откормочные фермы на несколько сот голов и более. Животные не могут свободно двигаться, их не выпускают на свежий воздух, а дневной свет они впервые видят по дороге на бойню. Потомство у матери отбирают спустя несколько часов после рождения, а птицы и вовсе никогда не видят своей матери. Поросят кастрируют без обезболивания. Животным и птицам отрезают хвосты, клювы, вырывают зубы, спиливают рога — всё ради того, чтобы ограничить потери, возникающие из-за скученности». *(Петр Бурас, Магдалена Тильшер, «Тыгодник повшехный», 6 марта)*

» **«Из приютов при неясных обстоятельствах исчезают собаки. В некоторых приютах число пропавших животных достигает 70-80%. Они были приняты, но их нет. Куда они девались? Договор о приеме собак с территории гмины рано или поздно превращает эти места в собачий ад. Каждая принятая собака приносит деньги — одноразово. Когда деньги кончаются, нужно принять следующих собак. Очень скоро это приводит к скученности, и либо ее регулируют сами собаки, загрызая друг друга, либо приходится решать проблему по-другому — и хорошо еще, если при помощи укола, а не лопаты или топора (...) Породистая собака стала в Польше товаром потребления и зависит от моды. Когда мода меняется, часть хозяев меняет собаку на последнюю модель, а собаководы избавляются от остатков производства (...) «Никто не пытается (...) ответить на вопрос, что такое бездомное животное — бытовой отход или жертва человеческой жестокости», — говорит Тадеуш Выпых из Фонда поддержки животных «Аргос»».** ***(Иоанна Подгурская, «Политика», 5 марта)***

» «Якуб Пхам планирует открыть получастный ресторан, где знакомым будут подавать мясо собак и кошек (...) Пхам считает, что в свете польского законодательства убой кошек и собак может быть легальным (...) По его мнению, бойни собак и кошек могли бы решить проблему бездомных животных». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 21 февр.)*

» **«Малгожата Фронц, активистка организаций по защите животных и основательница Партии защиты животных (ПЗЖ) (...) считает, что политики в Сейме не обеспечивают возможности защищать права животных. «Почти все поправки, касающиеся сельскохозяйственных животных, торпедируются представителем министерства сельского хозяйства», — объясняет она. Лакшман Пури, еще один основатель ПЗЖ, признает, что одни общественные организации не в состоянии протолкнуть изменения в законодательстве. «Например, чтобы предложить поправки к закону, они должны собрать 100 тыс. подписей, а для внесения депутатского законопроекта достаточно заручиться поддержкой 15 депутатов», — говорит он. Создатели ПЗЖ (...) будут требовать отношения к животным как к существам, нуждающимся в заботе человека. Новая партия намерена также пропагандировать вегетарианство (...) Деятели ПЗЖ верят, что им удастся собрать тысячу подписей, требующихся для регистрации партии в суде (...) Идею поддержали уже 3 тыс. человек».** ***(«Жечпосполита», 24 февр.)***

» «В Польше заметно изменяется отношение к животным. Их все больше сравнивают с людьми, говорят, что они чувствуют, как люди, что у них есть эмоции. Такая позиция явно оттесняет на второй план убеждение, что животное следует рассматривать как предмет (...)», — говорит проф. Яцек Леонский из Щецинского университета. *(«Впрост», 13 марта)*

» **«Меньшие братья Иисуса — это те, кому не хватает одежды, а не шерсти или перьев. Это те, кто сидит в тюрьме, а не возле будки. Это бездомные странники, а не бесхозные собаки. Христос присутствует в голодных и больных людях, а не в животных (...) Горячка, в которую впадают «защитники животных», свидетельствует о всё более серьезных нарушениях в их иерархии ценностей (...) И люди начинают служить животным, а защищая своих новых хо-**

зяев, они готовы вцепиться в горло ближнему (...) Кем же мы считаем человека, если собаку «усыновляем», как ребенка? Кем мы считаем животных, если начинаем говорить о каких-то их «правах», как будто они обладают свободой и ответственностью?» ***(Францишек Кухарчак, «Гость недзельный», 6 марта)***

» «Генеральный прокурор Анджей Серемет опротестовал в Конституционном суде законодательную норму, согласно которой охотники имеют право отстреливать собак и кошек (...) Польский союз охотников вел статистику отстрела собак только до 1995 г. — их было застрелено 80 тысяч (кошки не подсчитывались) (...) Случалось, что стреляли в собаку на поводке, а один охотник убил беременную собаку, стоявшую возле хозяина (...) В суде хозяева собак чаще всего проигрывают. Если собака не породистая, суд выносит решение, что она не представляла ценности, поэтому хозяин не понес ущерба (...) Норму об отстреле хотят изменить парламентарии из Группы друзей животных (...) и неправительственные организации». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 25 февр.)*

» **«Принято считать, что заяц и куропатка — самая обыкновенная живность. Но это уже в прошлом. Увидеть стоящего где-то столбиком зайца очень трудно (...) С куропатками дело еще хуже (...) В 70-е годы прошлого века на наших полях и лугах жило около 7 млн. куропаток. (...) Теперь их число снизилось до 400 тысяч (...) Министр окружающей среды прав: первым шагом, который необходим, чтобы спасти куропаток и зайцев, должна стать приостановка отстрела. Однако против такого решения уже выступил Польский союз охотников».** ***(Адам Вайрак, «Газета выборча», 22 февр.)***

» «Еврокомиссия подала на Польшу иск в Европейский суд справедливости за недостаточную охрану птиц. Она собирается также оштрафовать Польшу за загрязнение воды и воздуха». *(«Жечпосполита», 17 февр.)*

» **«17% Беловежской пущи занимает Беловежский национальный парк, а 83% — эксплуатационный лес. Этот лес систематически вырубают. Министр окружающей среды Анджей Крошевский уменьшил лимит вырубки со 100 до 50 тыс. кубометров, но не запретил вырубку там, где обещал, и ценнейшие участки пущи валятся на землю под натиском бензопил. Падают столетние стволы и мертвые деревья, где живут редкие насекомые и многочисленные виды птиц: именно такие деревья подлежат плановой вырубке. Таких мест наверняка более двухсот, а может, и вдвое больше. Государственные леса не отказались от т.н. санитарных вырубок, а это настоящая резня (...) Государственные леса аргументируют свое решение тем, что на вырубленных участках пущи могут селиться новые виды (...) Дорогие Государственные леса! Вырубите тогда всю пущу!»** ***(Станислав Тым, «Политика», 5 марта)***

» «Зависимость от культуры ведет к уничтожению природы, которая нас создала и которая делает возможной нашу жизнь. Мы оказались на грани катастрофы, так как большому числу людей природы уже не хватает (...) На кой черт нам торговые галереи? Так ведь люди их обожают — так же, как ненавидят кусты на крышах или вьющиеся растения на стенах домов (...) Растения совершают чудеса, они способны быть прекрасными в любое время года (...) Тысячи лет человек вырубал, выжигал и бетонировал природу (...) Сегодня инвесторы исповедуют святое право собственности (...) Я очень уважаю собственность, но в основном интеллектуальную, потому что это единственная собственность человека. Остальное — землю, воду, воздух — человек себе присвоил», — Марек Будзинский, архитектор, создатель здания Верховного суда и комплекса Библиотеки Варшавского университета. *(«Газета выборча», 26 февр.)*

» **«Мы потеряли контроль над миром, который сами создали. Это означает конец мышления эпохи Нового времени (...) Сегодня мы имеем две ничем не сдерживаемые стихии — природу и цивилизацию, — которые должны были корректировать и обуздывать друг друга, но объединились против нас. Цивилизация вызывает и усиливает природные катастрофы и делает природу все менее дружелюбной, а природа усиливает наши проблемы с ускользающей от контроля цивилизацией», — проф. Зигмунт Бауман.** ***(«Политика», 18 дек.)***

Валерий Мастеров

МИЛОШ ЗАГЛЯДЫВАЕТ В XXI ВЕК

Как поэт-мыслитель предвидел нашу сегодняшнюю жизнь

За два года до наступления XXI столетия в редакции газеты «Московские новости» родилась идея, воплощение которой дало уникальные результаты. Из номера в номер в течение ста недель появлялась рубрика «Рубеж веков». Позже под таким же названием вышла и книга, ставшая теперь раритетом.

Так вот. Решено было под эту обязывающую рубрику пригласить высказаться о будущем великих ученых, писателей, врачей, музыкантов, философов... Тогдашний главный редактор «Московских новостей» Виктор Лошак (ныне возглавляет журнал «Огонек») после завершения проекта так обозначил критерий: «Мы отбирали не просто собеседников известных, главным тут был другой принцип: это должны быть люди, которым безусловно доверяют». Но этим людям нужно было подготовить вопросы под стать масштабу их личности. Член редакционного совета писатель и драматург с философским началом Александр Гельман составил около 50 вопросов. Пройдя сквозь «бурю мозгов», их количество сократилось до «горячей десятки».

Страхи и жестокость. Зло, которое умеет притворяться. Вера и знание. Диктатура и диктаторы. Демократические нормы и гуманные отношения между людьми. Изменения в отношениях между мужчинами и женщинами... В мир пошла вбирающая эти темы анкета, ответы на которую могли бы объединиться в прогноз: что ждет человечество в XXI веке?

Рубрика «Рубеж веков» приобрела статус приоритетной. Ее вес каждую неделю поднимался знаменитыми именами. Патриарх Алексий II, Михаил Горбачев, Папа Иоанн Павел II, Далай-лама XIV, Чингиз Айтматов, Александр Яковлев, Василь Быков, Даниил Гранин, Марк Захаров, Василий Аксенов, Фазиль Искандер, Саулюс Сондецкис, Мстислав Ростропович, Олег Табаков, Рой Медведев, Лен Карпинский, Виктор Астафьев, Фредерик Форсайт, Виктор Ерофеев... Был определен и круг польских имен. Уже были опубликованы высказывания Станислава Лема и Анджея Вайды, с которыми меня связывали давние дружеские контакты. А вот встретиться с Чеславом Милошем долго не удавалось.

Милош, как он сказал позже, тогда «жил на два дома — по полгода в Беркли и Кракове». Но долгожданная встреча произошла в Варшаве. Шел сентябрь 1999 года. Неожиданно пришло приглашение на встречу иностранных журналистов с «одним из самых выдающихся поэтов XX века, лауреатом Нобелевской премии Чеславом Милошем». Она состоялась 17 сентября на ул. Багателя, 12. Там, где сейчас находится Польское агентство информации и заграничных инвестиций. После завершения официальной части мои коллеги еще долго осаждали заветного гостя, который, хотя и посматривал на висящие на стене часы, всё же внимательно выслушивал каждого и неспешно отвечал.

Удалось и мне поговорить неформально с поэтом, рассказав о «десяти вопросах на рубеже веков» для рубрики, под которой публикуются ответы ведущих политиков, деятелей Церкви, науки и культуры — известных личностей со всего мира. Милош сразу этим заинтересовался и попросил прислать ему анкету. Что я и сделал, получив согласие встретиться через день.

Долгожданная встреча была назначена на 10 утра в варшавском отеле «Виктория», где остановился поэт. В точно назначенное время Милош спустился элегантно одетым: коричневый твидовый пиджак, в тон подобранный и красиво завязанный галстук, светлые брюки. В хорошем расположении духа он удобно уселся в кресле. А чем он больше всего меня обрадовал, так это желанием подробно поговорить на затронутые в вопросах темы, которые, видимо, его задели за живое. Я почувствовал, что Милош, который всегда интересовался Россией, захотел донести для российского читателя свои размышления о будущем.

На встречу с Милошем я принес только что вышедший первый номер журнала «Новая Польша». Он с интересом стал его пролистывать, заметив вслед за автором вступительного слова к читателям Ежи Гедройцем, что выход издания, да еще на русском языке, в развитии польско-российских отношений — событие, которое трудно переоценить. Он поддержал проповедуемый главным редактором «Новой Польши» Ежи Помяновским «диалог интеллигенции», которая только в России и Польше стала явлением общественной жизни. В этом же номере можно было прочитать, что друг поэта «Иосиф Бродский выучил польский язык, чтобы читать польскую прессу и стихи Чеслава Милоша». И еще одна приятная публикация номера: отрывки из «Поэтического трактата» Милоша в переводе Натальи Горбаневской. Поэт тут же достал вечное перо, размашисто написал над своей фотографией посвящение, расписался и поставил дату: 19-IX-99. Берегу этот номер как зеницу ока.

Все это вспомнилось после объявления 2011-го Годом Чеслава Милоша. Сразу полез в свой архив, найдя и перечитав то, что стало ответами на анкету и вошло в общую книгу, изданную «Московскими новостями». Поразило, что поэт-мыслитель в конце XX века точно прогнозировал грядущее столетие. Уже минула целая декада XXI века, а впечатление такое, что разговор с Милошем состоялся в начале этого года. Поэтому и захотелось поделиться с читателями «Новой Польши» размышлениями Чеслава Милоша, чтобы иметь возможность сравнить их со своими.

РЕАЛИЗАЦИЯ УТОПИИ НЕВОЗМОЖНА

Как трудно было на пороге XX века предугадать его главные катаклизмы, так и сейчас, в пору интенсивнейшего потока информации и глобализации происходящих событий, тем более невозможно представить себе течение наступающего столетия. Страхи нельзя предвидеть. Тому свидетельство накатившая волна терроризма, диапазон которой — от одиночек до международных центров. Уверенно можно сказать об одном: реализовать утопию не удастся никому.

ФИЗИКА ПРОТИВ АТЕИЗМА

Думаю, что к самому важному научному открытию XX века причастен Альберт Эйнштейн, создавший сначала частную, а затем и общую теорию относительности. Это отнюдь не укрепило позиции атеистов, а скорее, их ослабило. Квантовая физика — залог удивительных открытий в будущем. И они тоже будут не в пользу атеизма.

ТЕРРОРИЗМ ПРОТИВ ИНОВЕРЦЕВ

Сознание значения человека в обществе не помешало тому, чтобы убийства в XX веке совершались под знаменем истребления классовых врагов или представителей «низшей» расы. Неизвестно, какие появятся новые мотивировки, чтобы убивать людей, но предлоги могут быть самые изощренные и непредсказуемые. Поднявшаяся волна терроризма во многих случаях направлена против врагов религиозных. Жестокие и кровавые столкновения происходят между иноверцами. Все это приобретает новые формы и большую массовость. Трагические события последних дней в России — тому подтверждение.

ЖАЖДА УТОПИИ

Не думаю, что возможна новая волна интереса к учению Маркса. Хотя трудно себе представить человеческое общество, избавленное от веры в утопию. Жажда утопии все время сопровождает человека. В XIX веке мечта о социализме многим казалась осуществимой. Реализовалась же она в XX веке карикатурным образом. Какая-то утопия, вероятно, появится и в следующем столетии, но я не верю, чтобы она опиралась на учение Маркса.

ОБЪЯТИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

В конце уходящего века мы стали свидетелями жестоких межнациональных конфликтов. Если говорить о Югославии, то в определенном смысле я могу ощутить на себе тяжесть ответственности, поскольку в 80-х годах моя книга «Порабощенный разум» была в этой стране бестселлером. Я предвидел, что

едва югославские интеллектуалы отойдут от марксизма, как тут же бросятся в объятия национализма, в объятия идеи Великой Сербии. По моему мнению, то, что случилось в бывшей Югославии, — это прежде всего результат деятельности интеллектуалов. Это они во многом ответственны за увлечение широких масс населения националистическими теориями. Вполне можно предполагать, что в грядущем веке появится диктатор вроде Милошевича. И тут нет ничего нового. Интеллектуалы должны чувствовать ответственность за появление диктатур Гитлера и Сталина. Марксистские брошюры, популяризация дарвинизма, примитивные статьи и книги о выживании сильнейших, о том, что бытие определяет сознание, — всё это рыхлило почву для прорастания ядовитых плодов.

ОПАСНОСТЬ СКУКИ

Очень велика опасность скуки. В будущем это серьезная проблема. Для всех нет работы. Время работы становится все более коротким. Общество может производить достаточное количество продовольствия и машин без расходования на то многих часов труда. А это значит, что множество людей постепенно выключается из процесса производства. Рабочий день становится короче. Встает проблема: что будут делать люди в свободное от работы время? Отсюда возможно появление уводящих от скуки движений, в том числе религиозных. Некоторые из этих движений могут быть совершенно сумасбродными.

ОПАСНОСТИ ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ

Я рос во времена, когда демократические нормы и ценности терпели поражение. Это был период, когда в демократию, как мне теперь кажется, не верил никто: ни те, кто пошел за массовыми идеологиями — коммунисты или фашисты, ни те, кто боролся против них. И вот под старость я увидел обновление демократических норм и ценностей. Точнее сказать, оказался лицом к лицу с демократией. Только надо иметь в виду, что демократии всегда угрожает стагнация. Ибо человеческое общество постоянно меняется.

В НАУЧНОЙ УПАКОВКЕ

Мне всё время думается, что одной из влиятельных сил в XX веке была вера в науку. Все самые зловещие и мрачные идеологии подавались в научной упаковке. Идеологические движения начинались с научных и псевдонаучных брошюрок, которые перерастали в человеконенавистническую практику. Социализм, как известно, должен был быть непременно научным. Во всех советских вузах главенствовали кафедры научного коммунизма. И, тем не менее, мы по-прежнему окружены сонмом явлений, которых абсолютно не понимаем. Само человеческое общество сегодня для нас менее понятно, чем когда-либо.

МЕСТО ЖЕНЩИНЫ

Можно быть большим скептиком по отношению к принципиальным изменениям в отношениях между полами, потому что это проявление не столько общественное, сколько биологическое. У меня смешанные чувства, когда речь заходит о феминизме. Это движение характерно для нашего времени и, наверное, будет укрепляться и шириться. Но я задаю себе вопрос: разве не может на фоне перепроизводства и массовой безработицы возникнуть движение, лидеры которого провозгласят: «Женщины, идите на кухню!»

РАДОСТЬ В СЕМЬЕ

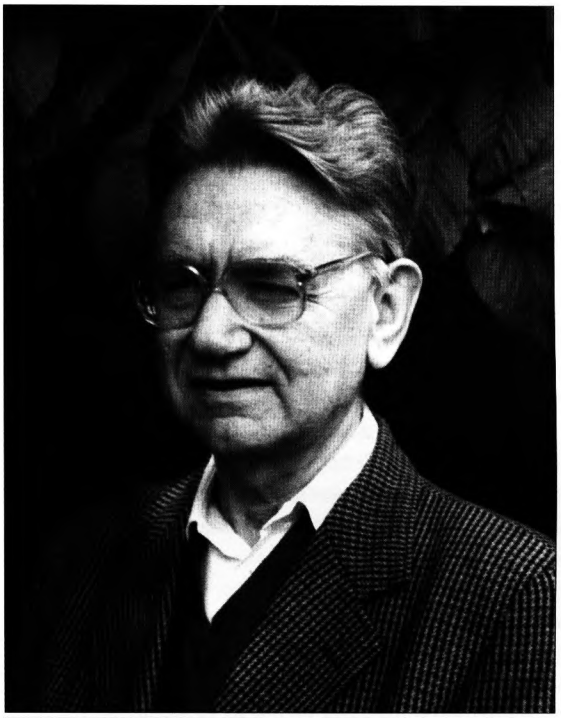
Хорошая семья приносит человеку наибольшую радость. Мне кажется, что семейное счастье — это своего рода судьба, жребий, лотерейный билет. Далеко не для всех оно достижимо.

Валерий Мастеров — собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве. Статья написана для «Новой Польши».

Яцек Бохенский

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ВИКТОРОМ, КАК Я ИХ ЗАПОМНИЛ

(О Викторе Ворошильском)



Виктор Ворошильский

Это был тот парнишка с юношескими прыщами, такой, каким я познакомился с ним полвека назад: он прихрамывал, изучающе присматривался к людям и задавал вопросы. Это был тот невзрослый, нетерпеливый поэт, который так раздражил Юлиана Пшибося, что Пшибось крикнул: «Что тут вытворяют какие-то прыщавые!» Не знаю, Пшибось ли выдумал этот эпитет. Может, еще раньше это придумал кто-то другой. Но Пшибось бросил это слово публично в 1946 г., и подозреваю, что от этого восклицания принялся литературный термин.

Вначале, значит, была колкость по поводу юношеских прыщей. Только спустя несколько лет критики принялись связывать прыщавость с инженерией человеческих душ и историей литературы, парадоксального продолжения которой никто не предвидел. А уж меньше всего мог себе его представить сам прыщавый студент польской филологии из Лодзи, в то время член студенческой коммунистической организации «Жизнь», поклонник стихов Маковского, страстно влюбленный в революцию — по его мнению, всё еще недостаточную, — и, если я правильно понимал, во что-то вроде футуризма.

▸▸▸

В тот самый день, когда Юлиан Пшибось прозвал Виктора Ворошильского «прыщавым», Тадеуш Боровский, низкорослый, вспыльчивый брюнетик, недавний узник Освенцима, ежеминутно взрывавшийся нервным смехом, воскликнул на том же варшавском Съезде молодых художников и ученых, что за демократией (он имел в виду новую «народную» власть) надо пристально следить.

Несколько недель спустя Тадеуш необычайно резко напал на Зофью Коссак-Щуцкую — главным образом за то, что заботами соузниц она пережила концлагерь якобы благодаря привилегии подкармливания, в то время как другие женщины массово погибали.

Виктор и Тадеуш подружились. Заглянули в Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, несомненно читали Брехта. И приобрели уверенность, что существующий мир — примерно как освенцимский лагерь: большинство людей страдает и мучится, немногие пользуются привилегиями, и так тянется со времен Древнего Египта. С этой вопиющей несправедливостью, жестокостью и злодейством следовало раз и навсегда покончить. Лучше всего, по ощущению молодых писателей, годился для этого большевизм.

▸▸▸

Однажды на собрании в Союзе писателей Виктор слушал, как Александр Ват осторожно и ухищренно полемизирует с марксизмом. Я тоже там был. Из всего выступления Вата помню по сей день три слова: амбивалентность неконгруэнтных эпифеноменов.

Виктор выслушал оратора и был потрясен. Он не знал, как можно опровергнуть такие рассуждения. Неужели Ват прав? Вероятно, тот, кто лучше подкован в марксистской философии, знает идеологически верный ответ на враждебные эпифеномены Вата. Виктор возжаждал проверить это у самых истоков мудрости и, как рассказывал Яцеку Тшнаделю, с этой целью приложил старания, чтобы его отправили в аспирантуру в Москву:

«Я поехал, чтобы там научиться замечательным аргументам и опровергнуть всё, что говорил против нас Александр Ват. Чем это кончилось — известно. Я приобрел (...) аргументы скорее в пользу Александра Вата, причем весьма скоро»

▸▸▸

И снова помню: летом 1954 года аспирант Виктор приехал в Польшу на каникулы. О Москве он говорил что-то загадочное, с подавленным возмущением, осторожно и ухищренно, как Ват. Охотней он напевал о Варшаве. «Хотите верьте, а нет — не верьте, но я влюбился в город мой», — упрямо повторял он слова песенки, выразительно глядя людям в глаза.

Помню и себя вскоре после этого (осенью) в Москве в гостях у Виктора и Янки. Она готовит ужин, а потом мы все трое разговариваем. И уже без песенок они рассказывают мне, что́ пережили в Москве: обнаружили кошмарные отношения, жизнь здесь ужасна — нужда, страх, тупость и доносительство. Ну хорошо, а что в Польше? Ну, всё-таки не так, хотя, может, они чуточку ошибались — как теперь считают — и насчет Польши.

Я не знал, что, уговоренный Виктором, допущу множество нарушений «социалистического правопорядка». Впервые это случилось тогда же в Москве. Я нелегально переночевал у Ворошильских. Утром Виктор еще прокатил меня на трамвае по московским улицам, чтобы показать, что они серые и бедные, а не сияющие и богатые, как это им полагалось. Конечно, мое подозрительное отсутствие в гостинице было замечено.

▸▸▸

«Поедем со мной в Будапешт», — предложил Виктор перед самым венгерским восстанием 1956 года. Я не поехал, глупо полагая, что у меня в Польше дела поважнее. Никогда не перестану жалеть об этом. Поехал и свидетельству Виктора сопутствовал давно уже скончавшийся Мариан Белицкий.

Если человек вообще знает правду о себе, то после Будапешта у меня угасла последняя искорка надежды на коммунистическое улучшение мира. Тем более она, наверное, угасла у Виктора.

Однако до 1958 года он еще был редактором «Новой культуры». Весной из-за каких-то очередных его идеологических ошибок партийные власти разнервничались и сняли его с поста главного редактора, заменив Стефаном Жулкевским. Виктор имел право остаться в редакции, но вместе с группой коллег демонстративно ушел из «Новой культуры» в знак протеста против партийной политики.

«Это был выход из партии или выход из редакции?» — спрашивает в 1981 году тогда еще довольно умеренный Тшнадель. «Нет, выход из редакции, — отвечает Виктор. — Некоторые (...) были беспартийными всё время. Это не имело особого значения, потому что делали они, собственно, в те годы то же самое, что партийные».

Меня в «Новой культуре» не было. Я оставался в партии, что как будто тоже «не имело особого значения». Однако в том же 1958 году я ушел (в одиночку и без шума из «Пшеглёнда культурального».

Это вроде бы не общее мое с Виктором приключение, но по каким-то причинам мне кажется, что оно относится к теме.

▸▸▸

Общее приключение — окончательный выход из партии. Обстоятельства сегодня вроде бы общеизвестны. Шел 1966 год. Лешек Колаковский выступил в Варшавском университете с речью об октябре 56-го года, и его членство в ПОРП было «приостановлено». Виктор составил письмо в Политбюро в защиту Лешека, его подписало какое-то количество писателей, а я должен был пойти с письмом в ЦК и там его оставить. Боялся я жутко. Больше всего — что за мной следят, по дороге нападут, вырвут письмо и уничтожат, ибо для партии важнее всего, чтобы письма не было и чтобы никто о нем не узнал. К счастью, мне удалось добраться без помех, а Виктору я о своем страхе ничего не сказал.

В отношении слежки я был частично прав. Во время партийной расправы Политбюро над нами, на которую первым вызвали Виктора, а вторым — меня, Зенон Клишко блеснул знанием некоторых подробностей нашего сотрудничества в работе над письмом. Знать их он мог только от сексотов.

И это было наконец формальное расставание с партией — Виктора, мое и других. Но вовсе не оно стало переломным в наших судьбах. По разным причинам это расставание оказалось по сути запоздалым — по меньшей мере на десять лет, потому что уже лет десять мы жили в состоянии действительного сопротивления партии. Переломным был факт, что наконец-то мы провели бой с ее вождями лицом к лицу, который проиграли с ощущением победы.

▸▸▸

Почему я пишу «мы»? И что это за «наши судьбы»? Это то, что существовало в мышлении Виктора. Речь идет не о двоих людях. Речь идет о категории множества. Виктор всю жизнь мыслил и говорил во множественном числе о «нас», то есть о коллегах, друзьях, ровесниках, сотрудниках, со-исповедниках, со-участниках литературного процесса, со-заговорщиках и т.д. Виктор не мог жить без необходимых ему «нас», кем бы они ни были.

Но здесь ради честности следует кое-что добавить.

После смерти Виктора о. Яцек Салий сказал в радиопередаче Би-Би-Си, что у Виктора было золотое сердце. Вислава Шимборская сказала толпе, собравшейся в Польском ПЕН-клубе, что это был «добрый друг, золото-человек». Если столько золота, то откуда в то же время столько упрямой неприязни, прямо ненависти к золоту набралось у разных врагов Виктора?

Он был совершенно предан «нам», всегда верен общности, дружеским обязанностям, солидарен, полон самоотречения, в некоторых обстоятельствах мягок и снисходителен, в других — прямо сентиментален. Но к «нам» и не к «нам» он еще и присматривался взглядом бдительного стратега и куратора. Вероятно, он всем мысленно выставлял оценки, всю жизнь считая, что он какой-то там стратег, какой-то там куратор и «мы» — это его забота. Люди запомнили этот взгляд. И не сомневаюсь, что ощущали его на себе. На меня этот взгляд тоже ложился.

▸▸▸

В начале 50-х Ват говорил против тогдашних «нас». Но, например, в феврале 1968 года «мы» были группой в составе: Анджей Киёвский, Лешек Колаковский, Артур Мендзыжецкий, Виктор Ворошильский и я. Все с женами на пресловутом «светском приеме» у Барбары Маевской. Мы написали что-то, что потом называлось «резолюцией Киёвского», и договорились, что на собрании писателей по вопросу о «Дзядах» Анджей предложит проект резолюции, Лешек, Артур и я выступим, а Виктор будет молчать. Так и произошло. «Резолюция Киёвского» была принята. Ошеломленные победой и устрашенные грозящим нам, по слухам, избиением, мы ушли с собрания. Уже не все вместе. Было поздно, а «мы» были теперь тройкой. Лешек, Виктор и я пошли к Лешеку, который жил недалеко, и у него нас ждали наши жены. Мы получили от них бутерброды и чай. До сих пор помню, как это было вкусно.

▸▸▸

В некоторые периоды «нас» было очень мало. Мы собирали подписи под текстами, которые всегда навлекали на подписантов неприятности, и считали на пальцах, сколько смельчаков подписало. А они одновременно ужасались, гордились и злились. Им снова пришлось бояться Виктора, восхищаться им, быть ему благодарными и корчиться от его пронизывающего взгляда — не так ли было и в лодзинские времена?

Это не могло кончиться для нас хорошо. Ну, и не кончилось хорошо. Виктору еще в последние годы пришлось это неприятно ощутить, но об этом позже.

Две вещи одновременно: подлинная одинаковость Виктора на протяжении всей жизни и драматический разрыв между двумя крайностями, между двумя полюсами его биографии. От Лодзи и «прыщавых» до «Записа» и прогулочного дворика с товарищами по лагерю интернирования — одна и та же личность! Менялись «мы», но не характер Виктора.

Из времен «Записа» я знаю о нем больше всего, потому что тогда мы сотрудничали особенно тесно.

Он загорелся этим сумасшедшим предприятием и был счастлив. А может, мне кажется? Может, только я был счастлив?

Что-то ему в «Записе» не удалось — что, не знаю. Но «нам»-то удалось как никогда. Нас не арестовали, «Запис» процветал, производил фурор, собирал всё больше авторов, всё больше читателей, Мирек Хоецкий печатал сотни и тысячи экземпляров, люди рвали журнал из рук. И вот Виктор, который с самого начала возглавил «Запис», летом 1978 года, после выхода семи номеров, вдруг вышел в отставку. Я был тогда в Закопане. Правду говоря, я так никогда полностью и не узнал, в чем было дело. Кажется, они поругались с молодым Адамом Михником. Когда я вернулся в Варшаву, вся редакция, включая Виктора, неожиданно принялась меня уговаривать, чтобы я взял на себя обязанности главного редактора. Так они решили — так и должно быть.

Я согласился после долгих уговоров, но заявил, что в условиях, в которых мы работаем, не время соперничать, нет места для иерархии, нет смысла говорить о главных редакторах — все должны быть равноправными редакторами, а решения приниматься — только единогласно. В общем, это приняли.

Виктор неизменно работал для «Записа» с той же самоотдачей. Брался за самые опасные задания. Машинопись каждого номера мы должны были перебрасывать нашему западному издателю в Лондоне. Каждый раз рискуя задержанием, Виктор лично относил эту машинопись в дом одного знакомого дипломата, который уже на свой страх и риск перевозил его дальше. Только раз Виктор буркнул мне что-то о том, сколько нервов ему стоит подходить к калитке этого дома.

▸▸▸

В Бялоленке, куда нас посадили в начале военного положения, Виктор углядел меня в окошко своей камеры. И крикнул: «О, Яцек!»

Должно быть, окошко было открыто, должно быть, они были на первом этаже, потому что среди многих голов я видел за решеткой голову Виктора, и сегодня она встает у меня перед глазами, и слышал его голос, и сегодня слышу: «О, Яцек!»

Меня вместе с кучей товарищей по несчастью вели через двор, нас сопровождала шпалера вохры в форме и касках, с дубинками и овчарками. А вели-то нас всего лишь от одного здания к другому. Смена камер. К Виктору я не попал. Зато попал к Владиславу Бартошевскому, которого мы сразу выбрали старостой, и простуженному Адаму Михнику, который больше помалкивал, лежал на сеннике и фыркал.

В Варшаве у меня около дома растет купа прекрасных деревьев, сегодня уже высоких, а в 1982 году — молодых дубочков. Туда я позвал Виктора прогуляться, когда он через несколько месяцев вернулся из лагеря (я принадлежал к первой партии освобожденных). Я рассказывал ему о новинках подпольного издательского движения, о том, что возник «Новый Запис» и т.п.

У него уже сердце не лежало к редактированию журналов.

Я его понимал. Кончились «наши» первопроходческие времена, когда использовались термины «независимая публикация» или «неподцензурный журнал». Теперь, несмотря на военное положение, уже пошла широким фронтом «другая сеть распространения».

У меня создалось впечатление, что, измученный интернированием, Виктор предпочел бы писать стихи.

▸▸▸

Да, да, но это не значит, что его внутренний огонь выгорел.

Было в Викторе что-то пламенное, что-то врожденное, тот элемент одинаковости, который и был пламенным, который, быть может, был его проклятием, который создавал его незаурядность, который сначала сделал его ярым коммунистом, а потом — узником Бялоленки, как человеческим золотом, так и человеческим железом, путеводной звездой и отталкивающим объектом ненависти. Этот огонь сохранился в нем до самой смерти.

Однако в какой-то момент у мне показалось, что, измученный жизнью, Виктор предпочел бы уже избавиться от своего внутреннего огня, но не мог.

▸▸▸

В целом было так. Он увлекся коммунизмом, будучи прыщавым юнцом. Возбудил неприязнь и ужас жертв коммунизма. Понял, что сделал худой выбор, и кинулся почти в поединок с коммунизмом. Возбудил, разумеется, грозный гнев коммунистов, но в то же время — недоумение и неприязнь жертв коммунизма, ибо большинство их за это время сочло, что коммунизм не победить и надо с ним смириться. Кто же имел право подвергать их опасности, требовать от них риска? Бывший коммунист, который, видно, сошел с ума?

Однако коммунизм оказался побежден, и тогда, разумеется, сбежалось множество героических отцов победы, отчасти действительных, но больше всего таких, кто успел с коммунизмом смириться. Но разве не они в глубине сердец больше всех ненавидели коммунизм? Мог ли какой-то прыщавый лодзинский большевик быть их угрызением совести? Их, не дай Боже, конкурентом? Лучше было на всякий случай объявить его человеком без чести и совести.

Первая публикация: Культура (Париж). 1996. №11. В сокращении.

KULTURA

Полный текст напечатан в «Газете выборчей».

gazeta

Виктор Ворошильский

СТИХОТВОРЕНИЯ

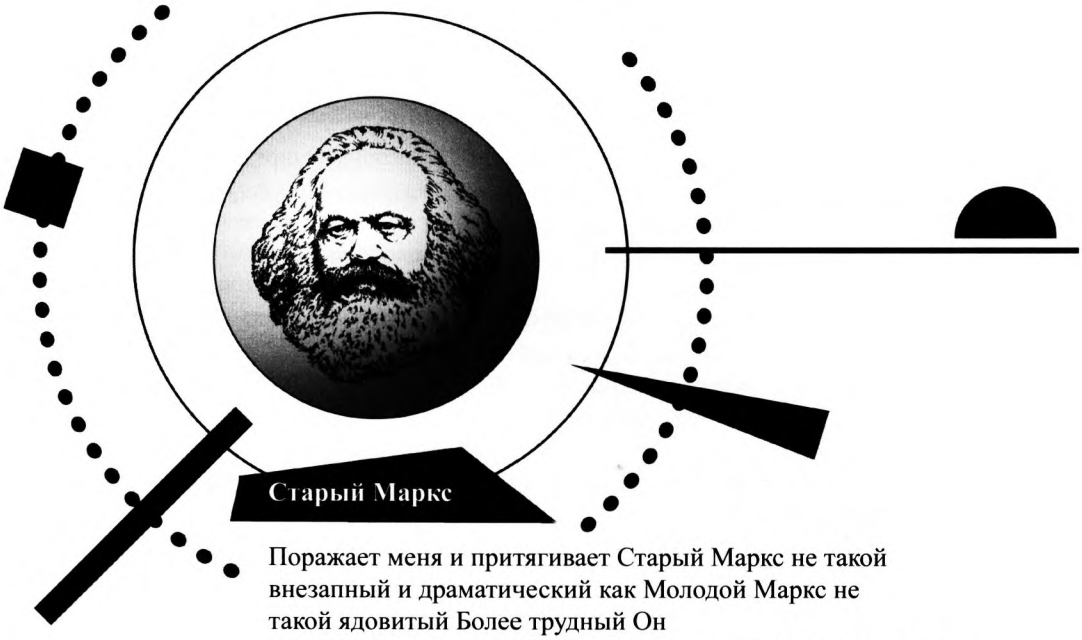
Владислав Броневский

Под конец ему не хватило дыхания
Не в стихах В лёгких Стихи
ещё глубоко дышали в той больнице где
множество людей и куда
я проносил ему водку Сидел
рядом с ним его суровый приятель и
не одобрял Всегда
доставались ему суровые приятели которые
учили его поэзии морали политике Один
Лепек-сеттер принимал
его без поправок

Вот была жизнь
безрассудство карты водка поэзия
телефонные звонки по ночам искренность из вен Я был
одним из тех кого будило
дыхание на проводе Слушай
слушай сейчас я скажу тебе И неважно было
кого он будил Важна
была ночь телефонная трубка необходимость Сейчас
слушай скажу дыхание которого
я не умел мы не умели достаточно хорошо
слушать и вдруг

С тех пор я думаю он
где-то в ночи Его
дыхание в темноте и когда-нибудь
ночью зазвонит
телефон Мир
схватится за чёрную трубку

Перевёл Асар Эппель



Старый Маркс

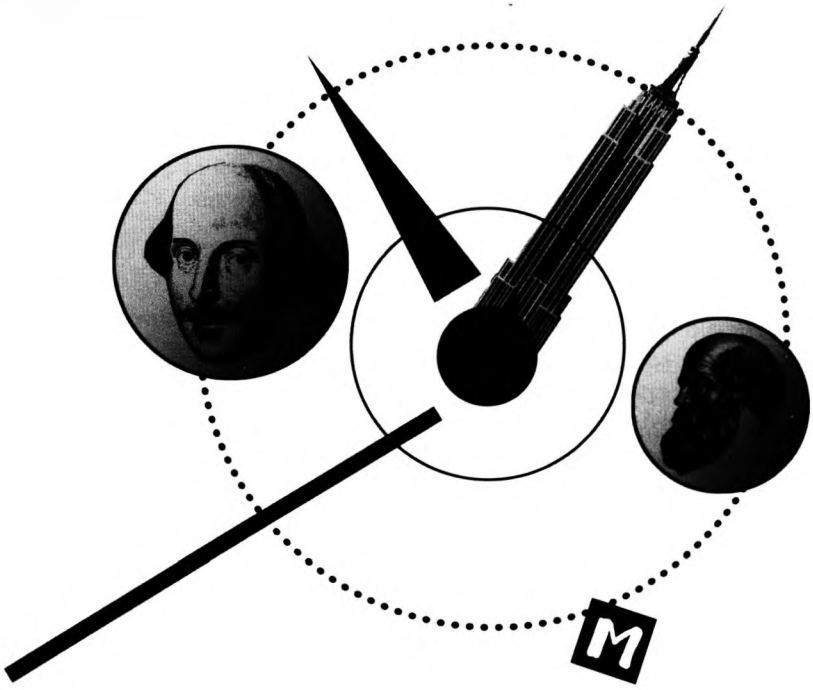
Поражает меня и притягивает Старый Маркс не такой
внезапный и драматический как Молодой Маркс не
такой ядовитый Более трудный Он
больше не пишет памфлетов Он штудирует первоисточники
в Британском Музее Всё
следует сверить ничто не должно
содержать ошибок или основываться на неточной
цитате по памяти До поздней ночи
сидит он в деревянном кресле пишет выкуривает
слишком много сигар иногда приотворяет
двери в соседнюю комнату там Женни
Маркс урождённая фон Вестфален которая старше его
расчёсывает перед зеркалом волосы ошеломлённый Маркс
говорит Ах какая ты затем возвращается к столу и так
до дня когда умрёт не
на баррикадах галерах а в этом вот кресле

Я доверяю Старому Марксу который
конечно же хочет изменить мир но хочет его
также и понять Ему важно
освободить эксплуатируемых и важно также
дописать до конца книгу о механизме
мира эксплуатируемых и
эксплуататоров и он хотел бы удачно
выдать трёх своих дочерей за людей
светлых и верных и он огорчён болезнью Женни и у самого
сдаёт здоровье но нельзя снова
поехать в Карлсбад потому что австрияки что-нибудь
подстроят и из материальных соображений
приходится халтурить в Нью-Йорк
Трибюн и может поэтому он не успеет и ходит
большими шагами по Хэмпстед-Хит вспугивая
воробьёв но не теряя надежды
что всё-таки успеет

Оседлый гений с виду
зауряден Он сам не ощущает
своего могущества Не слышит
голосов Не видит
замков Не подстерегает не размахивает флагами не мечет громы
не нервничает Он занят несколько
больше чем другие и хочет с другими
поделиться Ему обидно
не закончить книгу но и того что сделано вполне
хватит на несколько поколений Только бы
сумели разобраться И он
рассчитывает что сумеют

Старый Маркс ценит Шекспира и Эсхила но окружающий мир
нехорош по сему он видит возможность лучшего
порядка Передавая свои знания
он даёт миру шанс

Перевёл Асар Эппель



Упрямство Мартина Лютера

Я здесь стою Становлюсь Постановляю
на смех вам себя выставляю если угодно
ибо шутом и ослом могу быть ревущим
если Господь с пророком через ослицу говорил
а я приниженный кем бы ни был
Я здесь стою Становлюсь Постановляю

Своё написал и своим признаю
и чем же отменить это готов сокрушённый
Господа мудрецы Что моё то моё
Толстые пальцы и тяжкая челюсть
Это тело пивной бочонок И совесть
где вера моя угнездилась
И что написал моё Пальцев не отменю
От челюсти гениталий не отопрусь
Брюхо брюхом будет Совестью совесть
Господа мудрецы
Одёжку сдеру за одёжкой
ибо одежда и вещь это дым титул дым
звон колокольный дым золоченье свеченье
свяченье Дыму внимаю Дымную мнимость
откидываю как завесу Раздираю Разделяю
правду и право Отправляюсь
сразу в две стороны Праведнику ли
надобно право Яблоне ль почтенной
нужен приказ плодоносить
Отправлю подальше того кто присвоил толкованье
единственно правильное Это меньше чем шелест
ветра перед ночью Не доведет меня до дрожи
Я здесь стою Здесь стану Здесь останусь Здесь
подошвами в камень врастаю как трава
всё ниже глубже в почву себя сажаю
в подпочве оседаю корнями подошв
и всем собою Набитым мешком гороха Пузатым
пивным бочонком Туловища зданием
что не порушить не сокрушить не скосить
не развеять не овладеть
Я здесь стою Становлюсь Постановляю
Аминь

Перевела Наталья Горбаневская

Михал Ягелло

ЛИТАНИЯ АДАМА МИХНИКА

Обычно считают, что понятием «антисемитизм» определяется: недоброжелательный и враждебный подход к евреям и лицам еврейского происхождения; преследования и дискриминация евреев как конфессиональной, этнической или расовой группы; взгляды, обосновывающие подобные действия (см. напр. Grynberg D. Antysemityzm // Wielka Encyklopedia PWN. Warszawa, 2001. T.2). Таким образом, здесь перед нами обширная сфера, простирающаяся от «обыкновенной» недоброжелательности и до крайних форм преследования. Вполне очевидно, что всякую разновидность этого общественного недуга следует оценивать негативно — ибо «хорошего» антисемитизма нет, — но, пожалуй, не будет релятивизмом утверждение, что зло — в том числе и то, которое причиняется словами, — тоже обладает разным градусом интенсивности. Люди, работающие со словом, неизбежно в большей или меньшей степени погружены в свое время, в данный им контекст — интеллектуальный, идейный, политический и контекст обстоятельств. Эта закономерность распространяется как на наших предшественников, так и на нас самих. Ее понимание должно ограждать нас от абсолютизации нашего «сегодня», от оценки высказываний прошлого по принятым ныне стандартам. Стоит помнить об этом при чтении текстов, обсуждающих «еврейский вопрос», а проявления пытливости окупаются применительно к трем вопросам: об авторе, о времени возникновения конкретного текста (до Катастрофы или же после этого ужасающего события!), о контексте...

Перед нами три толстых тома. Большая антология «Против антисемитизма. 1936-2009», свыше 320 текстов, составленная Адамом Михником, который во «Введении» к ней признаётся: «Причина моей заинтересованности настоящей антологией (...) носит личный характер: мне хотелось доказать, что поляки не впитывали антисемитизм с молоком матери. Я неоднократно слышал такое мнение, и оно всегда раздражало и даже злило меня. Ибо я знал, что польская культура заметила яд антисемитизма и боролась с ним». И сразу же вслед за этим идут соответствующим образом подобранные высказывания Витольда Гомбровича («Дневник»), а затем Тадеуша Конвицкого («Календарь и клепсидра»). Уже из самой структуры «Введения» ясно, что мы услышим здесь много голосов, тактично гармонизованных составителем антологии — этой внушительной подборки текстов об одной из самых важных польских проблем. Эта проблема — наше отношение к евреям, а следовательно, и наш, польский вариант антисемитизма. Конечно, можно было бы «составить такую же обширную антологию антисемитских текстов», но нашего автора это не интересует. «Этот труд я оставляю (...) почитателям антисемитизма», — замечает Михник. А я позволю себе комментировать эти слова утверждением,

что подобный обзор включал бы значительно больше томов, чем нынешний, и что антисемитские установки по-прежнему удручающе глубоко укоренены в польском обществе. Насколько глубоко? Этого мы не знаем, у каждого из нас существуют здесь свои предположения.

Основной корпус антологии составляет публицистика, но есть здесь и поэзия, и примеры научных трудов, написанных историками и социологами. Составитель сознаёт, что «довольно случайная выборка представленных статей ни в коей мере не отражает текущее состояние исследований по «еврейскому вопросу» в Польше». Он включал их в антологию, руководствуясь «следующим наблюдением: сегодня в Польше живет очень много людей, которые, даже не проявляя никаких антиеврейских предубеждений, все-таки склонны разделять разнообразные антисемитские мифы. Четыре таких мифа кажутся мне особенно распространенными: 1) в 1939-1941 гг. на восточных территориях, занятых Советским Союзом, евреи в массовом порядке сотрудничали с оккупационной (...) властью; 2) в условиях гитлеровской оккупации таким грязным делом, как шантаж евреев и их выдача в руки немецких оккупантов, занимались исключительно фольксдойчи и предельно деморализованные лица с уголовным прошлым; 3) после 1945 г. не кто иной как евреи составляли костяк органов госбезопасности (...) на них лежит вся вина за адские муки бойцов Армии Крайовой в коммунистической Польше; 4) антисемитизм в сегодняшней Польше маргинален (...) лишен политической или культурной легитимации». Среди текстов, включенных в антологию, есть и такие, авторы которых пытаются «разоружить эти опасные мифы».

«А если кто-то желает разоружить эти опасные мифы, путь к этому один-единственный — говорить правду, излагать факты, сосредоточиться на конкретных вещах, приводить цифры. Именно этим занимаются ученые — и отсюда их публикации в моей антологии».

Это расписанное на много голосов драматическое повествование о польско-еврейских взаимоотношениях — по сути дела внутренний польский спор. Формальным образом его ограничивают предельные даты (1936-2009), но свое начало он берет гораздо раньше, о чем напоминает интригующий «Пролог: 1900-1936». В нем выступают Стефан Братковский — «Новый польский антисемитизм» (из книги «Под тем же самым небом. Краткая история евреев в Польше и польско-еврейских отношений», 2006), Иван Александрович (Ян) Бодуэн де Куртенэ — «Еврейский вопрос в польском государстве» (из одноименной книги, 1923) и Чеслав Милош — «Евреи — двадцатые годы» (из книги «Экспедиция в двадцатилетие», 1999). Причем Милош ссылается в своей статье на высказывания Тадеуша Головко («Национальный вопрос в Польше», 1922), а также на публицистику «Пшеглёнда виленского» (1922-1926) и «Нашего пшеглёнда» (1927, 1930). Отметим, что уже здесь, в самом начале михниковского творения, проявляется своеобразная прибавочная стоимость антологии, которую создает продуманная конструкция целого, благодаря чему отдельные тексты — весьма часто обращающиеся полемически или одобрительно к высказываниям из далекого либо близкого прошлого — не только не теряют своей индивидуальности, но и становятся органической частью необычайного, густо тканного, многосюжетного, временами потрясающего ***романа***. И вместе с тем исповеди! Первой такой в нашей словесности. Антология затрагивает принципиальные вопросы — трудные, запутанные, болезненные. Ее не удастся ни замолчать, ни упрятать подальше, затолкав в библиотечные хранилища. Наверняка и ее идейная значимость, и образованная словами архитектура будут постоянно обрастать замечаниями, обсуждениями и комментариями. Понадобится не раз и не два произнести эту преподнесенную нам Адамом Михником ***литанию***. Начнем прямо сейчас:

1936-1939. Иприт расизма;
1936-1939. Еврейские скамейки;
1936-1939. Корпоранты идут (поэзия и сатира);
1939-1945. По обе стороны стены;
1939-1945. Non omnis moria (стихи о Катастрофе);
1945-1947. Мощь тьмы;
1945-1955. Казнь памяти. Стихотворения;
1956-1957. Антисемитизм мягких и хороших людей;
1967-1969. Изгнание из Польши; Славные делишки были... Сатира 1968-го;

1970-1981. Битва вокруг «Грюнвальда»;
1982-1989. Бедные поляки смотрят на гетто;
После 1989-го. Набросок к описанию и диагнозу;
2001-2004. Вокруг преступления в Едвабне;
После 1989-го. Болезнь стен.

Свыше трех тысяч страниц, и в их числе всего лишь восемь составляет «Введение» — не саженный научный трактат, а искрометное эссе в типичном для автора стиле. Без так называемого «аппарата» — только с доведенными до необходимого минимума издательскими сведениями. Без попыток вести читателя за руку и указывать ему надлежащие тропинки в густой чаще текстов. Бывает, что отнюдь не однозначных... Благодаря чему мы получили в подарок некое новое качество: и антологию, и вместе с тем личностную, напоенную и скрепленную индивидуальностью Адама Михника книгу-литанию, которая воздает должное тем, кто был ***против***. А это зачастую означало необходимость обладать гражданским мужеством и противостоять своей национальной и конфессиональной общине.

В начале января текущего года в битком набитом зале Еврейского исторического института (ЕИИ) на встрече с участием Михника, которую вел Анджей Новаковский («Universitas»), об антологии говорили Анджей Урбанский и историк Август Грабский (ЕИИ). Грабский хотя и признал, что перед нами серьезный труд, но назвал его ущербным, так как подбор текстов нельзя назвать репрезентативным: сильно приниженной оказалась роль КПП (компартии Польши), осталась незамеченной антирасистская публицистика ППР (Польской рабочей партии) и ПОРП, «зато пропагандируются [католические] «Тыгодник повшехный» и «Вензь»». Михник отверг эти упреки, сыпля фамилиями коммунистов, которые включены в его сборнике, а значит, это течение представлено достаточно сильно. В то же время, по мнению Урбанского, «книга пересматривает взгляд на XX век, она говорит о самой важной проблеме польской культуры этого столетия: на протяжении всего XX века культура борется с тоталитаризмом. Польское искушение тоталитаризмом — это антисемитизм. Всем текстам присуща двойная природа: они благородны, а с другой стороны — говорят о позорных, варварских, преступных формах поведения».

В конце встречи из зала прозвучал вопрос: «Откуда взялся антисемитизм?» «Как-то однажды, — вспоминал Михник, — я спросил о том же самом Чеслава Милоша. Тот сказал: «Всякий ответ на этот вопрос становится оправданием антисемитизма»»*. Что-то в этом есть. Любая попытка выяснить генезис антисемитизма довольно быстро добирается до точки с надписью «национальный характер», а плодом этого в любом случае становятся неправомочные обобщения как добродетелей, так и пороков. Но это не означает, что всякий критический взгляд, к примеру, на какой-либо избранный аспект «канона польского духа» представляет собой антипольское деяние и что под угрозой обвинения в антисемитизме запрещена любая критическая оценка какой-нибудь из составляющих еврейской идентичности. Бодуэн де Куртенэ позволил себе высказать следующее мнение: «Еврейский Бог — это Бог исключительно национальный, проявляющий воистину обезьянью любовь (Affenliebe) к своим возлюбленным чадам и предъявляющий к ним претензии, если по отношению к другим народам они не руководствуются беспощадной жестокостью». Этот Бог, продолжал выдающийся языковед и радикальный демократ, стал христианским Богом, «а сочетание римского империализма с еврейской мегаломанией породило католицизм, стремящийся завладеть всем миром»**. Это звучит не самым лучшим образом, но это и не проявление антисемитизма***. Впрочем, как мы знаем, названной болезни, помимо всего, присущи разные степени интенсивности. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть антологию на статьях Александра Свентоховского, Ежи Гулевича, Кароля Виктора Заводзинского, Богуслава Медзинского. Их тексты, «читаемые сегодня, спустя много лет после написания, свидетельствуют, пожалуй,

* Цит. по: Halcewicz-Pleskaczewski J. Bolący ząb // Gazeta Wyborcza. 2011. №9.

** Baudouin de Courteney Jan. Mój stosunek do kościoła. Warszawa, 1927.

*** Как не проявление антисемитизма и та позиция, которая содержится в книге Хелены Эйльштейн «Библия в руках атеиста»: Eilstein Helena. Biblia w ręku ateisty. Warszawa, 2006. Это критический анализ библейских текстов с атеистической и гуманистической точки зрения.

о том, что их место скорее в антологии антисемитской публицистики», — признаёт во «Введении» к антологии ее составитель. И напоминает: «Читая эти тексты, надо помнить о специфике тех времен, когда они писались. (...) Публицисты, более всего открытые к еврейскому вопросу, провозглашали тогда программу ассимиляции невзирая на то, что для евреев она означала необходимость отречься от собственной религии, собственного языка, от собственной, богатой культурно-бытовой и нравственной традиции». Тем ценнее признание Эмиля Зегадловича, считавшего своим долгом (в 1937 г.) «всегда становиться на сторону обиженных, на защиту прав человека, открыто и неотступно объединяться с теми, кого хулят, унижают, презирают, бьют и изгоняют из своих домов и рабочих мест». Ибо «чувствующий себя ответственным писатель должен поступать как честный врач по призванию — не бояться эпидемии и бороться с ней в очаге ее наибольшей интенсивности».

Нет, это далеко не легкая книга. Не в том ее смысл, что убежденные убеждают убежденных. Ведь тот же Зегадлович в той же статье писал, что «шовинизм — это самый мрачный продукт еврейского угрюмого фанатизма» и что «Моисей — покровитель всех национал-демократов во всём мире точно так же, как Христос — их антитеза». Естественно, в антологии отсутствуют те, кто в межвоенный период соучаствовал в формировании крайнего отечественного антисемитизма, но и без них там достаточно много фраз, мнений и взглядов, возбуждающих возражения. Причем вполне справедливо. Может быть, есть, однако, смысл сделать следующий шаг и спросить себя: а каким образом я сам высказывался бы в те времена? Думается, я бы солидаризировался с Марией Домбровской («Ежегодный стыд», 1936), которая осуждала нападения в университетах, предостерегая, что «великий хам надвигается на Польшу не снизу, а сверху и если он не встретит сопротивления, то вскоре повернется против всего праведного, светлого, благородного и разумного». И я счел бы своим ее мнение о том, что среди виновных в таких скандальных событиях находится «духовенство, которое усердно занимается... Испанией, но никогда не использовало своего влияния, чтобы осудить банды и акты насилия, совершаемые, как ни говори, под лозунгом католичества и креста». Но на каком основании я строю предположения, что не пошел бы наряду с этим и по стопам Юзефа Лободовского, писавшего: «Столетия угнетения и невзгод во многих аспектах извратили характер еврейского народа», — или Кароля Ижиковского, витийствующего, что еврейство, «это неприятное проявление семитизма (...) состоит не в одном только крючковатом носе или неправильном выговоре, но и в том, что оно возбуждает в нас особое ощущение чуждости и опасности». А может, согласился бы с таким вот признанием Конрада Гурского: «...я считаю требование борьбы с экономическим и культурным засильем евреев одним из самых существенных пунктов жизненных устремлений польского народа». Но только средствами, согласующимися с христианской этикой, — иначе говоря, без физического насилия. А как бы я пытался, скажем, будучи польским патриотом с демократическими взглядами, решать и в теории, и в жизни такую существенную проблему, каковой были желательные взаимоотношения польского большинства с национальными меньшинствами? Причем в обстоятельствах, когда тревожно высокая доля польских граждан не признавала этого государства действительно своим и когда миллионы из них не только напрочь отвергали ассимиляцию, но прямо-таки программно выражали нежелание интегрироваться с поляками? Как мы знаем, и сегодня хватает государств, ищущих решения такого рода трудных и запутанных вопросов.

Публицистика второй половины 1930-х так важна, потому что антисемитизм того периода столь глубоко врос в значительную часть поляков, что не исчез даже после Катастрофы, а его следы существуют по сей день. И это весьма убедительно подтверждают многие из текстов, включенных в антологию, в том числе работа Иренеуша Кшеминского под названием «Антисемитские установки десять лет спустя и их детерминанты» (2004). Как раз в 30-е годы прошлого века во всеобщем сознании поляков (и других европейских народов) прочно поселилась уверенность, что евреи везде ведут паразитический образ жизни и что они — словно злокачественные микробы — заражают от природы здоровые христианские общества. Что они были, есть и будут чужаками. Да и вообще политики, идеологи, журналисты, люди культуры, духовные особы всех христианских конфессий настойчивыми усилиями внушили своим обществам, что евреи должны ***исчезнуть***, уйти с глаз Европы. Не иначе об-

стояло дело и у нас: поляки и прочие граждане Второй Речи Посполитой не были готовы к геноциду, однако свыклись с мечтами о государстве, ***избавленном*** от евреев. И, таким образом, когда наступила Катастрофа, то... Ограничусь кратким умозаключением: ...то их не оплакивали.

На мою долю выпало то счастье, что в моем родном деревенском доме скорбели о судьбе евреев, однако и в своем селе, и в других местах я слышал слова признательности Гитлеру — за «наведенный ***с ними*** порядок!» — достаточно часто, дабы иметь право предполагать, что так думали и говорили многие. И отсюда — негодующее изумление, что горсточка из них всё-таки уцелела, что некоторые пробуют возвращаться в свои дома. А тут еще эта «жидо-коммуна»...

В антологии мы встречаем тех, кто противостоял не только крайнему расистскому антисемитизму, но и другим его формам. Это настоящая библиотека текстов — как ставших уже каноническими для заглавной темы, так и незнакомых сколько-нибудь широкому кругу читателей, вроде, например, потрясающего «Письма отцу» Яна Рышарда Быховского, датированного декабрем 1943 г. («Зешиты литерацке», 1991, №34). Это честный разговор о польско-еврейских отношениях без уклонения от трудных вопросов и бегства в благородно звучащие общие фразы. В этом видна рука Адама Михника — эссеиста и мыслителя, в творчестве которого такое важное место занимает добросовестное описание процессов, происходивших в Польше XX века. В том числе и разных обличий антисемитизма. А потому в его антологии сразу же после предложения Ежи Завейского: «Не будем исследовать генезис этих темных сил, а скорее задумаемся над тем, как их побороть и парализовать» («Надежда людей доброй воли», 1947) — идут тексты Анджея Пачковского («Евреи в госбезопасности. Попытка верификации стереотипа», 2001) и Генрика Шляйфера («Остаточное присутствие и «жидо-коммуна»», 2003). Шляйфер приводит июньскую запись 1947 г. из «Дневников» Марии Домбровской: «Госбезопасность, правосудие находятся полностью в руках евреев. (...) Евреи выносят полякам приговоры и отдают их на пытки да казни. И как тут может в Польше не распространяться гнусный антисемитизм?» — добавляя от себя, что такое мнение «воспроизводит скорее повсеместно царящие настроения и убежденность, нежели «неопровержимые факты»; однако из-за этого оно не становится менее важным для понимания динамики национальных стереотипов, основных граней обыденного сознания». Он же пишет, что «в сознании поляков сидела, кроме того, наподобие болезненной занозы, попытка противопоставить «хороших» (ибо сражавшихся в Еврейской боевой организации совместно с коммунистами) евреев из варшавского гетто и партизанских отрядов «плохим» бойцам АК. Об этих «плохих» бойцах не кто иной, как Ицхак Цукерман, герой варшавского гетто, говорил в марте 1945 г. как о членах «банд АК» (...)».

Есть здесь и Абель Кайнер (Станислав Краевский) с работой «Польско-еврейские отношения» (1985), где говорится: «Среди довоенной коммунистической интеллигенции в Польше евреи составляли большинство; теперь эти люди заняли самые высокие посты. Они соучаствовали в создании новой власти с ее зависимостью от СССР, а также борьбой с польскими национальными традициями и католической Церковью. В совокупности это подтверждало картину «жидо-коммуны» и усугубляло антисемитизм». Хотя, по правде говоря, добавлял автор, «те евреи, которые поодиночке — ибо они не выступали как сообщество — участвовали во власти, делали это как коммунисты, а вовсе не как евреи»*.

Разумеется, антология не могла обойтись без Александра Смоляра и его превосходного эссе «Табу и невиновность» (1986), где он писал о «трагическом порочном круге»: «Очень многие евреи с энтузиазмом приветствовали красноармейцев, ибо не рассматривали Польшу как свою родину, ибо их отталкивали, ибо способ избавления от их присутствия в стране стал главным предметом публичных дебатов. Это частично объясняет их реакции. Но может ли оно в каком-нибудь смысле оправдывать подобную позицию, за которую, впрочем, им очень скоро пришлось заплатить высокую цену?»

Пора уже кончать мой личный и весьма выборочный обзор этой книги — трудной и нужной. Этой литании Адама Михника — нашего совместного мучительного и скорбного моления.

P.S. Статья Ежи Загурского носит название «Евреи, поляки и заминированные души», а не «Евреи, поляки и заминированная территория» — как напечатано во 2 томе антологии.

Przeciw antysemityzmowi. 1936-2009. Wybór, wstęp i opracowanie A.Michnik.

* См. также: Kainer A. [под псевд. S. Krajewski]. Żydzi a komunizm // Krytyka (подпольное изд.). 1983. №15.

Ежи Едлицкий

ПОЛЯ СМЕРТИ

В своей книге о Европе между Гитлером и Сталиным американский историк рассказывает о миллионах жертв двух беспощадных диктаторов XX века.

«Сегодняшняя память Европы, если можно употребить такой термин, — пишет украинский историк Ярослав Грицак, — в значительной мере сформировалась в силу того, что из нее был исключен опыт ее восточноевропейской части. Это в какой-то степени наследие холодной войны». Это утверждение можно расширить: не только память, но и элементарные знания о Европе, причем во всем западном мире.

Грицак имеет в виду память о периоде 1932-1945 гг. Главными событиями этого периода в Европе, по обычным западным представлениям, были: захват Гитлером власти в Германии, нападение Германии на западные страны и на СССР, Катастрофа («Холокост»), затем освобождение Европы силами союзников — США, Великобритании и СССР. Только «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына успешно расширил рамки этого канонического представления, развенчав наивный образ Советского Союза и вскрыв его первооснову — террор и рабство. Страны же «народной демократии» остались для Запада лишь дополнением к СССР.

Помню свое недоумение, когда 40 лет тому назад, находясь в США, я заметил, что 1 сентября ни одна из газет не вспомнила, что это за дата. Подобным же образом Варшавское восстание и уничтожение польской столицы не нашли никакого отклика в западном сознании. Каждая из стран нашей части Европы испытывала неприятное ощущение, что в общеевропейской истории ее испытания заслужили лишь беглого упоминания. Я говорю здесь не об академической историографии, а о том запасе информативного материала и различных ассоциаций, который получает в школе и из СМИ рядовой европеец, а что уж говорить тогда об американце. И такое положение не могло автоматически измениться в результате расширения НАТО и Евросоюза.

Возможно, что пробить брешь в этой стене невежества удастся благодаря изданной в прошлом году книге Тимоти Снайдера «Окровавленные поля». Ибо этот труд, с четким соблюдением в нем всех норм научной публикации, вышел в издательстве, рассчитанном на широкий круг читателей, и сразу же получил целый ряд рецензий в главных американских и британских газетах и журналах, одновременно вызвав горячие споры. Конечно, Снайдер — не первый американский историк, который предметом своей специализации сделал страны Центрально-Восточной Европы, но он стал первым, кто эту прежде маргинальную тематику ввел в сферу основных интересов интеллигенции и политиков. После того как увидели свет несколько его книг, молодой профессор Йельского университета вошел в число самых известных историков. Весьма помогли автору в этом его прекрасный стиль и смелые гипотезы. За получением прав на перевод книги уже обратились издательства из 16 стран.

В Польше Снайдер уже на протяжении нескольких лет известен как автор книг, проливающих свет на интригующие читателя события нашей истории, а также по многочисленным статьям, интервью и дискуссиям в СМИ. Польским языком он владеет прекрасно. В переводе на польский его книга должна выйти из печати весной этого года. Не знаю, как польский переводчик справится с названием, но с подзаголовком наверняка проблем не будет: «Европа между Гитлером и Сталиным». Однако это «между» все-таки не совсем ясная подсказка: оно обозначает страны, на которые распространялась власть обоих диктаторов. Ибо они либо делили территории этих стран между собой, либо вели друг с другом ожесточенную борьбу. И всё же не война — тема книги Снайдера, а массовые убийства, совершенные обоими диктаторами — как во время войны, так и в мирное время.

■ Катастрофа

В таком контексте главной темой становится, разумеется, Катастрофа еврейского народа, а территория, на которой она совершалась, в общем и целом совпадает с территорией «Bloodlands». Сюда включены Вторая Речь Посполитая, три прибалтийских государства, Белоруссия, Украина и часть западной территории России (см. карту). Снайдер из сферы своего рассмотрения исключил концлагеря — как немецкие, так и советские, — разбросанные по гораздо большей территории, ибо счел их лагерями каторжного труда, в которых узникам оставлялся ничтожный шанс выжить.

Внимание автора обращено на убийства, которые совершались по прямому указанию и с одобрения высших властей Германии или СССР. По сравнению с тем, что преподается в рамках традиционного образования, он сдвигает хронологические рамки и географию Катастрофы, которая начинается одновременно с нападением Вермахта на Советский Союз летом 1941 года. Ибо вслед за армией шли «группы специального назначения» (Einsatzgruppen), которые производили казни евреев, сперва польских граждан, а чуть позднее — советских. Масштаб операций расширялся, поэтому к операции подключили части СС, полиции и Вермахта, а целью массовых казней было провести в жизнь план «окончательного решения». Это происходило путем как массовых расстрелов (пример — Бабий Яр в Киеве), так и индивидуальных, серийных. Как правило, жертв перед смертью заставляли рыть для себя общие могилы.

Эти методы, подчеркивает Снайдер, не имели ничего общего с той промышленной системой убийства, которую многие авторы позднее охарактеризуют как специфику Шоа. На Востоке палачи в военной форме видели своих обнаженных жертв обоего пола и любого возраста с близкого расстояния и тренировались хладнокровно и бесстрастно стрелять по живым целям. Лишь в 1942 г. в Генерал-губернаторстве и на восточных окраинах тогдашнего Рейха немцы начали экспериментировать с убийством польских евреев путем использования выхлопных газов автомобильных двигателей. На последнем этапе этого научного прогресса появились газовые камеры, куда жертв свозили эшелонами со всей завоеванной немцами или подчиненной им Европы (включая Польшу), людей умерщвляли в Аушвице с помощью циклона-Б, который запускали сквозь отверстие в крыше. Комбинат Аушвиц-Биркенау — концлагерь, который наряду с газовыми камерами и крематориями стал в мире почти символом Катастрофы, хотя, как доказывает Снайдер, почти 90% общего числа убитых евреев были убиты еще раньше.

■ Голодом и оружием

Если бы автор ограничился только главами о Катастрофе и фабриках смерти, то и тогда его произведение заслуживало бы внимания, но скорее всего потонуло бы в библиографии тысяч публикаций на эту тему. Тем, что сделало эту книгу для одних выдающимся трудом, а для других — неудачным, стал тот факт, что Снайдер отважился обсуждать Катастрофу наряду с другими массовыми преступлениями — как Гитлера, так и Сталина. С немецкой стороны мы имеем прежде всего то, что совершенно хладнокровно были замучены и доведены до голодной смерти около трех миллионов советских военнопленных, которых держали в нечеловеческих условиях в лагерях под открытым небом. Единственной возможностью вырваться из этого морга было присоединиться к коллаборационистским вооруженным формированиям, готовым сражаться против своих бывших товарищей по оружию, подавлять Варшавское восстание или надзирать за порядком в Собиборе и Треблинке.

Это преступление, совершенное против военнопленных, до сих пор не стало темой большого количества трудов, а значит, и не стало повсеместно известным. К немецким массовым преступлениям Снайдер причисляет также гибель от голода миллиона жителей блокадного Ленинграда, террор и публичные казни, осуществлявшиеся в период оккупации в советской Белоруссии и на территории Польши с целью уничтожить прежде всего образованные слои общества, наконец, с целью уничтожить гражданское население Варшавы во время Варшавского восстания.

Но это еще не всё — главам о гитлеровских преступлениях предшествуют и дополняют их главы о терроре Сталина и аппарата НКВД.

■ Советские преступления

Историю этих преступлений Снайдер начинает с напоминания о голоде 1932-1933 гг. на Украине, который опустошил огромную территорию страны, оставив после себя несколько миллионов трупов и описания, от которых стынет кровь в жилах. В какой мере Голодомор был следствием коллективизации деревни и экспорта зерна любой ценой, а в какой стал результатом политики, сознательно направленной на уничтожение непокорного украинского крестьянства, остается по сей день вопросом спорным, хотя одно не исключает другого.

Снайдер описывает, как Сталин выступал перед Европой с лозунгом Народного фронта против фашизма и одновременно усиливал в СССР безумный террор, кульминация которого пришлась на 1937-1938 годы. Первой его жертвой после так называемых кулаков стали поляки, которые оказались за той границей, что была определена Рижским мирным договором (1922). Их массовые аресты, словно с конвейера слетавшие приговоры, которые выносились якобы за шпионаж и деятельность в подполье, или массовая высылка в Казахстан — всё это было для НКВД тренировкой в искоренении целых народностей или других категорий граждан, вызывавших недоверие Сталина. Об этом, как и о лагерях, как-то не хотели на Западе знать. Родину пролетариата и ведущую антифашистскую силу было как-то неприлично подозревать в каких-то скрытных действиях.

Только союз Сталина с Гитлером, заключенный в 1939 г., сорвал покров с этого обмана, но теперь уже некому было этим заниматься. Страны Западной и Центральной Европы, включая Балканы, были завоеваны Германией или подчинялись ей, а разделенной Польше предстояло теперь стать главной сценой «Bloodlands». Обе диктатуры, каждая в своей зоне, выискивали и отправляли в лагеря или на смерть главным образом интеллигенцию. В тот момент Советам с их тайным убийством польских офицеров и сотрудников различных государственных служб принадлежала пальма первенства в этом соревновании.

Вероломное (с московской точки зрения) нападение гитлеровской Германии на своего союзника СССР и ведущаяся на фронтах война на уничтожение склонили Сталина к некоторому ослаблению террора, хотя расстрел всех заключенных накануне бегства от немцев стал свидетельством, подтверждавшим преступный характер системы. Столь же беспощадным было выселение целых народов с их извечных мест проживания: поволжских немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар и других.

Подобная же судьба наверняка должна была ожидать и евреев — тех, кому посчастливилось не оказаться под властью гитлеровского оккупанта. Усиление антисемитизма Сталина, который уже начиная с военного времени подозревал опасные заговоры, якобы зревшие среди евреев в СССР и государствах-сателлитах, стало предметом последней главы книги Снайдера. К счастью, на сей раз диктатора настигла смерть, прежде чем разгорелась очередная вспышка подозрительности, способная повлечь за собой новую череду массовых преследований.

■ Вопросы

Таковы самые важные темы книги «Bloodlands». В одной из западных рецензий я прочитал, что всё это уже и так более или менее известно. На это можно возразить вопросом: кому известно? Несомненно, есть специалисты, занимающиеся отдельными аспектами этой мрачной истории, которые в области своей компетенции могут состязаться со Снайдером и, возможно, даже превзойдут его в том, что касается деталей. Однако среди 400 названий библиографии, приведенных в конце книги, вряд ли отыщется второй такой труд, автора которого отличала бы та же широта эрудиции и то же умение совмещать друг с другом самые разные сюжеты 1932-1953 гг. А ведь это список трудов на английском, немецком, французском, польском, чешском, русском и украинском языках, которые автор использовал в работе. С немалым удивлением я отметил для себя, как много за последние 20 лет сделали российские историки, стремящиеся воссоздать нефальсифицированную внутреннюю историю СССР. Об этом у нас мало пишут, но и в самой России эти открытия и констатации не становятся обиходным знанием.

Внимание западных читателей, которым прежде всего и предназначена эта работа Снайдера, привлекает сама конструкция книги, вызывающая — как уже говорилось — нередко серьезные сомнения. Можно ли геноцид, намеренно спланированный и осуществленный, ставший кульминацией извечных

ненавистных предрассудков, сравнивать с чем бы то ни было? Можно ли сравнивать Сталина — который вне всякого сомнения был тираном — с такими чудовищами, как Гитлер или Гиммлер? Поляки, как правило, не видят в этом проблемы и на такие вопросы склонны в ответ пожимать плечами. Однако для некоторых американцев или евреев проблема остается: в конце концов, СССР в союзе с западными державами победил гитлеровскую Германию и судил ее вождей.

Снайдер в ответ на это говорит, что сравнивать совершенно необходимо, если мы хотим понять «наше время и нас самих». Он напоминает о Ханне Арендт и ее понимании тоталитаризма, но проводником ему, на которого он неоднократно ссылается, стал скорее Василий Гроссман, русский писатель, который глубоко изучил природу обеих систем. Речь идет о том, говорит Снайдер, чтобы показать, как диктаторы взаимно вдохновляли друг друга, и постараться понять, что подталкивало их к преступлениям, которые невозможно понять. По мнению автора, у каждого из них был свой утопический взгляд на будущее. Для Гитлера этим будущим должна была стать молниеносная и победоносная война с Советским Союзом, а потом колонизация Германией безграничных пространств на востоке; и коль скоро эта имперская фантазия уже в конце 1941 г. оказалась иллюзорной, оставалось признать целью войны победу (эрзац победы) над евреями, то есть их полное уничтожение. Подобным же образом Сталин, когда построение социализма в отсталой стране обратилось в мираж, счел миллионы граждан СССР — представителей разных классов и разных национальностей — саботажниками и врагами, подлежащими ликвидации.

■ Дискуссионность проблемы

Эта теория причин массовых преступлений, не вполне удовлетворяющая читателя, несомненно требует обсуждения. Но предъявляемые Снайдеру претензии, что он-де своим сравнением принизил исключительное значение Катастрофы, лишены всяких оснований. Против такого истолкования книга «Bloodlands» защищена самим своим текстом. Более того, Снайдер бдительно отслеживает любые попытки присваивать знание о точном количестве жертв, особенно еврейских, и затушевывать достоверность этих сведений на потребу той или иной исторической политике или мартирологическому соперничеству. Его можно, пожалуй, упрекнуть лишь в том, что, чрезмерно увлекшись борьбой гигантов, он недостаточно внимания уделил причастности местного населения к выслеживанию и убийствам евреев.

В труде столь масштабном трудно избежать ошибок. Мне кажется, их совсем немного. Немцы в 1939 г., отправляя взятых в плен поляков в лагеря военнопленных, не отделяли офицеров-евреев; удивительно, но лагерь военнопленных оказался для них единственной возможностью выжить. Распространенные львовские анекдоты о советских офицерах, которые думали, что зубную пасту едят, и об их женах, отправлявшихся в театр в красивых ночных рубашках, которые они принимали их за платья, всё же не стоит, как мне кажется, принимать всерьез. «Польское правительство» и «главное командование» появляются (стр. 151) ни с того ни с сего и даже неизвестно, где они находятся. Шмуль Зигельбойм, представитель Бунда в польском Национальном Совете, не устраивал самосожжения перед зданием британского парламента (откуда взялась эта фантазия?), а отравился в своей лондонской квартире, оставив знаменитое письмо протеста. Отношения между поляками и евреями в восставшей Варшаве не были столь идиллическими, как можно было бы понять из написанного у Снайдера (хотя ему знакома книга Барбары Энгелькинг и Дариуша Либенки).

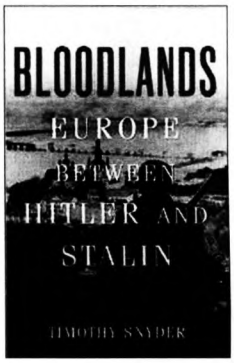
Снайдер пишет, что нет оснований считать, будто Сталин сознательно приостановил военную операцию в предместье Варшавы в августе 1944 года. В свете новейших исследований следует считать, что основания есть, и неопровержимые. Политическую борьбу в руководстве ППР/ПОРП в 1945-1948 гг. и в 1956-м вряд ли можно свести лишь к конфликту между «евреями» и «национал-коммунистом» Гомулкой.

Несмотря на те или иные ошибки этот американский историк чувствует себя в Центральной и Восточной Европе вполне уверенно. Он ощущает ее ритм, ему понятны устремления народов, как понятно и то, что многочисленные бедствия, выпавшие на их долю, каждый народ, к сожалению, переживал самостоятельно: и умиравший от голода украинский крестьянин, и евреи, стоявшие в

очереди к газовым камерам, и погибавшее под бомбами население Ленинграда или Варшавы. «Bloodlands» — книга об одиночестве тех, кто погибал в условиях ужасающего равнодушия мира — а не раз и к радости соседей. То же происходит и с разделенной памятью о них, и с тем, что мы называем знанием об этом.

Цифры здесь приводятся ужасающие, хотя в них не включены миллионы тех, кто пал в боях на войне, трижды прокатившейся по этой части Европы. Снайдер не останавливается только на цифрах: в каждой главе он приводит волнующие факты о судьбах отдельных людей и напоминает, что миллион убитых — это миллион раз один человек.

Автор — профессор Института истории ПАН, инициатор и редактор трехтомника «История польской интеллигенции до 1918 года», за который он получил Историческую премию за 2008 год.



Timothy Snyder. ***Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin.*** New York: Basic Books, 2010; London: The Bodley Head, 2010. Тимоти Снайдер (р.1969) изучал историю Европы в Университете Брауна и в Оксфорде. В 2001 прошел конкурс на место профессора в Йельском университете и возглавил кафедру истории Восточной Европы. В Польше из его работ вышли, в частности, ***«Реконструкция народов: Польша, Украина, Литва и Белоруссия. 1569-1999»*** (Пограничье, 2006), ***«Тайная война: Генрик Юзефский и польско-советская игра за Украину»*** (Знак, 2008). Получил премию, присуждаемую журналом «Пшеглёнд всходний», премию им. Ежи Гедройца от Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской и премию Американской ассоциации историков.

POLITYKA

Эва Зюлковская

ВЫДАЮЩАЯСЯ ПОЛЬКА

Единственная в истории женщина, ставшая дважды лауреатом Нобелевской премии, первая женщина — профессор Сорбонны, которую британский журнал «Нью сайентист» недавно признал величайшим ученым всех времен, была коренной варшавянкой. Училась и работала она во Франции. Сотрудничала со многими научными центрами в мире. И хотя никогда не бывала ни в Петербурге, ни в Москве, поддерживала активные контакты с русской наукой.

Мария Склодовская (Мари Кюри-Склодовская), ибо речь идет о ней, родилась 7 ноября 1867 года. Детство ее прошло в Варшаве, здесь же она окончила с золотой медалью 3-ю государственную женскую гимназию, была слушательницей подпольного Летучего университета, организовала курсы образования, работала гувернанткой. Ее отчий дом стоял и стоит в центре Варшавы, в Старом Городе, — сегодня здесь разместился посвященный ей музей, здесь же помещается Польское химическое общество, основателем и почетным членом которого она была.

Обладавшая многими талантами, знавшая несколько языков, она решила посвятить себя точным наукам. Она поступила в парижскую Сорбонну, так как ни один из университетов в трех частях разделенной Польши женщин учиться не принимал. Работать ей приходилось в невероятно трудных условиях: в лаборатории, устроенной в примитивном сарае, не имевшем пола, она использовала ионизационную камеру, собранную из консервных банок. Ее новаторские исследования по радиоактивности, в ходе которых она буквально голыми руками перебирала тонны урановой обманки, оказались переломными для мировой науки. В 1898 г. вместе с мужем Пьером Кюри она открыла два неизвестных до того элемента — радий и полоний, последний она назвала в честь своей родины. За эти исследования Королевская Академия наук в Стокгольме в 1903 г. удостоила Мари и Пьера Кюри и Антуана Анри Беккереля Нобелевской премии по физике.

Женщина-ученый умела сочетать научные амбиции с семейной жизнью. Мари и Пьера Кюри объединяли исследовательские интересы и глубокое взаимное чувство. У них родились две дочери: Ирен (в будущем Ирен Жолио-Кюри, тоже нобелевский лауреат) и Ева. Но счастье было недолгим. Любимый муж погиб под колесами конной повозки. Оставшись одна с двумя маленькими детьми, Мари несмотря на свое отчаяние не прекратила научную деятельность. Она стала первой женщиной, выступившей с докладом в Сорбонне. Вскоре руководство Сорбонны доверило ей заведовать кафедрой физики, созданной специально для Пьера Кюри. Но Французская Академия наук отвергла ее кандидатуру, ибо мало того, что она была женщиной, но еще и иностранкой («C'est inadmissible!»). В 1911 г. ей, уже одной,

была присуждена Нобелевская премия по химии за продолжение изучения радиоактивных элементов. Она была на волосок от того, чтобы не получить эту премию. Как раз в это время получил огласку ее роман с физиком Полем Ланжевеном, который был значительно моложе ее, что, безусловно, послужило поводом для скандала. Находясь на грани полного отчаяния, она всё же продолжала работу.

По ее инициативе был создан Радиевый институт в Париже, физико-химическую лабораторию которого она возглавляла до конца своей жизни. Во время Первой Мировой войны Мари Кюри-Склодовская была инициатором организации на фронте полевых рентгеновских станций. Чтобы часть из них обслуживать лично, она получила права на вождение автомобиля. Помощью мобильных амбулаторий, называемых «мини-Кюри», воспользовались почти три миллиона французских солдат. В 1920-е вместе с Альбертом Эйнштейном она принимала участие в работе Международной комиссии по интеллектуальному сотрудничеству, учрежденной при Лиге Наций.

Уехав во Францию, она была полностью поглощена работой в парижской лаборатории и не часто бывала в Варшаве, но продолжала поддерживать постоянные контакты со своей родиной и с польской наукой. Частным образом она приезжала в родной город и ездила в Татры. Она была членом Польской Академии знаний и почетным доктором нескольких университетов. В 1912 г. Варшавское научное общество приняло решение создать радиологическую лабораторию и поручить руководство Мари Кюри-Склодовской. Поскольку оставить Францию она не могла, то направила в Варшаву своих лучших ассистентов. Благодаря ей варшавская исследовательская лаборатория стала практически филиалом парижской. Лаборатория эта работала вплоть до начала Второй Мировой войны.

В 1925 г. Мари Кюри-Склодовская приехала в Варшаву, чтобы принять участие в торжественной закладке краеугольного камня возводимого по ее инициативе Радиевого института. На нужды этого института ей был пожертвован в Вашингтоне один грамм радия, стоимостью в 60 тыс. долларов, который она приняла лично. Строительство института, создававшегося на общественные пожертвования, продолжалось несколько лет. Открытие его состоялось 29 мая 1932 г. с участием президента Игнация Мостицкого, профессора-химика.

Вследствие тяжелой болезни, вызванной тем, что многие годы она работала с радиоактивными веществами и рентгеновским излучением, Мари Кюри-Склодовская умерла в клинике Пасси во Французских Альпах 4 июля 1934 года. Упокоилась она рядом с мужем на кладбище в его родном городке Со под Парижем. В 1995 г. прах Мари и Пьера Кюри был торжественно перенесен в парижский Пантеон.

Мари Кюри-Склодовская поддерживала самые разнообразные связи с русской, а затем советской наукой. Ее отец Владислав Склодовский, преподаватель физики и математики в варшавских школах, был выпускником факультета естествознания Санкт-Петербургского Императорского университета. Учебу он закончил в 1852 г., получив степень кандидата физико-математических наук. Огромный запас знаний отца и его педагогические способности наверняка повлияли на интересы дочери. Она накапливала свой первый опыт по физике и химии в лаборатории варшавского Музея промышленности и сельского хозяйства, которым руководил ее двоюродный брат Юзеф Ежи Богуский, известный специалист по физической химии. В 1875-1876 гг. он был ассистентом Менделеева в химической лаборатории Петербургского университета, где занимался исследованиями физических свойств газов. По возвращении в Польшу он на протяжении 30 лет вел постоянную переписку со своим русским наставником и первым сообщил ему об открытии полония и радия, сделанном супругами Кюри. Не прошло и четырех лет, вспоминают биографы, как в парижскую лабораторию супругов Кюри явился старик с длинной седой бородой, говоривший с сильным русским акцентом. Это был Дмитрий Иванович Менделеев собственной персоной, автор периодической системы элементов, в которой тогда еще оставалось много пустых мест.

Мари Кюри-Склодовскую приняли почетным членом в Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В 1907 г. она стала членом-корреспондентом Российской Академии наук в Санкт-Петербурге, а в 1926-м — почетным членом АН СССР. Ее труды переводились на русский язык. В парижской лаборатории Кюри

работали известные русские ученые — первооткрыватели в области изучения радиоактивности, известные физики и минералоги: Лев Коловрат-Червинский, Евгений Бурксер, Владимир Вернадский и Дмитрий Скобелев. Нобелевского лауреата неоднократно посещал основатель и первый директор ленинградского Государственного рентгенологического и радиологического института профессор Михаил Неменов. Сама Мари Кюри-Склодовская не раз получала приглашения приехать в СССР, в частности для участия в съезде радиологов и рентгенологов и в Менделеевском съезде, но она вынуждена была отказываться ввиду огромной занятости и ухудшавшегося состояния здоровья.*

Мари Кюри-Склодовская — личность исключительная как с точки зрения научных достижений, так и с точки зрения личных качеств. Ее открытия опровергли прежние взгляды на строение материи и положили начало исследованиям в области многих новых научных дисциплин. Она ввела в научный оборот понятие радиоактивности, создала основы радиохимии, открыла новую эру в лечении новообразований. И вместе с тем это была женщина, обладавшая невероятной силой духа, увлеченностью и смелостью, вынужденная преодолевать стереотипы как в науке, так и в жизни, с трудом прокладывая себе путь в мире, где безраздельно господствовали мужчины. Невероятно скромная, до конца преданная науке, она выполняла титаническую работу, невзирая на состояние здоровья и не думая о материальной выгоде. Если она добивалась получения денег, то все они шли на продолжение исследований. Мари Кюри-Склодовская писала: «Легко понять, как ценна для меня уверенность, что открытие наше стало благодеянием для человечества не только ввиду своей научной ценности, но и потому, что благодаря ему можно уменьшить страдания людей и лечить страшную болезнь. Это прекрасная награда за годы наших усилий». В Варшаве есть постоянно действующий памятник ей — это Центр онкологии ее имени.

В сотую годовщину присуждения выдающейся женщине-ученому Нобелевской премии по химии 2011 год указом польского Сейма и Сената объявлен Годом Мари Кюри-Склодовской. Торжества под эгидой президента Польши Бронислава Коморовского и президента Франции Николя Саркози совпадают с Международным годом химии, объявленным ООН. Прекрасный случай, чтобы вспомнить не только об огромных заслугах этой великой польки перед мировой наукой, но и о ее богатой, многосторонне одаренной личности.

* Прибавим дополнительные сведения. В 1920 г. в Харькове была создана Всеукраинская рентгеновская академия. «Одной из задач академии было оказание высококвалифицированной помощи онкологическим больным. В 1925 г. Мари Кюри безвозмездно передала академии 316 мг радия, что послужило началом радиотерапии онкологических больных в Украине» (Гранов А.М., Тютин Л.А., Бессонов Н.Н. Центральному научно-исследовательскому рентгено-радиологическому институту МЗ РФ — 85 лет // Международный медицинский журнал. 2004. №3). — *Ред.*

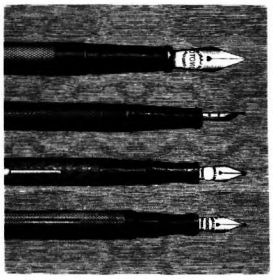
Анджей Краевский

ТАЙНЫ ВЕЛИКОЙ УЧЕНОЙ

Среди ученых с появлением Мари Кюри возникли неизвестные прежде проблемы. Мужчины открыли гениальную женщину, в которую влюблялись с необыкновенной легкостью.

Кто бы мог предполагать сто лет тому назад, что госпожа Кюри, которую пресса клеймила за безнравственное поведение, станет идеалом современной женщины? Но сегодня, когда в соответствии с решением польского парламента 2011 год будет посвящен Марии Кюри-Склодовской, трудно не признать этот выбор лучшим из возможных. Никакой памятник не может быть слишком замечательным для человека, одаренного не только многими талантами, но и столь сильной волей, способной изменить мир.

■ Прощальная мазурка средь бела дня



Характер самой младшей из пятерых детей Владислава Склодовского формировался самой жизнью. Марысе было девять лет, когда умерла ее старшая сестра Зося, и одиннадцать, когда от туберкулеза умерла ее мать. Эти события, по мнению всех биографов нобелевского лауреата, наложили отпечаток на ее характер. С тех пор она всегда производила впечатление человека старше своих лет и не по возрасту ответственного. Но при более близком знакомстве оказывалось, что она была совершенно обычным подростком.

«Замечательно удалось катание на санях! Прощальную мазурку мы танцевали средь бела дня в восемь часов», — писала 17-летняя Мария в 1884 г. в письме, отправленном домой из Скальбмежа, где она гостила у дяди Здислава. В другой раз, когда она гостила у графини де Флери, дружившей с ее семьей, Мария с радостью сообщала подружке: «Мы делаем всё, что нам заблагорассудится, спим по ночам, и еще раз днем, танцуем и вообще много проказничаем, так что иногда заслуживаем, чтобы нас посадили в сумасшедший дом».

Но Склодовская была очень честолюбивым человеком. Все ее учителя отмечали ее большие способности к точным наукам. Однако в восточной части Европы в те времена ни в одно из высших учебных заведений женщин не принимали. Зато такие возможности предоставлял им либеральный Париж. Учительский заработок отца не позволял ему оплачивать пребывание дочерей во Франции. Поэтому Мария договорилась со старшей сестрой Брониславой, что на протяжении четырех лет обязуется работать гувернанткой и отдавать Броне жалованье, пока та не закончит учебу на медицинском факультете в Сорбонне. А сестра обязалась содержать Марию потом.

■ Привлекательный Казимеж

Юная учительница нашла постоянную работу в семействе Журавских, в их усадьбе Щуки. И там чуть было не осталась навсегда. В Склодовскую влюбился старший сын хозяев Казимеж, причем чувство это было взаимным. Оба они прекрасно ладили друг с другом, увлеченные любовью и математикой. Наконец юноша сделал предложение Марии, которой тогда был 21 год, но родители категорически воспротивились тому, чтобы их сын женился на простой гувернантке. Склодовская потеряла работу, ей пришлось уехать, а несостоявшемуся мужу — вернуться продолжать учебу. Может быть, спустя годы профессор Казимеж Журавский, уже будучи известным математиком и ректором Ягеллонского университета, сожалел, что не сумел тогда пойти против воли родителей.

Марию эта неудача многому научила. В письме Брониславе она пообещала «никогда больше не позволять брать над собой верх ни людям, ни событиям». Она нашла новую работу в Варшаве, учи-

Paulina Zielona

лась на подпольных курсах Летучего университета. Благодаря помощи кузена Юзефа Ежи Богуславского она тайно проводила химические опыты в лаборатории Музея промышленности и торговли. Наконец настал ноябрь 1891 г., и Мария смогла отправиться в Париж, о котором мечтала. Сестра закончила учебу.

■ Два велосипеда на свадьбу

Первая женщина в истории Сорбонны, она сдала вступительные экзамены на факультет физики и химии, доказав затем, что ни у кого из ее ровесников нет шансов с нею равняться. Степень лиценциата физических наук она получила уже в июле 1893 г. как лучший студент на курсе. Вскоре она получила степень лиценциата по математике. И тогда перед ней встал вопрос: что дальше? Неравнодушный к ней физик Юзеф Ковальский посоветовал ей обратиться к аспиранту профессора Беккереля Пьеру Кюри. Ковальский полагал, что такой идеалист, как Кюри, способен проявить заботу о студентке из Польши, но не предполагал, что тот станет выполнять свою задачу столь усердно.

«Меня поразило выражение его ясного взгляда, — вспоминала 30 лет спустя Мари Кюри, описывая свою первую встречу с Пьером. — То, как он говорил, очень неторопливо и рассудительно, его скромность, его улыбка, серьезная и юношеская одновременно». Ученый, которому в то время было 35 лет, был убежден, что посвятит себя науке и ни в коем случае не женится. Хватило всего нескольких месяцев встреч с Марией, чтобы он объяснился ей в любви. Но Склодовская была намерена вернуться в Варшаву и там продолжать научную работу. Однако когда она поехала навестить отца, то поняла, что в Польше, находящейся под чужеземным господством, для нее нет места. А длительная разлука с Пьером помогла ей осознать еще одну не менее важную вещь. «Каждый из нас понял, что ему не найти лучшего спутника жизни», — записала она.

Скромное гражданское бракосочетание Марии и Пьера состоялось 26 июля 1895 года. Знакомые купили им в подарок два велосипеда, а семье Склодовских пришлось пережить шок, когда стало известно, что молодожены не собираются венчаться. Должно было пройти некоторое время прежде, чем семья окончательно приняла Пьера.

Супруги Кюри почти идеально подходили друг другу. Работая вместе в лаборатории Антуана Беккереля, они буквально за несколько лет произвели революцию в мировой науке. Исследуя радиоактивность урана, тория и открытого ими полония, они опровергли фундаментальный тезис о том, что элементы постоянны и неизменны. Они открыли, что элементы могут распадаться, преобразовываться, но самое главное — что они выделяют энергию во время своего преобразования. Наука сделала первый шаг в сторону познания тайн распада атома.

Вскоре Пьер Кюри стал одним из самых известных в мире ученых, и уже в 1903 г. его кандидатура была заявлена на Нобелевскую премию. О Мари почти никто не слышал: ее считали лишь ассистенткой гениального мужа. Поэтому для Шведской Академии стало большой неожиданностью письмо от Пьера Кюри, где он заявлял, что согласится стать кандидатом на получение премии лишь вместе с женой. Ультиматум был принят, и вскоре мир узнал о первой Нобелевской премии, присужденной женщине, к тому же родом из несуществующей Польши. Лояльность мужа позволила Мари Кюри-Склодовской выйти из тени, и мир восхищался этой супружеской парой. Пресса описывала, как они вместе воспитывают двух дочерей, вместе работают, вместе проводят свободное время, гордятся совместными успехами.

■ 15 осколков трагедии

Они являли собой образец совершенства, но идеальное редко живет долго. 19 апреля 1906 г. профессор Кюри шел, занятый своими мыслями, по узкой улице Дофин и, не успев уступить путь разогнавшейся грузовой повозке, оказался под ее колесами. Газета «Журналь» сообщала, что в результате удара

череп ученого раскололся на 15 осколков. Та же газета описывала потом, как вдова во время похорон «стояла неподвижно, всматриваясь твердым и пустым взглядом в одну точку. Когда же возле гроба кто-то положил венок, она вдруг неожиданно схватила его и стала обрывать с него один за другим все цветы, бросая их на гроб».

После смерти мужа Мари Кюри замкнулась, на протяжении многих лет носила только черные платья, но не демонстрировала отчаяния. Она приняла предложение совета физического факультета Сорбонны возглавить кафедру, созданную специально для Пьера. Осенью 1906 г. она начала читать лекции. «Как же это печально и безнадежно! Ты был бы счастлив, видя, как я преподаю в Сорбонне, я и сама бы это сделала очень охотно для тебя. Но делать это вместо тебя... Ох, мой Пьер, могло ли даже присниться нечто более ужасное?» — записала она в дневнике 5 ноября 1906 года. Бегством от отчаяния стала для нее интенсивная научная работа. Глубоко тронутый ее трагедией, американский мультимиллионер Эндрю Карнеги основал для нее лабораторию, которая была оснащена самым современным оборудованием. Вскоре вдова превратила ее в маленькую фабрику по производству радиоактивного радия.

■ За спиной женщин стоят евреи

В это время большую поддержку Мари оказал химик Андре-Луи Дебьерн, ассистировавший ей во время опытов. Не было тайной, что Дебьерн был безнадежно влюблен в госпожу Кюри, но никто никогда не замечал, чтобы в их отношениях царило что-то большее, чем просто дружба. И вдруг летом 1910 г. Мари вновь начала носить цветные платья, а знакомые заметили, что к ней вернулась радость жизни. Однако в то время еще никто не сопоставил этого факта с тем, что брак известного физика Поля Ланжевена превращается в кошмар. В Сорбонне рассказывали, как во время шумных скандалов жена ученого регулярно отвешивает ему пощечины или обстреливает его тарелками. Наконец Ланжевен покинул дом и обратился в суд с иском по поводу раздельного жительства супругов.

Прежде чем начался судебный процесс, газеты занялись совсем другим делом. Весной 1911 г. Мари Кюри стала первой женщиной — кандидатом в члены Французской Академии наук. Возможность удостоить ее столь высокого отличия возмутила значительную часть французских ученых. В прессе начали регулярно появляться статьи, где ее обвиняли в том, что ни одного открытия она не сделала самостоятельно, а всё лишь с помощью покойного мужа или же других мужчин. Часто также появлялись инсинуации о том, что среди ученых ее кандидатуру поддерживают главным образом... евреи. В конце концов Академия вместо нее приняла в свои ряды значительно менее известного ученого Эдуарда Бранли. Но это унижение было лишь предвестником настоящих проблем.

Госпожа Ланжевен, не соглашавшаяся на раздельное проживание с супругом, раздобыла переписку мужа, которую тот вел со Склодовской, и продала ее журналисту газеты «Журналь» Фернану Осеру. Статья «Любовная история мадам Кюри и профессора Ланжевена» появилась на первой полосе газеты 4 ноября 1911 г., как раз в тот момент, когда ученые находились на научном конгрессе в Брюсселе.

■ Скандал на глазах у короля

Общественное мнение Франции всколыхнулось. Газеты обвиняли польку в том, что она разбила образцовую французскую семью, в которой ко всему прочему было четверо детей. О том, что супруги Ланжевен давно уже не живут вместе, даже не упоминалось. Общественность немедленно потребовала, чтобы польку изгнали из Сорбонны. Но Мари Кюри не собиралась бежать. Вернувшись в Париж, она разослала в газеты информацию, что за публикацию порочащих ее фальшивых сведений, она сделает следующее: «...на основании имеющегося у меня права я потребую в качестве компенсации значительные суммы, которые будут использованы мною на научные исследования». Опа-

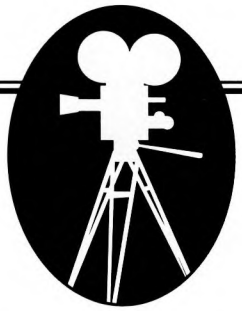
саясь судебного процесса, Фернан Осер в спешном порядке прислал ей свои извинения. «Теперь я не могу понять, как безумство моей профессии могло привести меня к столь позорному поступку», — каялся он. На защиту Мари стеной встали все ее ближайшие друзья.

В тот момент, когда решалась ее судьба, из Стокгольма пришло известие о второй Нобелевской премии, на сей раз по химии, за выделение чистого радия. Но поступавшая из Франции информация о скандале в сфере нравов вынудила химика Свана Аррениуса, ранее предложившего выдвинуть кандидатуру Мари Кюри на Нобелевскую премию, направить ей письмо, в котором он просил, чтобы она не приезжала на церемонию вручения премии. «Дело может обернуться скандалом на глазах у короля, а этого мы хотели бы избежать любой ценой», — объяснял он. «Я считаю, что не существует никакой связи между моей научной работой и частной жизнью, — ответила твердо госпожа Кюри, добавив: — Я не согласна с мнением, что клевета и порочение доброго имени могут оказывать влияние на оценку моей научной деятельности». В Стокгольм она поехала.

Ее решительная позиция как ученого и вторая Нобелевская премия положили конец скандалу. Закончилась и ее связь с Ланжевеном. Она снова стала одеваться в черные платья, а ее личная жизнь оказалась вне всяких подозрений. Во время Первой Мировой войны, когда Мари Кюри прославилась как организатор военного подразделения с передвижными рентгеновскими установками, благодаря которым стало можно делать рентген раненым прямо на линии фронта, она стала легендой. В 20-е годы, где бы она ни появлялась, вокруг нее толпами собирались журналисты. Ее дружбы добивались политики, артисты и ученые. Настали новые времена, и, прежде известная своей скандальной славой, она обрела славу новатора. Женщины в Европе начали работать профессионально, получили право участвовать в выборах, происходило постоянное расширение поля свободы в сфере нравов. Однако по-прежнему вызывал удивление тот факт, что Мари Кюри, дважды лауреат Нобелевской премии, — женщина.

Описывая атмосферу научного конгресса, на котором Мари Кюри появилась в 1924 г., выходившая в Брюсселе газета «Эвантай» отмечала, что вид ее среди мужчин «производит невероятное впечатление, тем более невероятное, что речь идет о женщине без каких-либо признаков маскулинизации. Госпожа Кюри была женой, у нее есть дочери». И далее журналист, не скрывая удивления, добавлял: «И хотя ее изящная фигура обычно облачена в черное, но она очень женственна; ее очень красит едва приметное кокетство».

Newsweek POLSKA



Катажина Тарас

ИСТОРИЯ И ЖЕНЩИНЫ

У польских режиссеров наконец-то исчезла боязнь *прикоснуться* к польской истории. И, что особенно стоит подчеркнуть, они рассказывают о ней, рассказывая о женщинах (наконец-то), и это, кстати говоря, уже трижды оценило жюри фестиваля польских художественных фильмов в Гдыне, подряд, год за годом, награждая Золотыми львами в 2008 г. «Малую Москву» Вальдемара Кшистека, год спустя — «Реверс» дебютировавшего в полном метраже Бориса Лянкоша, а в 2010 г. — «Розочку» Яна Кидавы-Блонского.

Особенно интересным был позапрошлый сезон, когда появились картины о новейшей истории — постоянно обсуждаемой, оцениваемой, *ноющей*, снятые «стоя, а не на коленях» (тут я пользуюсь репликой одного из героев «Уличных игр» Кшиштофа Краузе, который так спросил, какой фильм о Сташеке Пыясе* собираются снять молодые журналисты, роющиеся в тайнах ПНР), и это необычайно ценно: они сделаны без люстрационной ожесточенности и подвергают проверке наше восприятие периода военного положения. Яцек Борцух своим залихватским фильмом «Всё, что я люблю» (сильно автобиографическим), который, по счастью, был выдвинут на «Оскара» от Польши, доказал, что и в столь скверное время ему удалось дать портрет того поколения бунтарей, которое позже описала Мария Змаж-Кочанович в фильме «Поколение-89». Завораживает сила, так и бьющая из сцены концерта, когда и комиссар Соколовский, и они, лицеисты вблизи сцены и на сцене, и мы, зрители, — все мы осознаём, что эту лавину эмоций, правды, уверенности в себе и потребности в свободе остановить не удастся. А вдобавок еще это подлинное, бесшабашное использование панк-рока, предохранительного клапана, отдушины и одновременно пространства свободы в те вовсе — как оказывается — не такие уж и печальные 80-е годы. Борцух сделал то, чего не удалось достичь авторам ленты «Beats of Freedom», — он показал (так как знает, так как пережил сам, так как пропитывался этой музыкой, воспроизводимой чаще всего с магнитофона), что польский панк-рок рожден из протеста не только по отношению к власти, но и к любой лжи и фальши, что он давал свободу. Хотя бы на ту минуту, когда ты слушал группу «Дезертир» или «Культ». Второй важный фильм позапрошлого сезона, на сей раз подвергающий проверке наше до чего же (как обычно) героическое восприятие самих себя, — это «Плохой дом». Войцех Смажовский последовательно и настойчиво демифологизирует мифы, подвергает пересмотру наше хорошее самочувствие (и я буду настаивать, что ему всё-таки покровительствует Станислав Выспянский). В «Свадьбе» этот режиссер показал, что мы вовсе не такие уж «птицы небесные», в «Плохом доме» он полемизирует с тезисом — кстати, действительно очень даже улучшающим польское самочувствие, — что в 80-е годы мы представляли собой общественность, спаянную сильной связью и лишь потом всё расползлось. В «Плохом доме» никакой общественности нет, там только сплошные ловкачи, комбинаторы, завсегдатаи притонов, жулики. Смажовский взрывает простое деление на «мы» и «они». НАШ — это, естественно, последний справедливый (Бартек Топа), которого никто не хочет выслушать, который знает, как и чем это всё кончится. А другие? Простое разбиение в этом фильме не обязывает. ИХНИЙ — это партийный секретарь (Славомир Ожеховский), запускающий для себя какой-то номерок из «Дезертира» (снова панк-рок); может быть, успех этих нескольких фильмов последних сезонов достигается тем, что наконец за картины о прошлом взялись люди, которые не смотрят на культуру стереотипно и нивелируют очередное разделение культуры на высокую и массовую, опошляющее действительность. Впрочем, тексты Цеховского, Коры, Казика — это ведь очень хорошая поэзия. Кто сегодня пишет о Польше как о женщине? («Уставшая и пьяная всё время. Не спрашивай меня, зачем я с нею. Не спрашивай, зачем с другой я не. (...) Вокзалы грязные, где я ее встречаю, те толпы, что ругаются беззвучно, тот пьяница, бормочущий сквозь сон: пока мы живы, и она живая»). А остальные? Замороженные, как сказал бы психотерапевт, не

реагирующие, отставшие, пьяные, грязные и глупые. А главное — не заинтересованные тем, что делается вокруг, настроенные на атавистическое, бездумное выживание — лишь бы наесться, но перво-наперво напиться. Не чувствовать, не видеть, не знать. В отличие от Борцуха Смажовский ничего не щадит, даже материнства, так всё-таки красиво подчеркнутого в «Свадьбе»: застолье уже кончается, все кругом пьяные, и вдруг мы замечаем сидящих за столом девочек в бантах и женщину, кормящую ребенка. Неужто на сей раз он позволил себе переосмыслить фигуру матери-польки? Да, матерей у нас в этом фильме целых две: одна — содержательница воровской малины и скупщица краденого, вторая вот-вот станет матерью, но беременность, результат внебрачного романа с начальником (нашим, потому как последним справедливым), не удерживает милиционершу от того, чтобы хлобыстать водяру (словом «пить» этого назвать нельзя). И тут, пожалуй, самая пронзительная сцена фильма: женщина, которой через минуту-другую предстоит рожать, становится в очередь за новой дозой водки. Смажовский не дает нам надежду, которая, как ни говори, столь характерна для киношных сцен с родами: новая жизнь и так далее. Боюсь даже подумать, что ждет ребенка, появившегося на свет сразу же после убийства отца, во время осмотра места происшествия и притом в лачуге, где было совершено преступление. Есть еще и третья женщина, бесцеремонно ныряющая в кровать не больно-то интересного заезжего мужика. С ее стороны никакой страсти или увлечения нет — одно только яростное желание вырваться из мрачной хибары. А с его стороны сближение (?) представляет собой всего лишь очередной физиологический акт.

У Борцуха в картине есть Бася, юношеская любовь Янека. После первого сближения юных любовников парнишка узнаёт, что отец девушки, оппозиционер, должен выехать за границу — такова цена его освобождения из лагеря интернирования.

Однако ни Бася (в большей мере фантазия, юношеская мечта, чем девушка из плоти и крови), ни женщины из ленты Смажовского не станут героинями этого очерка, так как ныне в польском кино (наконец-то) появились интересные и, главное, первоплановые женские образы, знакомясь с историями которых мы узнаём, каким образом режиссеры смотрят на польское прошлое.

Первая из них — русская красавица, вторая — тридцатилетняя польская интеллигентка, третья — миловидная, хотя и нуждающаяся в улучшении манер секретарша, которая работает в деканате варшавского факультета польской филологии, и, наконец, четыре женщины Кольского из такой недооцененной и вместе с тем такой захватывающе чувственной «Венеции».

Разумеется, рассказ о прошлом с использованием приемов, свойственных мелодраме, — это в польском кино никакая не новость. Когда-то так работал Войцех Ежи Хас, пряча в истории Павла и Лидки из «Прощаний» повествование о закате некоего соблазнительного, хотя не всегда прекрасного и благородного мира. Апогей умения поведать любовную историю и одновременного рассказать о женщине был достигнут им в замечательной картине «Как быть любимой», где мы, во-первых, сталкиваемся с дилеммой, мучающей многих обычных людей (никакой народ, к счастью, не состоит из сплошных героев): каким образом вести себя, когда война разворачивается между нашей ванной и жилой комнатой; во-вторых, узнаём, насколько многозначным может быть определение «на своем месте» — такой комплимент делает бывший летчик британских королевских ВВС (Венцислав Глинский), говоря Фелиции (Барбара Крафт), что она как польская женщина «была на своем месте». Та мысленно отвечает, что «ночью падала на бетон, а весь день бегала по гадалкам». Наконец, в-третьих, через столкновение точек зрения, взглядов и опыта летчика и Фелиции мы осознаём, что одно дело — борьба лицом к лицу, а совсем другое — существование ***под*** оккупацией и что одной из сторон не понять пережитого по другую сторону.

Рассказ об истории через повествование о женщине снимает историю с пьедестала; внезапно история перестает быть Историей, а становится повестью о единичной судьбе, где мы в самом лучшем случае можем найти себя, а в худшем — хотя бы проникнуться, принять близко к сердцу. Кроме того, героине позволительны волнения, умиление или жесты, которые не пристали герою, и даже

* Станислав Пыяс — краковский студент, сотрудник Комитета защиты рабочих. Погиб в 1977; по всей вероятности, убит госбезопасностью. Похороны Пыяса превратились в студенческую демонстрацию и положили начало Студеческим комитетам солидарности.

ошибки. Рассказ о женщине делает повествование конкретным, наделяет его плотью и кровью, а это сближает, облегчает установление интимного взаимодействия. Вспомним хоть бы «Мать Крулей» Заорского. Там есть Луция Круль (Магда Тереса Вуйцик), скребущая на коленях пол, потому что таким способом она может откупиться от облавы, сосущая палец, в который вонзилась заноза, и, наконец, строчащая «Я, Луция Круль, пишу пану президенту...» и повторяющая себе в утешение, что «другим досталось хуже». Межвоенные времена, оккупация и период сталинизма выглядят совсем иначе с перспективы тетки, моющей полы, нежели того, кто устраивает забастовки, разбрасывает листовки, шагает с бутылкой горючей смеси на танк (хотя, разумеется, одно не исключает другого и, как показывает история, чаще всего даже идет в паре).

Фелиция и Луция — это героини, перемолотые большой историей, ведущие свою ежедневную войну на территории между супом и раковиной, обремененные вечной необходимостью *крутиться*, раненые в свою женственность, в интимность, немо и безгласно сносящие судьбу, лишенные опоры и при старом, и при новом, ибо у кого бы это болела душа за какую-то женщину, когда самые лучшие сыны народа погибали или страдали в казематах. Страх за детей — это ведь так мало, да и изнасилование на сеннике, под которым лежит трусливый возлюбленный, тоже значит не особенно-то много.

Красивая русская женщина Вера (Светлана Ходченкова, награжденная на фестивале в Гдыне) приехала с мужем-летчиком Юрой (Дмитрий Ульянов) в Легницу. Молоденькая жена хотела, чтобы супруг получил самую элегантную квартиру во всей «малой Москве». Всё было бы хорошо, если б на ее пути не возник поручик Михал (Леслав Журек). Единственное объяснение возникающего романа (Вальдемара Кшистека вдохновили судьбы подлинных людей, на самом деле живших в Легнице) заключается в том, что, может быть, Вере очень хотелось ребенка, которого с мужем она иметь не могла. О слабине несостоявшегося космонавта, разумеется, знала советская власть, и по этой причине всё не могло кончиться иначе, чем почти по-оруэлловски: любовь — это такое пространство, где не царит ни разум, ни принципы, ни идеология, и поэтому она так ужасает всякую власть. Русский муж и выглядел более зрелым, и оказался очень благородным: воспитал дочь Михала как своего ребенка. В фильме есть такой красивый эпизод, когда на вопрос, какое имя дать девочке, он отвечает: «Вера. Всегда Вера». Просто он был мужчиной. (Стоит обратить чуточку внимания на то, что Юра — это второй по счету благородный русский в новейшем польском кино, после майора из «Катыни» Вайды, который, чтобы уберечь от репрессий героиню, исполняемую Майей Осташевской, предложил ей выйти за него замуж. До сих пор мы видели либо русских бандитов из фильмов Пасиковского, либо русских девиц, приехавших в Польшу торговать, как это было в картине Яцека Бромского.) Поляк у Кшистека обладал всеми пороками русского парня и лишь немногими его достоинствами, но мог стать отцом. Хотя, возможно, жажда материнства — не единственная причина, которая привела к тому, что Вера заинтересовалась Михалом. Может быть, ей в семейном союзе с мужем не хватило романтизма, флирта? И вот уже неизвестно, кто кого соблазняет. Парень девушку — потому что он первым начал во время бала в гарнизоне? Или девушка парня? Решаясь на рассказ о женщине, Кшистек мог красочно описать, как власть вмешивалась в интимность — более того, в физиологию. Преступный акт, который совершили начальники, положил конец материнству Веры, хоть оно и было одобрено тем единственным человеком, кто мог ее осудить, — мужем, которому она изменила. Хуже того, самоубийство матери оказало весомое влияние на эмоции малышки Веры, не знавшей правды о ее судьбе, — раскрыть ее стало возможно лишь после 1989 года. Можно спросить, а не допускает ли Кшистек, рассказывая о материнстве, которое столкнулось с тоталитаризмом, некоего эмоционального шантажа: нас же всегда трогают мать, дитя и смерть, а тут еще на заднем плане — вторжение войск Варшавского пакта в Чехословакию. Но разве жестокость тоталитаризма и большой истории не состоит как раз в том, что они сокрушают маленьких людей, которых нисколько не интересуют национальные различия или несхожесть вероисповеданий, которые ***всего только*** хотят иметь детей, любить друг друга, просто жить, не задумываясь об исторической необходимости? Вера была в своем браке счастлива, но лишь после нескольких тайных свиданий с Михалом в домике у немца, который как-то застрял в Легнице, хоть у него и забрали пивоварню, она почувствовала себя свободной. И это взбесило отвратительного политрука, поставленного, чтобы следить за моральным обликом и благо-

надежностью советских граждан в Легнице. В ярость привела его та любовь, которая дала женщине свободу, хотя, как известно, это чувство — особого рода порабощение. В том, что испытала Вера, есть нечто из романа о Дон Кихоте; правда, Дульцинея была простой девчонкой, но всё началось с нее. Представление какого-то фрагмента истории через рассказ о женщине дает возможность показать, насколько отвратителен тоталитаризм и его функционеры, потому что они бесчеловечно и жестоко вмешиваются в людскую интимность, в приватность, хотя и безоружны перед эмоцией.

Точно так же обстоит дело в «Розочке» Яна Кидавы-Блонского, где можно найти отражение подлинных биографий писателей Павла Ясеницы и Ежи Завейского. Простая секретарша Камила Сакович встречается с простым парнем Романом Рожеком. Секретарша знакома с писателем-диссидентом Адамом Варчевским, которым интересуется учреждение, где работает ее парень. Девушка из любви, из страха остаться одной, наконец, ради острых ощущений и эмоций соглашается на предложенное ей сотрудничество и становится сексоткой «Розочкой». Ей предстоит завоевать доверие писателя. А парень использует девушку, так как должен проявить себя, у него не слишком прочное положение: его могут заподозрить в том, что он еврей, а учитывая, что герои живут в Польше на исходе 1960-х, ситуацию не назовешь особенно комфортной. И снова треугольник, и снова всё ускользает из-под контроля, и снова во всём виноваты эмоции. (Системы чаще всего рушатся из-за эмоций.) Но тут девушка покоряется обаянию пожилого господина, который на первое свидание приносит букетик фиалок, учит ее пить вино, располагает богатой библиотекой, а к простой секретарше относится, как и должен относиться мужчина к женщине. Естественно, он поддается ее красоте, не ориентируясь, что сама девушка старается его подцепить. И она это делает, работая «под молодую писательницу, не сводящую глаз с маститого литератора». Хотя финал убеждает, что он, похоже, всё понимал, коль скоро, узнав о своей подруге правду, которую ему проорал униженный собственной ревностью гэбэшник во время массового избиения студентов дубинками около Варшавского университета в марте 1968-го, решает на ней жениться. Может быть, он хотел позволить себе зрелую любовь? Это ведь настолько по-человечески: она такая красивая, хотя и неотесанная, а он... отнюдь не Пигмалион. Новые манеры Камила-Розочка обретает словно бы путем осмоса. Она простая, растерянная девушка, жених низводит ее всего лишь до роли привлекательного объекта эротической очарованности. Хотя до поры до времени... Гэбэшник начинает ревновать к той близости, которую ей удалось создать с писателем, к появлению у нее новых привычек: пить вино, а не водку, читать ради удовольствия, священнодействовать вокруг быта, когда в ее скромной комнате появляется чашка, халат. К близости, а не к сексу, потому как он же сам с хамской деликатностью уговаривал девушку *влезть* к писателю *в койку.* Кидава-Блонский показывает нам не какие-то однозначные фигуры, а людей, мечущихся в паршивой реальности, поставленных перед нелегкими вариантами выбора, раздираемых эмоциями и вожделениями, — людей, которые снова столкнулись с системой. На сей раз выиграла женщина. А точнее, выжила. Писателя выталкивают из окна сразу же после свадьбы. С гэбистом мы расстаемся на вкозале «Варшава Гданьская»*. Еще чуть-чуть — уехала бы и «Розочка», ибо и в биографии ее мужа обнаружилась информация о хлопотной капле крови: Адама Варчевского когда-то звали Януш Вайнер. В последний раз мы видим женщину на виадуке над вокзалом, откуда уезжает Рожек, глубоко беременную. Наверное, родится ребенок, чей отец уже в гробу, плод супружеской любви — отчаянной, поскольку последней? Или соития с Рожеком, потому что именно так решила себя наказать Камила после раскрытия тайны? Перед нами отталкивающая сцена: голая женщина, позволяющая делать с собою всё, согласная на насилие, на отсутствие нежности, но и отчаянно жаждущая прикосновения — пусть хотя бы того типа, кто ее впутал во всё случившееся.

В итоге — еще один ребенок, у которого история отобрала родителя. Есть смысл спросить, почему Кшистек, Кидава-Блонский, да и Смажовский вставляют в свои фильмы такого героя? Все эти дети появились в результате любви — перекрученной, уродливой, натолкнувшейся на историю, истерзанной гнусными аппаратчиками или просто гнусными людьми. Может быть, дело в стремлении

* После мартовских событий 1968 г. с варшавского Гданьского вокзала уезжали из Польши в вынужденную эмиграцию (главным образом евреи). Теперь там находится мемориальная доска с цитатой: «Здесь они оставили после себя больше, чем имели». — *Пер.*

режиссеров показать, что человек, хоть он так хрупок, слаб и податлив, все-таки выживет? Что человечество наперекор всему спасется, уцелеет? А может, это скорее недомолвка, намек, чтобы зритель задумался над тем, что за судьба ждет ребенка, который каким-то образом всё-таки мечен. Своим полусиротством, загадочным происхождением. А может быть, режиссеры подсказывают, что это как раз мы сами? Что мы таковы — со стигматами прошлого, которое, дабы нормально жить, нам надо проработать, преодолеть, но наверняка не отказаться от него.

Ребенок появляется и в «Реверсе». Дитя любви вымоленной, желанной, долгожданной, но тоже растоптанной и оплеванной, плод изнасилования до свадьбы, которое Бронек совершает над Сабиной — тонкой, одинокой, мечтающей о любви и немного по-девчоночьи, хотя ей уже за тридцать, загорающейся чувством к своему начальнику. Бронек — это еще один гэбэшник, который на сей раз через совращение нужной сотрудницы издательства хочет добраться до ее шефа. Он защищает Сабину от хулиганов, которые напали на нее на темной варшавской улице. Темная улица и спаситель в белом пыльнике — до чего же это кинематографично, до чего... отработано. Ясное дело, и нападение, и избавление были частью спланированной акции, имеющей целью дать гэбистам возможность выйти на подозреваемого ими главу издательства. Сабина поддается обаянию простого и очень искреннего в своих высказываниях мужчины, не скрывающего, к примеру, своего плебейского происхождения. Да и кто бы не поддался? Бронек владеет приемами обольщения, дожидается девушку у издательства, они вместе ходят в кино, он чертовски мужествен, дьявольски красив, демонически сексуален. Но вот бабушка (Анна Полоны) на это не поддается — быть может, потому, что пережила две войны, революцию и ее уже мало что удивляет; или же оттого, что она уже не реагирует на мужское обаяние, по крайней мере на обаяние такого рода; или она просто видит больше, чем можно было от нее ожидать. Сабина после изнасилования слышит предложение: доносить на своего начальника. И тогда уже понимает, что не способна любить того, кто воспользовался ее отчаянием, одиночеством и тоской, кто ее грубо, по-хамски употребил. Кроме того у девушки есть принципы — например, что доносить нельзя. И она влюбляется — неважно, что по-гимназически, — в своего начальника. Бронек оказывается обезвреженным, Сабина думает о самоубийстве, но в этот момент проявляет себя сила «государства женщин». Появляются мать (Кристина Янда) и бабка, до этого заботившиеся только о сыночке-внуке, художнике-неудачнике, у которого, однако, хватает ловкости и умения, чтобы дружить со всевластными «товарищами»; дочь-внучка интересовала их исключительно как девушка (после тридцати) на выданье. Сабина не совершает самоубийства, а Бронек... исчезает. После чего, однако, оказывается, что какая-то его часть все же сохранится. Сабина беременна. И снова реагирует мать, напоминая, что ребенок — это ребенок. Во время просмотра «Реверса» я постоянно размышляла, когда же прозвучит посыл этого фильма и что не может всё быть таким простым и прямолинейным, таким просчитанным. А когда в финале увидела постаревшую Сабину, которая взбирается на эйзенштейновскую в ракурсе оператора Мартина Кошалки лестницу варшавского Дворца культуры и науки, чтобы в День поминовения зажечь свечку на могиле отца своего сына, и услышала Нину Симон, поющую «Oh God, don't let me be misunderstood», то почувствовала, что стоило дожидаться такого финала, и поняла, что вижу перед собой вовсе не старушку, чью биографию перепахала система, а Венеру Победительницу. Наконец-то любовь победила систему, перетерпела и пережила тоталитаризм. Ведь Сабина же испытывает какое-то чувство к тому, кто ее обидел, но и дал ей сына, если каждый год ходит на эту нетривиальную могилу. Однако в первую очередь она испытывает любовь к своему ребенку, к сыну, который вырос геем, живет в Нью-Йорке и приехал к матери со своим партнером. Ориентация героя не выглядит для меня ничем особенным, я не до конца соглашаюсь с публицистами, усиленно разбирающимися, почему сын гэбиста стал геем? Гей — это гей. Важнее, что Сабина воспитала сына теплым человеком и полностью, как это умеют только матери, приняла и одобрила его жизненный путь. Ей это удалось, потому что она взрослела в специфической среде личностей, воспитанных еще в межвоенное двадцатилетие, которое в действительности было периодом неимоверной открытости и терпимости нравов. Напомним хотя бы о нешаблонных браках, основанных на дружбе, уважении и толерантности. Рядом с людьми тех лет мы, живущие в начале XXI века, выглядим мелочными пуританами. А принципам, которые исповедовала Сабина: что нельзя доносить, подслушивать, обманывать, — терпимость не вредит. Совсем напротив, она из них вытекает.

В этом сопоставлении нетипичным примером оказывется «Венеция», основанная на прозе Влодзимежа Одоевского. Фильм Кольского — не о любви, а о женщинах. Насчет того, что Одоевский набил руку на описании женщин, было уже известно. Яна Якуба Кольского я в таком мастерском умении портретировать женщин даже не подозревала. Да, конечно, рассказчиком повествования тут выступает Марек — впечатлительный мальчик, мечтающий о путешествии в Венецию в мирное время, а пока, во время войны, устраивающий себе и своим близким венецианский карнавал в подвале, во дворе у своей тетки Вероники. Но настоящие героини этого фильма — женщины. Невероятно чувственные, полнокровные, оригинальные — непохожие на стандартных героинь польских фильмов. Ни тебе матери-польки, ни передовой доярки, ни солдатки, ни учительницы, ни шлюхи — никого из тех, кого еще недавно было так много в польских фильмах. Просто женщины из мяса и костей. Чувствуется, что через минуту-другую этот сенсуальный мир, полный запахов, прикосновений, звуков и вкусов, уйдет. Мы общаемся здесь с подлинной женственностью. Деликатной, чувствительной, но и максимально выдержанной, умеющей, когда надо, собраться. Интеллектуалка Барбара, которая оттолкнула мужчину, так как не чувствовала себя реализованной. Есть и Любовница, Иоанна, мать маленького главного героя, которой наскучило материнство, но в первую очередь — собственный муж, до войны предприниматель, а во время войны — офицер. Сцена, когда защитник родины после поражения в катастрофической сентябрьской кампании 1939 г. попадает к свояченице, а присутствующая там теща реагирует репликой, что, коль скоро мы имели таких защитников... не уступает по иронично-сти тому, что мы увидели в картине «Звезда Полынь» Генрика Клубы, рассказывающей о последнем пути Виткация и о польском сентябре. Кстати говоря, ирония в изображении защитников видна уже в начальных кадрах «Венеции», когда мальчиков обучает военному делу и военному духу не совсем удачный наставник: взрослый бессмысленно муштрует малолеток. Имеется также Независимая Женщина, которая в одиночестве управляет имением и которую никто и ничто не в состоянии поразить либо застичь врасплох, — теплая, нежная, чувственная и остроумная. Когда она слышит замечания, что неприлично каждое утро нагишом бегать по росе — женщина придерживается методов закалки доктора Кнайппа, — она отвечает, что, во-первых, бегает в высокой траве, а во-вторых, в белье. (Так она и погибает — в белье и в высокой траве, танцуя.) Наконец, есть в ленте Кольского и Светская Женщина, Клаудина, любовница неведомого нам генерала, который исчез из ее жизни, когда разразилась война, элегантная варшавянка. Есть также женщины in spe: дочка Клаудины, Каролина, и сирота Зузя, чей отец убит в одном из лагерей для польских офицеров на востоке. Сердце сжимается, когда слушаешь, как одна из девочек говорит другой, что теперь всё надо делать быстрее, раньше: любить, пить, просто жить. Кольскому удалась вещь прямо-таки поразительная — он рассказал об оккупации... пленительно и чарующе красиво. На показе «Венеции» я не могла избавиться от реминисценций из «Кануна весны» (но Жеромского [а не из фильма Филипа Байона]). Мне вспомнился образ красивой армянки, которую везут на арбе, а Цезарий Барыка присматривается к ней, осознавая, что революция (тоталитаризм) убивает, в числе прочего, и красоту. Нечто такое есть и в фильме Кольского. Система убивает красоту, хотя уничтожить потребность в общении с красотой ей не удается, — в финале одна из девчонок, точнее, последняя и единственная, которая еще уцелела, погибает, слушая фортепьянный концерт в исполнении советского офицера. Погибает от шальной пули. Весь этот мир оказывается сметенным, он просто исчезает. Красота умерла, а конфету, оставленную польской девочкой убитому еврейскому мальчику Наумчику, с которым дружили все женщины, пожирает солдат. Вдохновленный прозой Одоевского, Кольский показывает прекрасный, хотя и треснувший мир. В торжественно культивируемой на наших глазах красоте есть какой-то изъян, какая-то царапина. Всё это настолько зрело, что даже перезрело. Здесь ничего не происходит постепенно, одно за другим. Марек и его старший брат Виктор перестают быть детьми в тот момент, когда исполняют смертный приговор доносчику-антисемиту, их семейному врачу. Мир, который стал на голову, не может сохраниться, потому что всё в нем увечно, неполноценно, вместо посвящения в любовь или религию мальчики посвящены только в смерть. (Причем несколько раз.) Женщины вместе со своей красотой исчезают бесследно, после них не остается даже запаха. Мужчины исчезли когда-то раньше. А дети еще не успели родиться.

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» 6 марта исполнилось 85 лет одному из крупнейших польских режиссеров театра и кино — Анджею Вайде. В связи с этим по всей стране прошли показы его фильмов, а президент Бронислав Коморовский наградил Вайду высшей государственной наградой Польши — орденом Белого Орла.

В свой день рождения Вайда встретился со зрителями в варшавском кинотеатре «Культура», где были показаны два не очень известных в Польше фильма — «Дантон» (1982) о Французской революции и «Настасья» (1994) на основе романа Достоевского «Идиот». Открылась также выставка зарубежных плакатов к картинам режиссера, в частности, в Великобритании, Японии, Франции и Венгрии. А Музей кинематографии в Лодзи подготовил показ 33 избранных художественных кинофильмов и нескольких документальных. Показ открывал «Пепел и алмаз» по роману Ежи Анджеевского, а завершили «Аир» по рассказу Ярослава Ивашкевича и документальный фильм «Анджей Вайда. Снимаем!».

Один из создателей «польской школы» кинематографа, лауреат почетного «Оскара» 2000 г. за вклад в киноискусство поставил, в частности, такие известные фильмы, как «Канал», «Земля обетованная», «Березняк», «Пейзаж после битвы», «Барышни из Вилько», «Человек из мрамора», «Человек из железа», «Пан Тадеуш» и «Катынь».

» В канун юбилея Вайда дал большое интервью еженедельнику «Политика». Преимущественно на политические темы. Яцек Жаковский поинтересовался мнением режиссера о том, что элиты в Польше отворачиваются от «Гражданской платформы» и правительства Дональда Туска. «Похоже, надеялись на что-то, что не было осуществлено, — сказал режиссер. — И, как всегда, обманутая любовь вызывает самое сильное разочарование. Мы надеялись, что при правлении Туска наконец осуществится извечная мечта о власти здравого смысла. «Гражданская платформа» казалась голосом разума в нашем доме. Мы хотели только этого. И вот оказывается, что разум не дает таких четких и простых рецептов, как мы надеялись. И кто больше надеялся, тот больше и разочарован».

Сейчас режиссер работает над биографией легендарного вождя «Солидарности». Сценарий пишет Януш Гловацкий, а фильм должен называться «Валенса». Пока неизвестно, кто выступит в заглавной роли. Еженедельник «Пшекруй» провел собственный кастинг. Выбирали известные политики и артисты, а среди кандидатов фигурировали, в частности, Анджей Хыра (уже выступавший в роли лидера «Солидарности» в фильме Ф. Шлёндорфа «Забастовка»), Борис Шиц, Томаш Кароляк, Кшиштоф Глобиш, Януш Гайос и Мариан Дзендзель, который, пожалуй, может сыграть сегодняшнего Валенсу почти без грима.

Названы были также зарубежные актеры: Роберт Де Ниро (его в этой роли видит Борис Ланкош) и Роберт Уильямс (кандидат Агнешки Холланд). Были также предложения, чтобы Валенсу играл сам Валенса, поскольку он, безусловно, сделает это лучше всех.

» То, что именно Януш Гловацкий, известный ироническим отношением к миру и любовью к гротеску, пишет сценарий фильма о Валенсе, было для очень многих неожиданностью. О том, как это получилось, автор памятной книги «Мощь крушится» об августовских событиях 1980 г. сказал в интервью еженедельнику «Пшекруй»: «Я спросил Анджея Вайду, почему он обратился с таким предложением ко мне. Он сказал, что я живу в Нью-Йорке, то есть у меня есть дистанция, что был в августе 80-го на верфи, а кроме того, ему порекомендовал меня Ромек Полянский. А когда добавил, что он совершенно не собирается строить часовню или монумент, а хочет показать человека, которого социальное цунами вынесло из низов наверх, я подумал, что попробую. В конце концов, Валенса — это единственное после Иоанна Павла II узнаваемое польское имя в мире».

» 6 марта в Театре Польском в Варшаве были вручены польские кинопремии «Орел-2011», которые называют польскими «Оскарами». Триумфатором стал Ежи Сколимовский: он получил премию как лучший режиссер, а его картина «Essential Killing» победила в категории «лучший фильм». «Thank you, Academy!» — пошутил Сколимовский, принимая награду за режиссуру. Слова, заготовленные для февральской церемонии вручения «Оскара» (увы, не понадобившиеся), прозвучали в марте на церемонии Польской киноакадемии. «Essential Killing» награжден также за монтаж и музыку.

За творчество в целом награжден мастер комедии Тадеуш Хмелевский (режиссер таких фильмов, как «Где генерал?», «Как я развязал вторую мировую войну», «Не люблю понедельников»). «Писатель-призрак» Романа Полянского победил среди европейских фильмов. Четыре премии получила «Венеция» Яна Якуба Кольского: за звук, сценографию, операторскую работу и костюмы. Открытием года признан молодой актер Матеуш Костюкевич («Всё, что я люблю»). Лучшей польской актрисой 2011 г. названа Уршула Грабовская (знаменитая роль женщины, прячущей еврейского ребенка, в «Иоанне» Феликса Фалька), а лучшим актером — Роберт Венцкевич (влюбленный гэбэшник в «Розочке» Яна Кидавы-Блонского). Премию зрителей получил фильм «Всё, что я люблю» Януша Борцуха. Как отмечается, во время церемонии самую блистательную фразу произнес со сцены Мацей Штур, сказав, что «Орлы» — это праздник кинематографической среды: «Когда сочельник, когда пепельная среда, но всегда праздник».

» В конце февраля прошла премьера картины «Черный четверг. Янек Вишневский убит» режиссера Антония Краузе. Фильм, которого ждали 40 лет, увековечивает трагические события декабря 1970-го на Балтийском побережье, когда коммунистические власти приказали стрелять в бастующих рабочих. Сценарий «Черного четверга» написали два журналиста из Тригорода, свидетели событий. Напомним: во время декабрьских волнений погибли 45 человек, число раненых превысило 1600. Милиция задержала свыше трех тысяч человек, большинство из них было подвергнуто репрессиям и пыткам.

«Фильм Антония Краузе, — пишет на страницах «Кино» Тадеуш Шима, — это благоговейно сделанный документ, который на протяжении почти всего сеанса — особенно сцены усмирений улицы и сцены в больнице — смотришь, затаив дыхание, с большей вовлеченностью, чем любой динамичный фильм-экшн. Но это также волнующая своей простотой и искренностью лирико-трагическая семейная история. А временами — политический триллер, когда на экране появляются партийные аппаратчики высшего уровня. Несмотря на такое большое различие составных элементов, фильм производит впечатление цельного и гармонизированного».

» 18 марта на экраны польских кинотеатров вышел фильм «Мельница и крест» в постановке Леха Маевского. Среди исполнителей — звезды мирового кино: Шарлотта Рамплинг, Майкл Йорк, Рутгер Хауэр. «Мельница и крест» — это название эссе американского историка искусства и критика Майкла Ф.Гибсона о картине «Крестный путь» Питера Брейгеля-старшего. Гибсон был восхищен фильмом Маевского «Ангелус» и напечатал восторженную рецензию в «Интернэйшнл геральд трибюн», а затем предложил польскому режиссеру снять фильм о картине Брейгеля.

Действие фильма охватывает один день из жизни художника. «На экране мы видим Фландрию 1563 года, — пишет Конрад Ежи Зарембский. — Художник собирает материал для задуманной картины: наблюдает повседневную жизнь своих соседей и случайных людей, попавшихся ему на глаза, склоняется над паутиной, исследует ее загадочную конструкцию. Картина Брейгеля будет композиционно построена наподобие паутины; в середине находится человек, несущий свой крест, направляющийся на казнь, — как обычно у Брейгеля, этот важнейший элемент скрыт среди других запечатленных на полотне событий».

» «Революция», «явление», «перелом», — пишут о последнем фильме Маевского критики. Мировая премьера прошла на фестивале независимого кино «Сандэнс» в США и в парижском Лувре. Картину считают одним из наиболее оригинальных и новаторских фильмов, в котором живописное искусство старых мастеров соединяется с последними достижениями цифровых технологий.

Лех Маевский — не кинематографист sensu stricto. Поэт, художник, писатель и режиссер, он работал в США, Бразилии, Англии, Польше, Германии, Франции, Италии и Литве. Он воплощает свои фантазии в картинах, фильмах, инсталляциях, романах, в драматическом и оперном театре. В его творческом багаже — такие фильмы, как «Рыцарь», «Узник Рио», «Полет елового гуся», «Комната косуль», «Евангелие от Гарри», «Баскиат», «Воячек», «Ангелус», «Сад земных наслаждений», «Стеклянные губы». Показанные на многих фестивалях, в частности в Каннах, Венеции, Берлине, Москве и Монреале, фильмы Маевского неоднократно отмечались премиями.

» В марте в семнадцатый раз присуждалась литературная премия имени Владислава Реймонта. Вручение премий, как обычно, прошло в Варшаве, в резиденции Союза польских ремесленников. В нынешнем году лауреатами стали: за творчество в целом — Генрик Береза, литературный критик, эссеист, с 1951 г. редактор в журнале «Твурчость», а также поэт Роман Сливоник. Кроме того, отмечены две книги, опубликованные в 2009 году: Генрик Бардиевский получил премию за сказку для детей и взрослых «Экспедиция в страну князя Маргинала», а Эрвин Крук — за роман «Наследство. Мазурский дневник. 2007-2008».

» Стефан Хвин опубликовал новый роман, названный «Девица Фербелин». Действие происходит на рубеже XIX-XX веков — разумеется, в Гданьске, с которым писатель связан многие годы. История и атмосфера города воссозданы с характерной для Хвина тщательностью. Однако, как замечает сам автор, этот внешне исторический роман затрагивает современность значительно сильнее, чем многие современные романы. «Фабулу не стоит рассказывать, чтобы не испортить радость будущим читателям, — написал Ярослав Залесинский в рецензии в «Дзеннике балтицком». — Достаточно сказать, что действие концентрируется вокруг фигуры Мастера из Нойштадта, который на бастионе святой Гертруды выступал с проповедями, излагающими евангельскую Нагорную проповедь Христа. «Я богословский писатель», — неизменно и уже много лет утверждает Стефан Хвин, вопреки всем тем, кто хотел бы его разместить на полке под табличкой «Гданьский литератор». «Девица Фербелин» особенно наглядно подтверждает эти амбиции писателя. История Мастера из Нойштадта всё выразительнее (чтобы не сказать даже — слишком выразительно) выстраивается в ходе чтения в ту же самую историю, что разворачивалась две тысячи лет тому назад в Иерусалиме при правлении прокуратора Пилата».

» Новый роман опубликовал также один из самых известных писателей молодого поколения Яцек Денель. «Сатурн. Черные картины из жизни мужчин семейства Гойя» — это роман о жизни в тени гения. О разрушительном давлении, которое оказывает на сына мощный и деспотичный отец. Знаменитые «черные картины», поразительные и потрясающие «Las pinturas negras», висят в одном из залов музея Прадо в Мадриде. Написал ли их старый и глухой Франсиско Гойя, как это считалось до недавних пор, или его не слишком «удачный» сын Хавьер? Такая гипотеза возникла несколько лет назад, и вокруг нее строит Яцек Денель свой роман. Это не значит, что он включился в полемику историков искусства. Как говорит знаток творчества Гойи профессор Мария Попшенцкая, «Яцек Денель написал книгу, которую никак не вместишь в классификацию: это не беллетризованная биография, не научное эссе, не литературная игра. Это удивительная и прекрасная книга».

» В Школьном издательстве при Польском научном издательстве вышел монументальный труд «Польские художницы» под редакцией Агаты Якубовской. Ольга Бознанская, Катажина Козыра, Магдалена Абаканович, Катажина Кобро — вот только некоторые из представленных здесь художниц. Их творчество рассматривается на широком фоне социально-культурных перемен в Польше. В качестве авторов эссе и биографических справок выступили известные женщины-искусствоведы, в частности Мария Попшенцкая, Агата Якубовская и Иоанна М. Сосновская.

» «Что мы знаем о Гуцульщине? Почти ничего. Потому и устроена данная выставка — несколько сот работ на тему Гуцульщины и произведения искусства гуцулов». Так приглашает осмотреть

экспозицию «На высокой полонине. Искусство Гуцульщины — Гуцульщина в искусстве» ее организатор — Национальный музей в Кракове. Выставка рассказывает о культуре и традициях гуцулов, а также о людях искусства, восхищенных Гуцульщиной. Так, Станислав Винценз был воспитан этой культурой и описывал ее. Наряду с произведениями Леона Вычулковского, Теодора Аксентовича, Владислава Скочиласа и Станислава Виткевича можно увидеть характерное гуцульское искусство и художественное ремесло — поливные кувшины, тарелки, миски, печные изразцы, украшенные местными сюжетами. А также прекрасные ткани: килимы, скатерти, салфетки, вышитые блузки, рубашки, платки; изделия из металла: пряжки, кресты и крестики, ожерелья с крестами.

Выставка открыта до 29 мая.

» 12 марта Национальный театр показал премьеру «Лорензаччо» Альфреда де Мюссе в режиссуре Жака Лассаля. Это третья сделанная Лассалем постановка французской классики в Варшаве (после «Тартюфа» Мольера и «Договора, или Наказанного негодяя» Пьера де Мариво). В спектакле приняли участие такие актеры, как Эва Вишневская, Януш Гайос, Мартин Хыцнар и Збигнев Замаховский (последний выступил в роли князя Александра Медичи).

» Можно ли станцевать «Порабощенный разум»? 19 марта быдгощская «Новая опера» представила премьеру балета Роберта Бондары под этим названием. Балет в двух действиях не в полной мере следует известной книге Чеслава Милоша. Он написан по ее мотивам, однако фигуры главных героев не соотносятся с польскими писателями, зашифрованными под греческими буквами. В спектакле использованы произведения Филипа Гласса и Войцеха Киляра.

Прощания

» 21 февраля в Кракове в возрасте 88 лет умер Ежи Новосельский, один из крупнейших польских художников. Он был известен главным образом как автор церковных изображений для многих православных и католических храмов. Его вдохновляло византийское искусство. Созданные им иконостасы, сюжеты Крестного пути, образы Христа и Богородицы относятся к вершинным достижениям современного церковного искусства. Писал он и портреты, пейзажи, натюрморты, абстрактные композиции. Работы художника находятся в польских музеях и в частных коллекциях в Канаде, США, Германии. Постоянной темой картин Новосельского были церкви и женщины. «Женщина — это символ Церкви. А церковь и женщина похожи. Формы барочных куполов напоминают формы женского тела. Церковь и женщина — это Царство Божие на земле», — говорил художник.

» 1 марта на 59-м году жизни после долгой болезни в Варшаве умерла выдающаяся русская пианистка Татьяна Шебанова. Многие годы она жила в Польше. Была лауреатом второй премии X Международного конкурса пианистов имени Фредерика Шопена в Варшаве в 1980 году. Траур по музыканту носят ее муж Ярослав Тшевецкий и сын Станислав, с которыми она часто концертировала. Наряду с концертной деятельностью, Татьяна Шебанова посвящала себя педагогической работе в Быдгощской музыкальной академии, где была профессором класса фортепиано, а в 2008 году получила степень доктора honoris causa.

» 3 марта в Доме актера в Сколимове под Варшавой умерла Ирена Квятковская, любимица публики, всесторонне одаренная актриса. Ей было 98 лет. Стихией актрисы была комедия, а ее актерская судьба связана не только с театром, но и с эстрадой и кабаре. Публика рукоплескала ее выступлениям на подмостках «Сирены», «Буффо», «Скворца», «Удода». Для нее писали крупнейшие сатирики, в том числе Слонимский, Юрандот, Гоздава и Стемпень.

Популярность Ирены Квятковской укрепило телевизионное «Кабаре пожилых джентльменов». Кино использовало ее комедийный талант в фильмах «Солдат королевы Мадагаскара», «Клуб холостяков», «Эй, бородка!». Широкий зритель хорошо знал ее по телевизионным сериалам «Домашняя война» и «Напарники». Однако в историю актриса, безусловно, войдет как незабываемая Трудящаяся Женщина из сериала «Сорокалетний».

о. Альфред Марек Вежбицкий

ХРИСТИАНСКИЙ ОДИССЕЙ В ДЕБРЯХ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Думаю, еще не пришло время делать окончательные выводы о наследии внезапно скончавшегося на 63-м году жизни архиепископа Юзефа Жицинского — сначала следовало бы попытаться описать, как оно преломляется в нашей субъективной памяти. Однако необходима биография митрополита Люблинского, которая показала бы его исключительность в польской Церкви и в истории польской культуры.

Он казался вездесущим — в Люблине, в Польше, за границей. Помню организованную мною сессию об университете. Одним из докладчиков был архиепископ, который, прочитав доклад на нашей конференции, отправился на две другие, проходившие в тот день в Люблинском католическом университете, а вечером вернулся в нашу группу на ужин. Все это происходило в течение одного дня, а ведь таких интенсивных дней были сотни. Однако динамизм архиепископа не должен заслонять глубину его духовности и значение его интеллектуальных достижений.

В неоконченной книге-интервью авторства Александры Клих слышится нота неуверенности: согласился бы он стать епископом, если бы вновь оказался перед таким выбором? У него не было сомнений, что его призвание — священство, но он как будто испытывал сожаление, что слишком мало служил науке. И это притом, что он оставил нам плоды своего оригинального мышления, порожденного огромной страстью к познанию и заботой о научной добросовестности. Его мысль затрагивала трудные междисциплинарные вопросы на стыке науки, философии и веры.

Книга «Бог и эволюция» (2002) с одной стороны противостоит фундаменталистскому варианту креационизма, отрицающему научные данные, а с другой — критикует атеистическое толкование эволюции как единственно научного учения. Принимая теистическое понимание эволюции, архиепископ Жицинский не скрывал, что богословская мысль в этой области только зарождается, а традиционные богословские схемы рвутся как старые мехи. Он смело соединял мысль о творении через эволюцию с идеей божественного кенозиса. В прошлом христианство преобразило классическую метафизику, введя понятия личности, совести и свободы. Очевидно, Жицинский шел тем же путем, представляя сокровенного и страждущего Бога как Источник бытия, рождающегося в процессе космической и культурной эволюции.

Вопреки довольно распространенной тенденции он не противопоставлял биологию культуре. Биологическую и культурно-историческую эволюцию объединяет смысл, кроющийся в биологии и культуре и в то же время выходящий за их рамки. Архиепископу были чужды как упрощения социобиологии, так и горделиво-презрительное отношение к биологии, характерное для прекраснодушных эстетов. То, что другие отделяли друг от друга, он видел сквозь призму божественного смысла, не поддаваясь при этом соблазну чересчур легкого синтеза, стирающего различия между методологией физики и источниками религиозного мышления.

Когда он стал епископом, ему пришлось заниматься поисками смысла в дебрях современной культуры. Он не перестал изучать тайны физики, космологии и теоретической биологии, но со времени епископской хиротонии, а особенно с тех пор как стал членом Папского совета по культуре, пристрастие к естественным наукам заметно уступило у него место интересу к развитию культуры. Его диалог с современной культурой не был внешним, в нем не было ничего от патернализма или даже меценатства. Он напоминал Иоанна Павла II — не только близостью многих идей, но и характерной позицией епископа, действительно убежденного, что главный путь Церкви — это человек.

Он прославился как организатор в Люблине трех масштабных Конгрессов христианской культуры — в 2000, 2004 и 2008 годах. На прерванном военным положением Конгрессе польской культуры в 1981 г. о. Януш Пасерб говорил о священнике как культурном работнике. К сожалению, этот прекрасный идеал с бóльшим

воодушевлением воплощался в годы военного положения, нежели после проведения общественных преобразований. Появилось множество епископов и священников, обиженных на современность. Думаю, что защитные реакции и обращение к интегризму — результат в большей степени беспомощности, чем желания защитить христианские ценности. Архиепископ Жицинский приобрел во многих кругах авторитет не потому, что соглашался с современностью или шел у нее на поводу, а потому, что умел реагировать на шаблонность, вытесняющую мышление, как на эпидемию, ширящуюся и в светской, и в церковной среде. Он никому не давал интеллектуальных послаблений, что не значит, будто сам никогда не ошибался. Он восхищал своим стремлением выходить из окопов и впускать в затхлые помещения свежий воздух.

Иногда его воспринимали как католического либерала. Однако без уточнения этого понятия его применение к архиепископу Жицинскому не имеет смысла. Источником и в то же время границей его либерализма была правда о человеческом достоинстве. Он знал, что Диониса, выступающего в наше время в роли плейбоя, не христианизируешь, но испытывал сильную симпатию к современному Одиссею. Любопытно, что, в отличие от Эмманюэля Левинаса, Жицинский не противопоставлял путешествий Авраама и Одиссея. Он понимал, что современный культурный кочевник далек от пути Авраама, однако это вовсе не должно означать, что он никогда не окажется на пути веры. Вдохновенная мысль архиепископа не исчерпывалась критикой постмодернизма, но позволяла ему терпеливо диагностировать положение человека в мире — без навязчивого морализаторства, зато всегда в лучах надежды и красоты.

О митрополите Люблинском говорили, что вместо того, чтобы возделывать Божью ниву, как пристало духовному лицу, он тратит время на борьбу с нарциссизмом, фрустрацией, люстрационными фанатиками и ксенофобией под маской патриотизма. Между тем он просто не мог ограничить универсализм Евангелия. Он любил ссылаться на апостола Павла, которого не пугала ни испорченность коринфян, ни интеллектуальная изощренность афинян.

Он вел серьезные беседы не только в кругу единомышленников. Диалог с Густавом Герлингом-Грудзинским был попыткой найти интеллектуальную общность между христианином и человеком, воспитанным в духе Просвещения. Оба отрицали существование единой ведущей силы в любви к человеку. Переписка со Збигневом Хербертом началась после того, как Жицинский прочитал его стихотворение «Проповедь», выражающее разочарование христианским триумфализмом.

Но вспоминать архиепископа Жицинского только как смиренного, тихого и задумчивого мыслителя значило бы грешить против правды. Не раз его голос звучал громко и веско. И если нужно было защитить кого-нибудь от ложных и зачастую мотивированных политическими интересами обвинений, мы сразу слышали этот голос. Перечисление такого рода выступлений наверняка заняло бы немало страниц, поэтому я ограничусь лишь упоминанием о нескольких моментах, когда его вмешательство спасало честь Польши и, к сожалению, прибавляло ему врагов среди «истинных поляков».

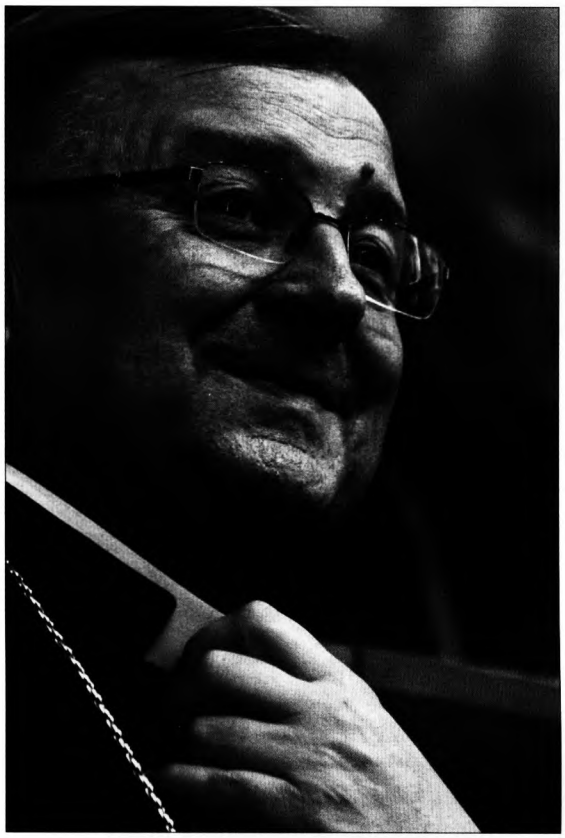
Так случилось, когда он защищал Яна Новака-Езёранского от раздававшихся на волнах радио «Мария» обвинений в сотрудничестве с нацистами, основанных на гэбистских фальшивках. А когда те же самые круги сочли Чеслава Милоша недостойным погребения на Скалке*, архиепископ в проповеди на похоронах поэта говорил о широком гуманизме Иоанна Павла II и широком патриотизме Чеслава Милоша как о взглядах, свободных от идеологического фанатизма.

14 лет его епископского служения в Люблине стали временем, когда дышать здесь было легко. Он нашел общий язык с огромной частью среды Люблинского католического университета и охотно встречался с представителями других вузов города. Для ЛКУ он в силу своей должности был великим канцлером, а для остальных вузов — уже по зову сердца — большим другом, с которым можно было вести научные диспуты.

Сразу же после назначения в Люблин в 1997 г. Юзеф Жицинский безошибочно узнал местный genius loci, поняв, что попал в город былой Речи Посполитой, а значит, и Унии**. Он вполне мог повторить вслед за Иоанном Павлом II: «У этого города есть свой исторический смысл. Это смысл не только

* Церковь и монастырь паулинов «на Скалке» в Кракове. Под церковью находится крипта с захоронениями выдающихся деятелей польской науки, литературы и искусства, где в 2004 г. был похоронен Чеслав Милош. — *Пер.*

** Имеется в виду Люблинская уния 1569 г., объединившая Королевство Польское и Великое княжество Литовское в конфедеративную Речь Посполитую. — *Пер.*



Люблинской унии, но и всего того, что входит в ее исторический, культурный, этический и религиозный контексты; смысл великого исторического процесса встречи Востока с Западом, взаимного притяжения и отталкивания. Отталкивания — но и притяжения» (Люблин, 9 июня 1987). Подобно Папе Жицинский считал, что этот процесс еще не завершен, а ягеллонская модель польского духа, несмотря на всё меньшее понимание, продолжает оставаться источником вдохновения.

Местные ягеллонские традиции митрополит обогащал соборным* духом экуменизма и межрелигиозного диалога, широко открывая двери Церкви. Совместно с православным архиепископом Авелем он писал обращения к католикам и православным. Развивался диалог с иудаизмом, изобиловавший встречами с евреями из Израиля, США и европейских стран. Пожалуй, он был единственным польским епископом, который создал в своей епархии Центр католическо-еврейского диалога, выражая тем самым убежденность, что в межрелигиозном диалоге в целом диалог с иудаизмом имеет первостепенное значение, учитывая корни и облик христианства.

Благодарность евреев вызывали его жесты. Он не ограничивался заявлениями, но инициировал события, менявшие сознание. Накануне Катастрофы евреи составляли приблизительно треть жителей Люблинского региона. Следов многовекового присутствия старших братьев по вере сохранилось немного: немногочисленные кладбища, несколько недействующих синагог. Необходимо было недюжинное воображение и память, чтобы предложить католикам Люблинской епархии оплакивать евреев. Молитвенные встречи прошли в Избице, Травниках и Казимеже — городках, где христиане и евреи веками были соседями. Молитва в католических церквях за убиенных евреев, помимо своей чисто религиозной ценности, имела также воспитательное значение. Проводившиеся недавно в Ягеллонском университете исследования коллектива проф. Марека Кути показали, что в Люблинском воеводстве становится всё меньше людей с антисемитскими взглядами. Надо полагать, процесс этот имеет прямую связь с последовательным и терпеливым еврейско-католическим диалогом.

Как пастырь архиепископ Жицинский не был сосредоточен исключительно на современных Одиссеях. У него был прекрасный контакт с молодежью и детьми. Последняя месса, которую я сослужил с ним в январе 2011 г., была предназначена для умственно неполноценных детей и их друзей. Дети льнули к нему, поднимая суматоху, с которой не сумел бы справиться ни один церемониарий**. К счастью, никого такого там не было, и архиепископ мог вволю задавать этим детям странные вопросы: что кажется им красивым и хочется ли им жить? Их галдеж заглушал все сомнения.

* Имеется в виду дух Второго Ватиканского собора. — *Пер.*

** Церемониарий — в католической Церкви лицо, ответственное за правильный ход богослужения. — *Пер.*

Наталья Горбаневская

ПОЛЯКИ В ПЕТЕРБУРГЕ

или freefeduta

Эту книгу, отправленную почтой из Минска, я получила в Париже 22 декабря минувшего года. На ней надпись: «Дорогой Наталье Евгеньевне на память о Лотмановских чтениях, встречах в Интернете и хороших людях от составителя» — и закорючка-подпись Александра Федуты.

В это время Федута уже два дня сидел в следственной тюрьме белорусского КГБ. Когда я это пишу, идет второй месяц его заключения.

Его арестовали дома, утром 20 декабря. Возглавляя предвыборный штаб одного из кандидатов в президенты, поэта Владимира Некляева, он даже не был на площади: сидел в штабе, собирал сведения с избирательных участков. Как и другие арестованные — их число за эти полтора месяца выросло с первоначальных 19-ти до полусотни, хотя кое-кого выпустили под подписку о невыезде или под домашний арест, — он обвиняется в «организации массовых беспорядков».

Вот так получилось, что филологическое сообщество разных стран, возмущенное беззаконным арестом коллеги, стало инициатором писем в его защиту, требуя освободить Александра Федуту и всех остальных белорусских политзаключенных. В блоге freefeduta.livejournal.com можно найти все новости о белорусских политзэках и об акциях солидарности с ними.

Пожалуй, основной интерес историко-филологической деятельности Александра Федуты — польско-русские связи, литературные и не только.

Книге, составленной из воспоминаний живших или побывавших в Петербурге поляков, Федута предпослал исключительно толковое предисловие ««Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных Российской империи», где выступает — как, впрочем, и во многих других своих работах (см. мою рецензию на составленную им книгу «Вильна. 1823-1824. Перекрестки памяти» // Новая Польша. 2009. №1) — не столько как «чистый» филолог, сколько как историк (вообще от его работ у меня впечатление, что он получил образование, как говорилось в старину, «историко-филологическое»).

«В истории взаимоотношений русского и польского народов, — пишет Федута в предисловии, — эпоха Николая I занимает совершенно особое место».

Этой эпохе, частично захватывая предыдущее царствование, посвящены публикуемые очерки. Характеризуя авторов, Федута предпосылает этим конкретным характеристикам объяснение загадочного для сегодняшнего читателя феномена: для нас все поляки — мятежники, а воспоминания написаны довольно лояльными «подданными Российской империи». Не буду пересказывать эти объяснения — пусть заинтересовавшийся читатель сам найдет книгу и прочтет.

Перейду к самим текстам. Из четырех авторов книги один, Осип Антонович Пржецлавский (урожд. Юзеф Эммануэль Пшецлавский, 1799-1879), многолетний редактор «Тыгодника петерсбурского» («Петербургского еженедельника»), писал свои мемуарные статьи по-русски и печатал их в русских исторических журналах. Его воспоминания занимают больше половины книги и начинаются с 1811 года. Остальные три текста, извлеченные из польских книг и журналов, относятся уже только к николаевской эпохе. Всех трех авторов перевел Юрий Чайников. Следует признать очень удачным выбор переводчика, не просто знающего польский язык, но и успешно занимающегося переводами художественной литературы. Ему удалось передать индивидуальность каждого из троих: старомодный синтаксис Станислава Моравского, утопание в деталях (кто когда за кого вышел) Станислава Бобровского и восторженное верхоглядство Адама Киркора, едва начинающего свою карьеру журналиста, а в будущем и издателя. Ему, корреспонденту польского журнала «Атенеум», всё нравится в «огромной северной столице» — вплоть до чиновников!

Среди тех, о ком рассказывается в этой книге, есть герои повторяющиеся. Разумеется, Мицкевич, которого хорошо знали два первых автора, а с ним и Пушкин. И, разумеется («не то беда, что ты поляк»), Фаддей Венедиктович Булгарин — кстати, один из предметов пристальных исследований Александра Федуты. Бедному Пржецлавскому не удалось напечатать свой очерк о Булгарине ни в «Русском архи-

ве» (с издателем которого П.И. Бартеневым он, впрочем, поссорился до того), ни в «Русской старине» — «вероятно, потому, что редактор «Русской старины» М.И. Семевский отказался публиковать текст, содержащий положительную оценку имевшего одиозную репутацию Булгарина» (из комментариев). Пришлось отдавать в «Русский сборник» В.Ф. Пуцыковича. Но в восхвалениях Булгарину Пржецлавского намного превзошел энтузиаст Киркор, встретившийся с ним в конце 1846 года:

«...познакомился с человеком, имя которого гремит от Невы до Аракса, от Вислы до Иртыша. Речь о Фаддее Булгарине, знаменитом русском писателе, авторе нескольких сотен томов, из которых большая часть переведена на языки польский, французский, немецкий, английский, итальянский, чешский и шведский. Имя его принадлежит всей Европе. Его литературное превосходство в сегодняшней России таково, что мнение его считается как приговор для публики, а для вящей убедительности стоит добавить, что большая часть здешних литераторов являются самыми заклятыми его врагами. (...)

Булгарин, как знаменитый Кювье, умеет пользоваться каждой минутой жизни, и ни одна из них у него не потеряна. Кажется, что сама природа создала его редактором! Необыкновенная деятельность, гибкость ума, постоянная преданность и любовь к работе привели к тому, что его «Пчела» в течение 20 лет всегда была и остается самым главным изданием в России».

Повторяются и другие имена. Среди них два художника: Орловский и Олешкевич. Олешкевич нам известен как имя в мицкевичевском посвящении — а тут мы узнаём его как необычайно доброго человека, готового всем всегда помочь, и тоже доброго опекуна целого полчища кошек. Возникают и такие имена, которые у нас не на слуху. Например, из воспоминаний в воспоминания проходит фигура Гаспара Жельветра, «виленского шляхтича, с 1800 г. ходатая по делам в Петербурге» (из именного указателя), задававшего своим знакомым — а знакомых у него было несметно — неимоверные пиры.

В общем, из этой книги встает картина малоизвестного даже внимательному русскому читателю польского Петербурга тех времен.

Замечу в заключение, что большинство поляков в этой книге — это так называемые литвины. Чтобы понять, что это такое, обращусь к статье Александра Федуты «Три «Будрыса»: авторский текст — подстрочник — поэтический перевод» (в его кн.: Письма прошедшего времени. Материалы к истории литературы и литературного быта Российской Империи. Минск: Лимариус, 2009). Сравнивая перевод Пушкина с опубликованным в «Сыне отечества» анонимно, но безусловно принадлежащим Булгарину подстрочником, Федута отмечает:

«...первое отличие перевода от подстрочника — возвращение Пушкина к оригиналу в обозначении национальности героев баллады. (...) Понятие «Litwin», употребленное Мицкевичем, отнюдь не тождественно понятию «Литовецъ», употребленному Булгариным. Само слово «Litwa» обозначало в первой трети XIX в. территорию союзного Польше (Коронной Польше) Великого Княжества Литовского (ВКЛ), входившего вместе с Польшей в состав федеративного государства Речи Посполитой. И слово «Litwin» обозначало, в свою очередь, славян, являвшихся жителями ВКЛ, но не являвшихся этническими поляками, чаще всего этнических белорусов. (Собственно литовский этнос, предки современных литовцев, обозначались либо словом «литовец», либо «жмудин» — от наименования одного из исторических регионов Литвы, Жмуди или современной Жемайтии). Эту разницу чувствовали выходцы с земель ВКЛ, в том числе Мицкевич (неслучайно герои его баллады отправляются с набегом на польские земли), и Булгарин, обращавшийся в письме к известному польско-литовскому историку-дилетанту первой трети XIX в. Теодору Нарбуту с самохарактеристикой: «Возможно, Вы слышали обо мне. Я тот самый Булгарин, литвин, который стал писателем на русском языке и издатель «Северной пчелы»».

Интересно, как себя определяет сам Александр Федута — русский филолог и белорусский публицист? Ностальгирует ли он в тюремной камере по временам Великого Княжества Литовского, как явно ностальгировал великий литвин Чеслав Милош? Выйдет — спрошу.

Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. *[Составление, предисловие, подготовка текста воспоминаний О.А.Пржецлавского и комментарии А.И.Федуты. Воспоминания С.Моравского, Т.Бобровского и А.-Г.Киркора переведены с польского Ю.В.Чайниковым]. М.: НЛО, 2010. (Россия в мемуарах. Серия под ред. А.И.Рейнблата).*

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Времена тревожные — кипение на Ближнем Востоке создает фон для исторических перемен, размах которых мы, пожалуй, еще не вполне осознаём, так как смотрим на мир скорее в сиюминутной перспективы, нежели с дистанции. Я, впрочем, подхожу ко всему этому отчасти с иронией и с неким ощущением абсурда. Меня как-то не очень заботит, что может получиться через двадцать лет из теперешней мировой сутолоки, хотя теоретически, приняв во внимание недавний юбилей Ежи Помяновского и такой же юбилей, который в ближайшее время станет уделом Тадеуша Ружевича, то есть празднование 90-летия, есть шанс в преклонные годы приобщиться к результатам нынешних пертурбаций. Но как бы то ни было, а я все больше внимания уделяю делам, далеким от сиюминутности, — тому, например, что происходит в польской поэзии, которая (и это слегка удивляет) после деклараций, далеких от метафизических высот, снова в последнее время к этой сфере приближается. В последнее время... Возможно, я здесь преувеличиваю, но не подлежит сомнению, что философские и богословские вопросы всё чаще затрагиваются в нашей лирике. Довольно уже давно, в 1972 г., появилась обширная и по сей день не прочитанная поэма Тимотеуша Карповича «Перевернутый свет» (имеется в виду, в частности, и «свет разума»), но тем более значительной представляется перспектива, обозначенная очередными поэмами этого рода: «Литургией» Витольда Вирпши, «Богословским трактатом» Чеслава Милоша (рус. пер — «Новая Польша», 2002, №2) или «Римским триптихом» Иоанна Павла II (в скобках замечу, что меня озадачивает статус последнего текста, который, будучи подписан официальным папским именем, принадлежит к церковным документам, — написанный же по-польски, к тому же стихами, становится серьезным вызовом исследователям).

Пребывая в кругу этой проблематики, я, конечно же, обратил внимание на своего рода художественный манифест, принадлежащий перу одного из наиболее интересных поэтов несколько более молодого, чем мое, поколения — Казимежа Браконецкого (род. 1952), опубликованный под заголовком «Поэт как мистический атеист» в последнем номере ольштынского журнала «Боруссия» (№48): «Поэзия заменяет мне религию (то есть это иная религия), она выполняет культурно-антропологическую религиозную функцию (как род институциональной связи и отношений с (пустой) Трансцендентностью, Бесконечностью) вне какой-либо веры во внешнее по отношению к человеку божество, вне теистического богословия личного Бога и национального фольклорно-литургического обряда. Это — индивидуальное познание и имманентная сакрализация видимой действительности; разумная моральная обязанность по отношению к существам живым и умершим; смыслообразующее движение, вырывающееся из физического в направлении трансцендентного/бесконечного; существенное для внутреннего опыта ощущение связи между единичным Эго и Единством жизни. Моя поэзия стремится быть свободным и индивидуальным (а не коллективным) выражением духовных поисков смысла жизни конкретным человеком, который, опираясь на базовые гуманистические ценности, описывает и комментирует современный мир, не обращаясь к авторитету личного Бога, санкционирующего боголовия, идеологически-сакральной нации и ее сверхродины. Ядро такой мирологической поэзии, сущность которой — свободное экзистенциальное общение, — это убежденность в надприродной жизни только здесь и сейчас, а не когда-нибудь и там, в потустороннем; здесь, внутри мира и в центре жизни, в полной экзистенциальной активности, в поиске трансцендентности осмысленной жизни, которая не есть абстрактная Субстанция, Абсолют, антропоморфный Личный Бог, объективная идея, ноумен. Эту расшифровку тайной экзистенции, это (поэтическое) ощущение единства мира, человека, природы при реалистической установке, что не существует подразделения на плохую жизнь и суетные цели здесь и истинные сущности и идеи там (предрассудок платонизма), я называю смыслообразующим поэтическим действием во имя единства жизни, нынешности жизни».

Я привел начало обширного эссе, одного из немногих (наряду с цитировавшимся здесь в свое время текстом Адама Загаевского о необходимости «высокого стиля») программных заявлений, касающихся поэзии, которые появились в польской литературной печати в последние годы. Не имея возможности вдаваться в детали, приведу фрагменты заключения, которые кажутся мне существенными:

«Поэзия как эстетика этики, открытой миру, стала для меня личной экзистенциальной жизненной задачей, в которой я нашел свою неортодоксальную, нерелигиозную религию без Бога, Апокалипсиса, Церкви. (...) Я верю в поэзию как экзистенциальную квинтэссенцию жизни, в поэзию как духовное выражение моего конкретного жизнетворчества, в ее по(пост)этику подлинной борьбы с проклятыми и неразрешимыми проблемами человека, который сам творит, на собственную личную ответственность, личную свободу и осознанно служит красоте, правде, миру. Я не запятнан первородным грехом, не должен сражаться с неверными, не должен питаться чистыми, жертвенными животными, стрелять в палестинцев, афганцев, биться головой в тюрбане о пол храма, убивать атеистов, христиан, раз в неделю или в месяц зевать на католических богослужениях, крутить, как бешеный, тибетский молитвенный барабан, брезговать нерелигиозными и чужими, чтобы жить достойно, благородно, без ненависти к миру, к людям, к самому себе. А католичество, которого я отведал на моей родине, учило (и снова учит) фальшивой покорности, циничному ханжеству, культу власти, пренебрежению к женщине, фидеистическому язычеству, велит возлюбить национальную Церковь Золотого Тельца, ненавидеть евреев, чужих, иных. Такая, не считающаяся с посланием Евангелия Христова, языческая Церковь торжествует в Польше. Не для того Иисус погиб на кресте, в печах Освенцима, в снегах Гулага, чтобы сарматское католичество, поддерживаемое польским партийно-конфессиональным государством, служило Мамоне и Молоху».

Признаюсь, я давно не читал текста столь экспрессивного, бунтарского и — напомню немодное сегодня определение — ангажированного. Если прав Милош, написавший, что «все поэты в Польше — как барометр» (а мне, по крайней мере, кажется, что это справедливое утверждение), то к голосу Браконецкого я бы советовал прислушаться без снисходительных кивков: нельзя игнорировать инструмент потому, что он показывает неудобные кому-то результаты измерений. Представляется, что названное эссе, в особенности его заключение, выражает довольно распространенную, особенно среди молодой интеллигенции, позицию отмежевания от попыток какой угодно, будь то идеологической или религиозной, институционализации ценностей (а такие тенденции в нашей общественной жизни не редкость). Конечно, если бы эссе было высказыванием неопытного, эмоционально взвинченного юноши, то об этом не стоило бы и говорить. Браконецкий же, один из создателей культурного общества «Боруссия», признанный поэт и эссеист, не относится к числу тех, кто выносит опрометчивые суждения и диагностирует выдуманные опасности. А вот можно ли избежать указываемых опасностей с помощью поэзии, — это уже другой вопрос.

И можно ли, практикуя искусство, не потеряться в мире, который Браконецкий определяет как «неортодоксальную, нерелигиозную религию»? Какие тут зависимости, какие связи? В русле этих вопросов идет Агнешка Самбор в очерке «Эсхатологический реалист», подводящем итоги творчества недавно умершего художника Ежи Новосельского (1923-2011), на страницах краковского «Тыгодника повшехного» (2011, №10).

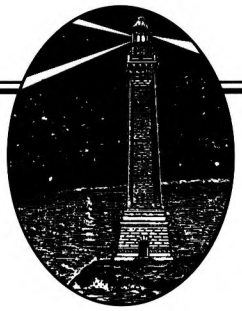
«Мы смотрим на картины, внешне гармонические, эстетичные, иногда просто декоративные (...). Но чувствуем, что в этом творчестве скрыта какая-то драма, что в нем запечатлена духовная борьба. А также, что итог творчества может оказаться неудобным для прямых догматов. (...) Подсказку дает сам Новосельский, заметивший в одном из интервью: «Религия — очень опасная вещь. Подходить к древу познания добра и зла и пощипывать его: «Скажи, как всё на самом деле!» — это очень опасно. Еще опаснее приближаться к древу жизни, которое растет в раю и подходы к которому охраняет ангел с мечем огненным». Христос не спасает от опасности — во всяком случае, как читаем у св. ап. Луки, Он пришел не для того, чтобы дать миру мир, но чтобы зажечь огонь... Для собственного богословия художника понятие tremendum, священного трепета, кажется очень важным — оно-то и становится связующим между верой и неверием (Новосельский сам познал и то и другое). Драма, которая проглядывает сквозь картины, имеет, возможно, еще один — земной — источник. Насколько творчество

художника связано с судьбой лемков, к которым он этнически принадлежал? Он был свидетелем заката (уничтожения) этой культуры. И не только ее: родившись в 1923 г., он видел окончательное разрушение того, что плохо ли, хорошо ли, но составляло многокультурный феномен Речи Посполитой. Большое значение для понимания Новосельского имеет его высказывание: «Я, польский художник, духовно родился в Почаевской лавре»».

И далее А.Самбор пишет: «В какой мере опыт периода оккупации сформировал богословское мышление Новосельского? Возможно, именно тогда родилось его убеждение, что «так называемые падшие души существуют в каком-то пространственно-временном континууме, которого мы не умеем ни найти, ни назвать; они столь основательно испортили плоды творения, что мы живем на развалинах. Совершенно очевидно, что миром правит дьявол. Ведь даже в Евангелии он носит имя князя мира сего. У Иоанна Богослова действительность также опирается на элемент зла». Художник никогда не скрывал, что он близок манихейству и глубоко верит, что душа человека — это поле битвы ангелов и демонов и армия этих вторых, реально существующих, гораздо многочисленнее. Пессимизм Новосельского представляется, однако, очень... оптимистическим. Во всяком случае Новосельский спорил с Лютером, полагая, что большей, чем первородный грех, катастрофой для мира было падение ангелов. Он не соглашался с тезисом, что мы грешим, так как мы грешники. Скорее наоборот: мы грешники, потому что грешим. Человек спасенный — это тот, кто обрел ощущение, что вины не существует. Это ощущение ему может дать только Христос — в своем искупительном милосердии, а это понятие, по мнению художника, было полностью искажено в богословии католической Церкви».

И наконец, в разделе очерка, озаглавленном «У Церкви женские формы», читаем: «Энергией, которая связывает бренность с вечностью, оказывается для Новосельского женственность. (...) К женщинам художник все время обращается в своем творчестве (...) [Новосельский писал:] «Формы барочных куполов напоминают форму женского тела. Церковь и женщины — это Царство Божие на земле. (...) Синтез духовных дел с эмпирической действительностью осуществляется в образе женщины. (...) Если художника интересует проблема телесности, какой-то способ соединения духовных дел с миром физических существ, то совершенно естественно, что он начинает интересоваться телом женщины». Это уже Экклесия, но и София Премудрость Божия, столь важная в православном богословии. (...) Почему в иудео-христианской традиции был попран Эрос? Ответ художника поразителен. По его мнению, наше ощущение, что эротичность греховна, связано с нашей плотоядностью по отношению к животным. Раз мы должны убивать животных (а их страдания — это страдания Бога) и не чувствуем, что это грех, необходим какой-то механизм переноса... Если следить за мыслью художника, зафиксированной в картинах, а также и в разговорах, — например, тех, которые вел с ним Збигнев Подгужец и которые составили книги «Вокруг иконы» (1985), «Мой Христос» (1993) и «Мой Иуда» (2009), — обращает на себя внимание ее актуальность. Утверждение, что Новосельский опережал свое время, не голословно. Он затрагивает проблемы, которые мы только сегодня начинаем более или менее широко обсуждать (нередко с меньшей смелостью, нежели та, на которую решался художник в своем богословии — частном, но опирающемся на солидные, в том числе интеллектуальные, основания). Определенным образом он был предтечей глубокого феминистического дискурса в христианстве, предтечей размышлений о всё более выразительном в наше время «межрелигиозном обмене», размышлений о теле и сексуальности, а также об отношениях между человеком и животным миром... Со всей уверенностью можно сказать, что творчество Ежи Новосельского не уходит с его смертью в область истории искусства. Даже напротив, следует полагать, что в последующих поколениях зрителей оно найдет неожиданные истолкования, тем более интригующие, что речь идет об искусстве, обращенном к духу и интеллекту и не допускающем какой-либо идеологизации».

Я уже написал во вступлении, что времена сейчас тревожные, а то, что происходит на Ближнем Востоке, где всё еще политика, идеология и религия запутаны в узел, требующий, вероятно, чтобы его разрубили (хотя отсутствие Александра Македонского осложняет дело), может оказаться в ближайшие десятилетия вопросом, значение которого трудно переоценить. Тем более что и мы в Европе, казалось бы, свободной от такого рода хитросплетений, всё еще не умеем упорядочить отношения между этими сферами нашей жизни. Остается надежда, что художники, а не политики укажут какой-то выход.



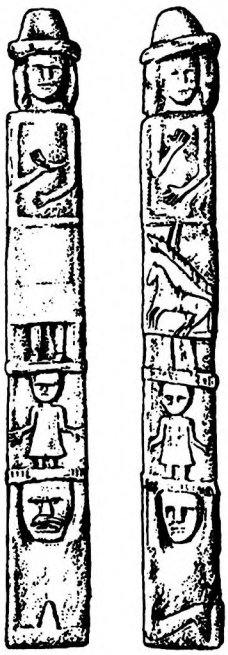
Мартин Корнак

СЛАВЯНСКОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ

Текст этот я начну, пожалуй, с личной ноты. Сколько я себя помню, моей величайшей мечтой и единственным принимавшимся во внимание жизненным планом было стать археологом. И, хотя меня очень интересовали Древний Египет, Месопотамия, Китай, но по-настоящему увлекательной была — и остается доныне — история Польши раннего средневековья; у нас это период между VI и XII веками.

Это временно́е пространство интригует не только своим переломным характером и таинственностью, порожденной, среди прочего, сильной нехваткой или вообще отсутствием письменных источников, но и своим значением, важным, в частности, и для нашего настоящего. Сущность духовных последствий той эпохи выразила Мария Янион в своем «Удивительном славянстве»: «Возможно, вслед за некоторыми романтиками нужно предположить, что многие из славянских племен подверглись путем завоевания «плохому крещению» и оказались силой оторванными от своей прежней старинной культуры. В этом следует искать важные причины какой-то трещины, какого-то унижения, какой-то увечности, ощущаемой на протяжении столетий». И далее: «Романтическое и постромантическое творчество постоянно открывает нам глаза на это состояние болезненного забытья или неопознанности. Оно проявляется в специфической славянской травме, в чувстве принадлежности к слабейшим и потерпевшим, порабощенным и униженным, лишенным какого-то скрытого наследия, несправедливо забытым и либо отодвинутым на обочину, либо раздавленным тем процессом, который назван историческим прогрессом».

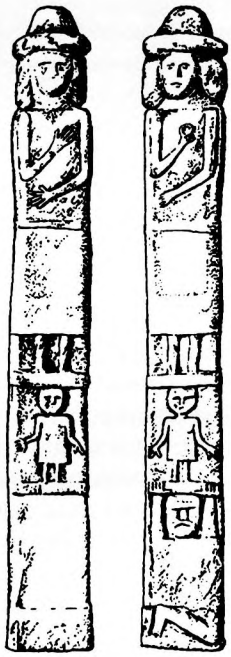
Жизнь пошла иначе, и стать археологом мне не было дано, но увлеченность далеким прошлым по-прежнему продолжается. Ее строило и укрепляло чтение книг Ясеницы, Гейштора, Лябуды, Ловмянского, но вместе с тем и Мицкевича, Словацкого, Крашевского, Антония Голубева. Получается целое собрание сочинений, которые завладели воображением многих, — и прямо-таки удивительно, что кое-кто из них сделал из этих видений идеологическое оружие.



■ Славянство, которым злоупотребили

Языческое славянство уже много лет служит объектом идеологических злоупотреблений и манипуляций или прямой профанации. Поскольку о нем сохранилось очень мало письменных источников, а благодаря тем, которые дошли до нас, от забвения уцелели и спаслись лишь крохи религиозных верований, мифов и исторических сведений, дохристианское наследие нашего народа стало занимательным пространством не только для разномастных фантастов и «чокнутых», но и для расчетливых идеологов, которые пытаются эксплуатировать его как поприща нового националистического мифа. Они обнаруживают в нем такой нарратив, куда можно помещать любые националистические фобии и комплексы и реагировать на них.

Захват и фальсификация славянского мифа крайне правыми силами протекают главным образом по двум направлениям. Старшее из них, панславизм (его часто путают со славянофильством, возникшим среди мыслителей царской России первой половины XIX ве-

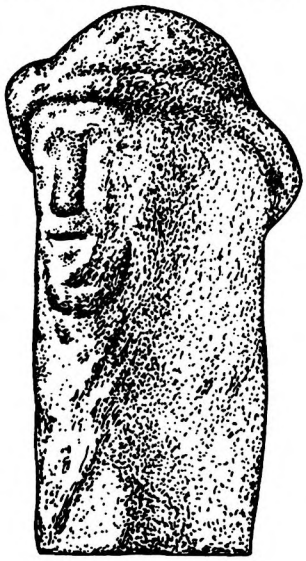


ка), хотя и родился в Чехии, но реализуется главным образом под знаком русского империализма и национализма. Вторая манипуляция славянским мифом — это младшее на несколько десятков лет и в настоящее время более популярное фашистское неоязычество, ассоциируемое в первую очередь с довоенной идеей задруги — «исконной», первозданной славянской родовой общины — авторства Яна Стахнюка Стоигнева.

Мария Янион описывает эту двунаправленность следующим образом: «Я понимаю возникающие опасения, особенно одно из них, польское: приписка к славянству может возбуждать подозрения в «славянофильстве» или «панславизме», понимаемых как подчинение русскому империализму, который всегда маскировался лозунгом «славянского единства» и действовал под вывеской: «Мы, братья-славяне». Проблема «Польша—Россия» проявлялась здесь во всей своей мучительной внушительности. (...) Второе опасение связано с тем фактом, что каждый этнический миф, миф племенной принадлежности легко становится наживкой для национализмов и кормом для фашистов. Так, к примеру, обстоит дело в случае довоенной идеи «родославизма» — сочетающего нацию и расу — в изложении «Стаха с Варты», скульптора Станислава Шукальского, создателя знака «Топорла» как герба Польши, достойного «родославянского молодняка» (расистски-национального). По сей день в национально-радикальных кругах остаются популярными и идеи Яна Стахнюка, который до войны сформулировал идеологию задруги — родовой общины, представляющей собой образец для будущей национальной общины».

Концепции, создаваемые на нужды современных политических игроков и использующие категорию славянства, обычно имеют с ним самим мало что общего и служат всего лишь удобным фасадом. Первое злоупотребление — полная внеисторичность этих «задумок»: в них входят отсылки к наполовину легендарной действительности свыше тысячелетней давности, обосновывающие идеи, возникшие в середине XIX века. Ибо что же общего у только-только объединяющейся совокупности крохотных славянских племенных государств, лишь с исторической перспективы именуемой Польшей Пястов, с эндекоподобным отношением к национальности? Тем более что пястовский «польский дух» был открыт к другим этносам, религиям и языкам. На протяжении столетий он притягивал к себе представителей десятков из них и мирно с ними уживался, видя в этом шанс на обогащение и укрепление государства. В принципе вплоть до самой контрреформации и изгнания из Польши ариан в 1658 г. практика приглашения и поселения пришлого «элемента» и поисков силы в разнообразии была неизменным свойством польской государственной политики. Отказ от этого прямо связан с упадком и концом Первой Речи Посполитой. От попыток встраивать эту действительность в ограничительную концепцию нации как общности, созидаемой на этническом единстве, несет фальшью и искусственностью. И эта концепция полностью с ней несовместима, точно так же, как ксенофобия, национализм, шовинизм или расизм — основные компоненты идей, обращающихся к славянству как этнически «чистой» Аркадии, которая спаяна героической языческой религиозностью.

Картина славянской религии, выстраиваемая в национально-неоязыческих проектах, выступает прежде всего как идеологический кулак, нацеленный в иудео-христианские концепции милосердия, смирения, любви ко всякому ближнему и готовности поставить вторую щеку, и обычно она представляет собой их более или менее облагороженную антитезу. И это еще одно злоупотребление, ибо, чем бы ни была по своей сущности первозданная религия славян, ее наверняка не формировали комплексы с подкладкой антисемитизма.



Не менее искусственной и безосновательной идеей выглядит создание из языково-этнического побратимства славянских народов главной причины для построения ими какой-то надуманной общности — тогда как в действительности «братские славянские народы» часто оказываются один для другого самыми ожесточенными врагами, что особо отчетливо иллюстрирует пример Сербии и Хорватии. То же самое касается ситуации, когда подобные аргументы выдвигаются как легитимация «естественного» главенства России над остальными членами славянской семьи.

■ Панславизм и славянофильство

История этой политической концепции восходит непосредственно к романтическому перелому, который в числе своих программных требований нес, в частности, еще и культ «свойского», простонародного, то есть глубокую приверженность легендарным первоначалам отдельных наций. На польской почве эти идеи вызвали к жизни гениальные произведения литературы: Мицкевича, Словацкого и Красинского — либо переломные научные достижения Зориана Доленги-Ходаковского (Адама Чарноцкого), которого Павел Ясеница счел первым археологом в истории Польши, а Мария Янион посвятила ему целую главу своего «Удивительного славянства», — но в то же время и товянщину, мессианизм и славянофильство, а на несколько более дальнем плане еще и национализм.

Тенденцию обращаться к славянству и искать в нем культурно-художественное вдохновение, первоначально идеологически индифферентную, уже в 30-е годы XIX века проповедники русского империализма принялись перековывать в компактную консервативную политическую доктрину с сильной антизападнической окраской.

Русское славянофильское движение вдохновило возникновение и развитие панславизма как идеи сугубо политической, а частично и покровительствовало ему. У панславизма было много различных тенденций и мутаций, но все его разновидности единодушно предполагали (коротко говоря) объединить славянские народы в одну федерацию во главе с Россией. Крайние его течения выдвигали даже требование обязательного перехода в православие (как бы «естественное» применительно к старой русской идее о Москве как Третьем Риме) и даже принятия русского языка как всеобщего инструмента общения. Политически острие панславизма было нацелено против приходящей в упадок Оттоманской империи — отсюда его популярность среди южных славян, особенно православных (между прочим, именно в панславизме лежат корни современных пророссийских настроений у болгар и сербов), — а также против империи Габсбургов. Из-за этого второго фактора сильнее всех панславизмом захлебнулась Чехия.

По причинам, которые в свете вышесказанного очевидны, среди поляков панславизм и его последующие мутации обрели меньше всего приверженцев. Трудно ожидать от наших предков какой-то необыкновенной пророссийской предрасположенности, особенно учитывая, что Российская империя была главным внешним виновником падения Первой Речи Посполитой, а поляки под ярмом царизма страдали сильнее всего, тогда как в австро-венгерской Галиции они пользовались относительно большой автономией, а в Турции видели скорее союзника в борьбе с российскими преследованиями (главным образом с русификацией), чем зловещую тиранию. В этом месте можно упомянуть казус Польского легиона Адама Мицкевича или случай Юзефа Бема, который, ища в Турции опору для польских национально-освободительных устремлений, стал фельдмаршалом турецкой армии, перешел в ислам (вместе с ним это проделало свыше шести тысяч поляков) и стал называться Амурат-пашой.

■ Промосковское наследие

Величайший парадокс панславизма состоит в том, что в наших краях его энергично поддерживали главным образом эндеки (национал-демократы) во главе с их главным идеологом Романом Дмовским, иными словами, та политическая альтернатива, которая громче всех говорила о национальной гордости и чести, о патриотизме, польском духе. Дмовский и его приспешники приняли участие в неопанславистском Славянском съезде, проходившем в Праге в 1908 году. Этот пророссийский кульбит и его туманные цели стали для многих старых эндеков шоком, и в 1907-1909 гг. из Национальной лиги вышло около одной пятой членов, а многие из примыкавших к ней организаций разорвали контакты с Лигой.

В любом случае одной из черт современных неоэндецких партий стал их пророссийский характер. Он представляет собой несомненное наследие панславизма, присущего последователям Дмовского. Крайне промосковская позиция этих групп находит свое выражение и в их явном отстранении от проблематики независимости Белоруссии и Украины. Достаточно вспомнить ту холодную сдержанность — со стоящей за ней недоброжелательностью или, быть может, даже презрительным пренебрежением, — с которой польские националистические круги отнеслись к «оранжевой революции». И уж совсем символическим проявлением таких фобий был протест великопольской группы «Всепольской молодежи» против предоставления стипендий студентам из Белоруссии. Еще более карикатурные формы принимает эта тенденция на страницах еженедельника «Мысль польска», в публикациях которого Украина воспринимается почти исключительно сквозь призму националистических чисток на Волыни во время Второй Мировой войны.

Это рабское цепляние за пророссийские настроения с подкладкой панславизма вовсе не поражает — интеллектуальное убожество современных наследников Дмовского замечают даже отдельные его «приверженцы». Посему этим кругам не остается ничего, хоть сколько-нибудь выходящего за рамки непрерывного, «лунатического» воспроизведения идей и замыслов верховного идеолога.

■ Постсоветский панславизм

Современное пророссийское славянофильство не принадлежит, деликатно выражаясь, к доминирующим факторам польской общественной жизни, но по-прежнему всё-таки продолжает находить изрядное количество идейных представителей. Один из наиболее страстных — Болеслав Тейковский и его «Польское национальное содружество» (ПНС). Этот сегодня уже несколько подзабытый политик крайне правых взглядов и основанное им в 1990 г. ПНС (ранее — «Польское национальное содружество — Польская национальная партия», а первоначально — «Польский союз национального содружества») были в Польше 1990-х главными выразителями ультрарадикального антисемитского национализма и повсеместно ассоциируются главным образом с вербовкой сочувствующих среди переживавшей тогда свой апогей субкультуры наци-скинов. На исходе десятилетия Тейковский ограничил антисемитскую риторику, став — для выхода из среды политических маргиналов — искать некое противоядие в нарочито демонстративном панславизме и пророссийском подходе.

Представители ПНС уже в 1991 г. участвовали в Ленинграде в учреждении международной организации «Славянский собор» — конфедерации похожих на их партию крайне правых и ксенофобских группировок из всех славянских стран Европы. В 1996 г. она трансформировалась во «Всеславянский собор». Многолетняя заместительница Тейковского Барбара Кригер стала представительницей его польского регионального отделения, которое в 1998 г. было переименовано в Польский славянский комитет (ПСК).

Кроме «Всеславянского собора» существуют еще и конкурирующий с ним «Международный славянский форум», в Польше с ним связана столь же маргинальная партия «Славянский союз».

■ Евразийство — панславизм XXI века?

Ну, разумеется, «Самооборона»... Если спросить лиц, не особенно интересующихся политикой, какая из партий в современной Польше самая пророссийская, они наверняка чаще всего укажут на группировку Леппера. Пророссийская направленность или даже русофильство — это само по себе не такая программная характеристика, которую во что бы то ни стало надлежит клеймить, однако у «Самообороны» за декларируемой заботой о хороших отношениях с Россией скрывается целый комплекс подозрительных связей, а также закулисных и двусмысленных контактов с кругами весьма темного происхождения.

Применительно к Лепперу и его сотрудникам вышеназванная «пророссийская направленность» проявляется в целой серии выступлений, легитимирующих любые начинания, которые укрепляют позицию России в роли всеславянского гегемона. Достаточно напомнить об активности членов «Самообороны» в роли наблюдателей на выборах в России, Белоруссии, Приднестровье и их вердикты, на сто процентов отвечающие интересам Кремля.

Кроме самого партийного вождя особым рвением в этих действиях выделялся Матеуш Пискорский. Этот бывший наци-скин, фан жанра NSBM, издатель неонацистских журналов «Одала» и «Ведера», активист неофашистско-неоязыческого Объединения за традиции и культуру «Никлот» использует оба способа фальсификации и искажения славянской традиции. С одной стороны, он ссылается на панславизм, культивируемый русским имперским шовинизмом, с другой — прибегает к идеям и замыслам из сферы примитивного неоязычества (которое, пожалуй, надо поставить в кавычки), используемого как эксцентрический стаффаж, привлекательная сценография проектов «донационализации нации».

Пискорский (к неоязычеству в его варианте мы еще вернемся) нынче принадлежит к приверженцам идей, которые выдвигает Александр Дугин — популярная «среди неофашистов личностью, один из творцов русской имперской идеологии национал-большевизма»*. Пропагандирует он и взгляды Валерия Коровина, идеолога экстремистского Международного евразийского движения. В мае 2005 г. после визита в Москву Пискорский даже стал представителем Евразийского союза молодежи** (ЕСМ) в Польше.

Одна из мутаций польского ЕСМ — «Славянский союз», маргинальная организация, которая 22 августа 2008 г. у посольства РФ в Варшаве демонстрировала в поддержку российской политики во время конфликта с Грузией.

■ Националистическое неоязычество

Порядок расположения этих двух терминов не случаен. В неоязыческих проектах религиозно-мистический аспект, насколько он вообще присутствует, — всего лишь театрализованное обрамление квази-ритуального маскарада, иногда — какое-то трансцендентальное требование, в лучшем случае балансирующее на грани индивидуального «хотения». У создателей этих проектов по-настоящему идет в расчет только их «национальный» костяк, а вопрос языческого славянского политеизма извлекается из сферы коллективного бессознательного лишь в чисто утилитарных или попросту орнаментальных целях.

Лучше всего это иллюстрирует мнение Антония Вацыка, одного из главных представителей «Задруги» (довоенной полуфашистской неоязыческой организации), летописца и биографа ее создателя Яна Стахнюка: «Есть и такие, кто грезит о каком-то неоязычестве, о воскрешении культа древних славянских богов. Истуканов оставим истуканам. К славянской древности мы прибегаем не ради того, чтобы воскрешать примитивные верования, освежать и обновлять давно уже омертвелые формы; мы обращаемся к нашему языческому прошлому как к духовной колыбели, потому что в природности первозданного славянства видим подлинный, правильный и здоровый этап исторического развития польского человека».

На польской почве хронологически первой националистически-неоязыческой группой было возникшее в 1929 г. «Племя Непокорное сердце»***, основанное Станиславом Шукальским, который и разработал расово-национальную идею родославизма. Она предполагала радикально отмести все иудео-христианские традиции — разумеется, исходя и из антисемитских побуждений — и полностью изменить модель польского духа на основе первозданной славянской родовой общины и ее «исконной» силы. Шукальский был эксцентричным человеком искусства (скульптором), но наряду с этим — полуфашистским идеологом с ультрарадикальными взглядами. И этим фактом нельзя пренебрегать, так как идеологии несут за собой последствия — часто трагические и преступные. Однако до сих пор, на наше счастье, не сложились обстоятельства, благоприятствующие воплощению родославизма в жизнь.

Хотя «Племя» Шукальского было на несколько лет старше, но с учетом как идеологических последствий, так и предельного фундаментализма пальма первенства в создании станового хребта отечественного польского национал-язычества принадлежит уже упоминавшейся «Задруге». Рафал

* Pankowski Rafał. *Podpis posła ze swastyką. Jak z neonazisty zostać posłem Samoobrony* // Nigdy więcej. 2006. №15. — *Авт.*

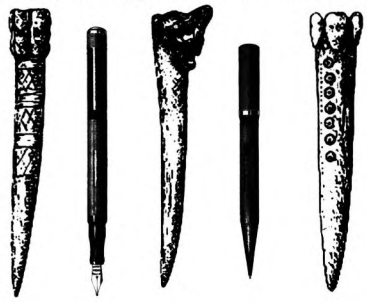
** В ноябре 2009 ЕСМ прекратил свое существование. — *Ред.*

*** У современных русских националистов прижилась калька «Рогатое сердце». — *Пер.*

Панковский так описывает эту группу в своей работе «Где кончается патриотизм... Из истории польских полуфашистских групп. 1922-1992»: «К числу самых последовательных, экстремальных, хотя и незначительных относилось неоязыческое движение «Задруга», сосредоточенное вокруг одноименного националистического еженедельника. Это название означает праславянскую племенную общину. «Задружане» обвиняли христианство в негро-семитском происхождении и в его роли чуждого инструмента, извращающего национальный характер. Они обращались к извечной «подлинно исконной» религиозности, к древнему быту, нравам, обычаям и морали — точно так же, как это делали отдельные элитарные круги в нацистском Третьем Рейхе».

При описании личности Яна Стоигнева Стахнюка, лидера и идеолога «Задруги», знаменателен тот факт, что в написанной им в 1943 г. работе «Вопрос тоталитаризма» он обвинил нацистов... в непоследовательности при претворении в жизнь национальных идей, в том, что они останавливаются на полпути, недостаточно вмешиваясь методами социотехники в глубинную духовную сферу общества и в либерализм (!).

Слово «задруга» отсылает к праславянской родовой и племенной общине, опирающейся на узы крови. На этом-то этно-племенном аспекте заострялось внимание главных «задружан». Стахнюк называл свою концепцию «культурализмом», ибо ее задачей была фундаментальная перестройка польского духа, и, что удивительно, в процессе работы сильно вдохновлялся сочинениями ведущих эндеков — монографией Зыгмунта Балицкого «Национальный эгоизм и этика», а также ранними работами Романа Дмовского. Это, однако, мнимый парадокс: в долгой истории польского национализма можно перечислить десятки и сотни случаев, когда даже такие группы, которые были предельно далеки друг от друга, всегда встречались на почве антисемитизма, и этого единственного связующего звена хватало, чтобы заключать союзы и сотрудничать. В уже цитированной нами работе Панковский пишет об этом: «Симптоматично, что резко выраженное отличие от Национально-радикального движения, демонстрировавшего свою привязанность к католичеству, не мешало (...) «Задруге» считать наиболее близкой в идейном плане организацией именно... «Фалангу» [крайнее, близкое к нацонал-социализму крыло нацонал-радикалов. — *Ред.*]. Так же считал и журнал «Крак», связанный с неоязыческой артистической группкой С.Шукальского «Племя Непокорное сердце». Имеет смысл обратить внимание на феномен родства взглядов «Задруги» и крайних представителей национал-радикалов — теоретически невозможного. Это многое говорит о чисто предметной трактовке религии на службе крайне «национальным» патологическим идеологиям».



Идеи «Задруги» продолжали существовать законсервированными в жестянке ПНР, чтобы выскочить на дневной свет вместе с ее крахом. Уже в 1989 г. во Вроцлаве Антони Вацык вызвал к жизни издательство «Топорел», графическим логотипом которого служит творение Шукальского. Там печатаются книги по истории «Задруги». Надо признать, что группировка Стахнюка и его доктрина стали источником вдохновения для многих из современных ультраправых неоязыческих организаций: «Объединения родной веры», «Национального концептуально-исследовательского коллектива», «Общественно-национальной унии», Объединения за культуру и традиции «Никлот», Объединения патриотической молодежи «Священица», Националистического объединения «Задруга» и всяческих разрозненных групп наци-скинов и блэк-металлистов. В начале 1990-х в Торуне существовала даже скинхедовский неоязыческий уличный оркестр «Задруга», который несколько лет спустя поменял название на НаРа (от «национальный радикализм») и перешел на ультракатолические позиции, став ансамблем-визитной карточкой «Национального возрождения Польши» (НВП). Его лидер Славомир Уртновский теперь возглавляет НВП в Торуне.

■ **«Объединение родной веры»**

Вернемся, однако, к хронологическому порядку. В самом начале 1990-х во Вроцлаве под влиянием «Задруги» и в тесном контакте с издательством «Топорел» начало формироваться сообщество, которое в 1996 г. зарегистрировалось через суд в качестве официальной конфессиональной группы «Объединение родной веры» (ОРВ). Руководитель ОРВ и его центральная фигура — Станислав Потшебовский, он же Сташко из Вроцлава.

В своих программных документах («Вероисповедное кредо лехитов») ОРВ провозглашает глубинный экологизм, культ предков и природы, но вместе с тем и силы («Жизнь — это борьба, как и борьба — это жизнь»), а также радикальный детерминизм, разновидность социального дарвинизма: «Смерть индивида была и остается необходимой для постоянного развития рода и вида. Нация же в своем существе потенциально бессмертна и постоянно обновляется». Приведем еще две цитаты: «Лехитская польская нация и лехитские соседи принадлежат вместе с остальными славянскими нациями к великому роду арийских народов Европы. Мы хотим возобновить разорванное много веков назад единство между нами, а также единство между нашим происхождением и вероисповеданием, чтобы это стало опорой духовного и материального бытия нации. ПОЛЬША-ЛЕХИЯ-СЛАВА-АРИИ — такова наша миссия — СЛАВА им!» («Кредо»); и еще: «Антисемитизм — это противопоставление узурпаторам-евреям, утверждающим, якобы они были «народом, избранным Богом», якобы они были «исключительным народом», «народом-феноменом», призванным господствовать над миром». ОРВ проявляет также активность на международном форуме, участвуя в создании «Объединения родных вер Европы» и Балтийско-Славянского координационного центра, действующего в Вильнюсе.

■ **«Национальный концептуально-исследовательский коллектив»**

В начале 1990-х в Варшаве стал выходить журнал «Живел» («Стихия»), одно из первых неоязыческих изданий в Польше. Он также обращался к опыту «Задруги», о чем свидетельствовала стилизованная характерным способом свастика (четыре квадрата, надвигающихся один на другой), которая употреблялась «Задругой», а теперь стала логотипом журнала. Первоначальные выпуски выходили в порядке частной инициативы создателя журнала Анджея Вылётека. Последующие уже подкреплял своим именем «Национальный концептуально-исследовательский коллектив».

■ **«Общественно-национальная уния»**

Гораздо более шумной была «Общественно-национальная уния» (ОНУ), которая благодаря финансовым возможностям своего лидера Антони Фельдона вступила на политическую сцену весьма эффектно (масса листовок, брошюр, стикеров). ОНУ со своим антикатолическим настроем пробовала подключиться к тогдашней (1992-1994) волне антиклерикализма, а также завоевать поддержку в экологическом движении и в рядах альтернативной молодежи. Неосведомленность этих кругов относительно природы ОНУ (ее национализма по типу «Задруги») длилось недолго, и заигрывания этой организации, за малыми исключениями, закончились полным фиаско. После первоначального успеха и последующих нескольких лет довольно-таки маргинальной деятельности активность ОНУ замерла. Всякие возможные сомнения насчет характера ОНУ окончательно развеивает интервью с членом ее национального правления и главой молодежной секции Даниэлем Мидером, которое он дал Матеушу Пискорскому и издаваемому тем малотиражному фашистскому скин-журналу «Вадера» (1996, №1). Мидер открыто провозглашает в этом интервью: «Мы — польские национал-социалисты».

■ **Объединение за культуру и традиции «Никлот»**

На рубеже XX-XXI веков самой активной и известной неоязыческой организацией крайне правых было Объединение за культуру и традиции «Никлот». Группу основал Томаш Щепанский, бывший депутат Варшавского городского совета.

Щепанский «прославился» в 2000 г., когда в высказывании для еженедельника «Нове паньство» («Новое государство») объявил, что охотно взял бы на себя командование расстрельной командой, которой бы поручили исполнение смертного приговора Адаму Михнику и Ежи Урбану, — еврейские

корни их обоих выглядят здесь не случайными. То же самое заявление он повторил еще четче («Урбан и Михник — это враги Польши и поляков, действующие внутри нашего национального организма, а каждый должен нести ответственность за последствия своего поведения») на страницах журнала «Одмроча», ультранационалистического, неоязыческого и оккультистского издания, связанного с английской расистской сектой «Order of the Jarls of Balder».

Главным форумом для представления своих идеологических взглядов он сделал публикуемый им самим журнал «Триглав». Как это издание, так и, в общем-то, весь «Никлот» демонстрировали жесткое следование принципам «Задруги» наряду с полным набором фобий, типичных почти для всех польских националистических группировок: резко отрицательное отношение к ЕС, протест против НАТО, антинемецкая и антиеврейская одержимость, антиамериканизм, ксенофобия, в некоторых случаях (назовем хотя бы щецинское отделение «Никлота») — нескрываемая симпатия к самым кардинальным формам расизма и нацизма. В подзаголовке «Триглава» стояло: «Метаполитический ежеквартальный журнал». Употребленному при этом понятию Щепанский давал следующую дефиницию: ««Метаполитика» — это те сферы культуры, которые определяют рамки наших возможностей выбора в публичном (политическом) пространстве, однако сами не составляют политики. Наверняка сюда принадлежат убеждения религиозного и этического характера; чем-то существенным здесь представляется тип этики». В качестве главной задачи он ставил перед собой перестройку этой сферы. Ей следовало бы опираться главным образом на «религию национальной элиты (которая — *М.К.*) должна будет обращаться к славянским образцам, так как они попросту являются нашими собственными и сидят в той культурной почве, которую все мы наследуем» (интервью Матеуша Пискорского // Одала. 1996. №4), а также на героическую этику: «Ее (национальной религии — *М.К.*) формы должны выражать и пропагандировать идеал героической этики, формулировки которого мы находим во многих традициях; в европейском достоянии ее, пожалуй, величайшим покровителем является Ницше, у нас — Стахнюк, Шукальский, в какой-то степени Бжозовский». На практике это должно было бы выглядеть специфическим образом: «Генерал плюс национально-либеральная общественно-экономическая программа, но с элементами промышленной и социальной практики — такова эта модель» (там же).

Местами ошеломляющий характер носит и программа «Никлота», которая содержит открытую декларацию расизма: «Мы противостоим смешению культур, языков, народов и рас», — а также: «Нашей целью является культурный экспансионизм, так как в противном случае мы сами станем жертвами экспансии чужой культуры». Программу «Никлота» несколько лет назад распространял Матеуш Пискорский, «мозг» щецинского отделения, самого активного и вместе с тем самого радикального по взглядам. Пространный и исчерпывающий текст о деятельности этого бывшего депутата «Самообороны» опубликовал Рафал Панковский в вышецитированной статье. В контексте настоящей статьи стоит привести следующую цитату: «Пискорский и Мартыновский вместе с друзьями, наци-скинами из так называемого Ордена задруги «Северный волк» совершили визит в Москву, встретившись с тамошними лидерами ультранационалистических групп. Позднее по приглашению журнала «Одала» в Польше гостил, в частности, Павел Тулаев, один из предводителей русских националистов-неоязычников». Политическая карьера Пискорского, которая все время проходит под знаком коллаборационизма с радикальным русским империализмом, а также с экстремальным неоязыческим национализмом, прямо-таки пестрит подобными событиями.

■ «Группа Одалы»*

Щецинское отделение «Никлота» вело, как уже упоминалось, наиболее оживленную деятельность. Это вытекало из того простого факта, что его история старше истории самого «Никлота». Деятельность щецинцев восходит к началу 1990-х, когда несколько местных наци-скинов и фанов блэк-металла, находящихся под явно выраженным идеологическим влиянием Адольфа Гитлера и ультрарадикальных расистских теорий, основало неформальную группу «Национал-социалисты». Вскоре после этого они начали издавать свои первые публикации: пропагандистскую брошюру «Национал-социализм. Основные принципы и идеалы» авторства Дэвида Мьятта, идеолога британского Национал-социали-

*Так называемая «руна Одала» служила символом гитлерюгенда и послевоенной немецкой неонацистской организации «Викинг-югенд», — объявленной в 1994 г. вне закона.

стического движения, «Вадеру» — газетку для расистов-скинхедов, а главное — журнал «Одала», представляющий их идеологическую платформу. От названия этого журнала ко всему указанному сообществу пристало неформальное название «одаловцы» или «группа Одалы». Бесспорно, оно было и по-прежнему остается — лишь в более закамуфлированной форме — одним из самых экстремистских политических объединений в истории Польши.

Журнал «Одала» с первого номера злоупотреблял славянскими традициями по всему фронту. На его обложке средневековый ратник с символом Одалы на шишаке убивает топором католического монаха. А внутри номера — в антураже исконной этнической чистоты — был помещен обзор исторических тезисов на тему о происхождении славян. Чтобы еще больше уточнить идеологический профиль «Одалы», достаточно привести несколько заголовков из того же самого дебютного номера: «Теория расы СС», «Социальная политика Гитлера», «История СС», «Люциферианское язычество».

Фирменным знаком «Никлота», а в особенности «Одалы», приоткрывающим также индивидуальную черту личности Пискорского, были и остаются странные союзы. Первым стало соглашение с щецинской организацией «Всепольской молодежи», направленное против размещения в этом городе Многонационального северо-восточного корпуса, в состав которого вошли армейские подразделения из Польши, Германии и Дании. Вторым — подписание избирательного соглашения с крестьянской партией ПСЛ в парламентской кампании 2001 года. Одаловцы выступали тогда под вывеской ультракатолической Национальной партии — в тот период они, кроме того, включили в свои ряды ее региональное отделение. Похожее сближение произошло и вследствие их подключения к «Самообороне».

■ Объединение патриотической молодежи «Священица»

Однако вовсе не «Никлот» был первой неоязыческой группой, с которой партия Анджея Леппера заключила союз. Первой стало Объединение патриотической молодежи «Священица» из пункта зарождения «Самообороны» — Кошалина, родной земли ее председателя. «Священица» (старославянское название свастики) образовалась из союза местных группок наци-скинов и блэк-металлистов. Эти компании сблизились благодаря общим взглядам — антисемитизму, расизму, увлеченности разными оттенками фашизма, ненависти к «еврейскому христианству», а цементировали их неонацистская музыка NSBM и RAC (Rock Against Communism) плюс совместные акции «в городе»: нападения и избиения «неполноценного элемента»: в кошалинских условиях за неимением других групп на роль всеобщей угрозы превосходству белой расы поневоле должно было хватить тамошней альтернативной молодежи.

Группу всерьез объединили и скрепили обращения ее членов к своеобразно понимаемой языческой традиции славянства. Отсюда был уже только шаг до официального возникновения — в конце 1990-х — Объединения патриотической молодежи «Священица». Вскоре его члены создали Орден задруги «Северный волк» — реконструкционную группу, воспроизводящую костюмы и обычаи славянских ратников раннего средневековья. В некоторых из своих презентаций они сочетали показы средневековых боев с фашистской пропагандой.

В своем программном кредо «Священица»-Орден декларирует: «Как Орден задруги «Северный волк», как чистокровные патриоты, языческие арии-славяне мы не можем пассивно бездействовать перед лицом антипольской и антиславянской травли на Западе. (...) Мы — польские, славянские национал-социалисты. (...) В условиях гнилости и мультирасовости Запада только объединенная Славия — северная империя восходящего солнца — представляет собой надежду для белой расы». В первые годы XXI века эта группа заключила соглашение с «Самообороной», что немедленно нашло живописное отражение в ходе пресс-конференций Анджея Леппера, на которые тот стал приходить «под охраной» средневековых славянских воинов. Другим результатом такого союза было появление «священцевцев» в избирательных списках «Самообороны».

■ Националистическое объединение «Задруга»

Самая новая и в последнее время самая активная националистическая организация, ради своих радикальных шовинистических и расистских целей манипулирующая славянскими традициями, — это Националистическое объединение «Задруга». Оно возникло в 2006 г. во Вроцлаве, а активными

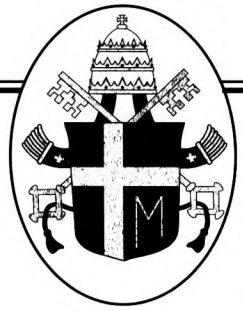
ячейками располагает, в частности, в Зеленой-Гуре и Гожуве-Велькопольском. Возглавляет «Задругу» Дариуш Петрик. Группа — что вполне очевидно, учитывая ее название, — ссылается на Стахнюка и довоенную «Задругу». В качестве главной цели она выбрала «панславистскую революцию», результатом которой должно стать возникновение «объединенной Славии» как противовеса Евросоюзу.

Члены новейшей «Задруги» дали возможность познакомиться с ними в публичной сфере главным образом благодаря участию в ежегодных годовщинах начала силезских восстаний, проводимых на горе св. Анны, где они появляются под знаменами со стилизованной свастикой.

■ На пороге возрождения?

Естественно, возвещать грядущий ренессанс общественной заинтересованности славянством — это по существу гадать на кофейной гуще, в лучшем случае — высказывать благое пожелание. Тем не менее многократно упоминавшаяся книга Марии Янион «Удивительное славянство» породила заметное интеллектуальное брожение умов и явное оживление в рассмотрении проблематики славянского наследия. Исследовательница ввела эту тематику в публичный дискурс, действуя зачастую прямо элементарно и сделав ее целью изысканий, свободных от националистической — полоноцентрической — смеси высокомерия, мегаломании и комплексов.

Любопытный текст «Славянские обряды в польской политике» поместил, к примеру, в социал-демократическом ежемесячнике «Дзись» («Сегодня») его зам. главного редактора Стефан Опара. Из травмы в коллективном общественном подсознании поляков он сделал ключ к истолкованию многих событий в политическом настоящем нашей страны. Это клеймо — результат утраты собственной, «свойской» культуры вследствие силой навязанного стране крещения, а также сотен лет католической культурной монополии. По мнению Опары, «живой особенностью польской политики вплоть до сегодняшнего дня остается нарочитый, демонстративный культ умерших. (...) Вот 11 ноября 2007 г. по случаю празднования Дня независимости президент принял решение о присвоении очередных воинских званий 14 200 военнослужащим и полицейским, уничтоженным за 67 лет до этого в советских лагерях для военнопленных. (...) Правда, везде случаются продвижения по службе отдельных военных и полицейских, которые погибли в ходе каких-то операций, но подобная акция для почти полутора десятков тысяч лиц, убитых в первой половине минувшего столетия, — это скорее нечто необыкновенное. (...) Тем самым духовенство, по необходимости одобряющее этот славянский культ умерших, а также политики, пытающиеся использовать подобные языческие обряды, считаются с силой извечной традиции. Может быть, даже неосознанно преклоняются перед ней». Тезисы Опары нашли полное выразительности отражение в торжественных общенациональных священнодействиях после смоленской катастрофы, а язычески-славянский элемент по-прежнему продолжает оставаться сильной, хотя и мало осознаваемой составной частью «польской души» и менталитета.



С ПАПОЙ Я БЫЛА ЗНАКОМА 72 ГОДА...

Беседа с Халиной Квятковской

Халина Квятковская

— В воскресенье после Пасхи, 1 мая, состоится акт причисления Папы Иоанна Павла II к лику блаженных. А неделей раньше, 25 апреля, вы отметите свое 90-летие.

— Я вообще люблю цифры... В этом году я отмечаю еще и 70-летие моей работы в театре. В театральной школе я преподавала 40 лет: 20 лет учила исполнению песни, 20 лет — сценической речи, поэтической и прозаической. 20 лет я провела в кабаре «Яма Михалика»...

С Папой я была знакома 72 года. Последние четыре года гимназии (в то время она была 8-летней) нас близко связывал школьный театр в Вадовице. Мы всегда играли главные роли: я — Антигону, он — Гемона; я — Балладину, он — Киркора (а в связи с тем, что неожиданно потребовалась замена и поскольку Киркор в пьесе рано погибает на войне, он в последний момент взялся и за вторую роль, Кострина). В «Девичьих обетах» Фредро я играла Анелю, а он — влюбленного в нее Густава!

В юности Войтыла, хороший товарищ, остроумный, доброжелательный, отличался от своих ровесников. Он рос без матери, брат умер, остался только отец[1]. В 15-летнем возрасте Кароль проводил время главным образом дома: учил языки, сочинял стихи, читал философские произведения.

— Каких авторов он читал?

— Ну, не знаю, для нас это была абракадабра... Из участников школьного конкурса чтецов (который я, кстати, незаслуженно выиграла) я запомнила только Кароля с его сценическим исполнением «Прометидиона» Норвида. Я ужасно волновалась перед собственным выступлением — и всё-таки он читал так, что я, пятнадцатилетний подросток, благодаря ему поняла эту философскую поэму: просто, без экзальтации. Он получил тогда вторую премию. И он мне это припомнил, уже будучи Папой, — смеялся, грозя пальцем: «Ты меня тогда победила».

Ну и был он невероятно набожным. Даже в таком маленьком городке это обращало на себя внимание. Он мог лежать распростертым ниц в костеле, долго молиться. И вот этот мальчик играл Густава, легкомысленного парня, шалопая! А сыграл он его прекрасно! Остроумно, легко! Мы имели огромный успех. Сейчас, оценивая тогдашние наши усилия, могу сказать, что мы все хорошо отработали и действительно получилось неплохо.

— Глядя на его фотографии несколько более позднего времени, можно сказать, что Войтыла был привлекательным молодым человеком...

— Он был очень симпатичным. Занимался спортом, прекрасно катался на лыжах... Из окна нашей квартиры, находившейся в мужской гимназии, где директором был мой отец, я видела, как на переменах, во время игры в «щипёрняк»[2], он всегда стоял на воротах.

— ... и играл героев-любовников. Наверное, он был завидным женихом? Девушки на него не заглядывались?

— В Вадовице никогда не говорили про него, что он «ходит» с девушкой. Такой темы вообще не существовало. Вот мы, например, вместе выступали, но я никогда за ним не замечала такой черты. Он этими вещами не интересовался.

— Вы дружили — тогда или позже?

— Тогда — наверняка. Нас объединял театр, главная тема нашей дружбы. Мы читали рецензии, например в «Вядомостях литерацких», и иногда ссорились. Мы ездили на чудесные спектакли в Краков, такие поездки устраивал специально для школ Остерва[3]. Я вспомнила об этом, сидя в ложе того же театра им. Словацкого в 1980 г., где я смотрела спектакль по пьесе Кароля Войтылы «Брат нашего Бога»[4] в постановке Кристины Скушанки.

— Кароль Войтыла не забывал своих знакомых?

— Во время первого его паломничества в Польшу в 1979 г. состоялась встреча в Кракове на Скалке с представителями интеллигенции и деятелями искусств. Мы отправились на эту встречу вместе с моим мужем Тадеушем[5]. А жизнь моя в то время превратилась в кошмар: когда Кароль Войтыла стал Папой, СМИ, особенно немецкие, например «Шпигель», буквально прицепились ко мне и к нему, писали какие-то несусветные вещи. Я боялась встречи с ним: а что если он думает, будто я эти интервью и в самом деле давала? Я не спала ночами. И вот мы стоим возле орга́на, одни, все ж полезли вперед. А он вошел — через заднюю дверь! Прямо на нас. Обнял меня, а моему мужу сказал: «Тадек, какой ты седой!». Я ужасно плакала, но тогда-то на меня и снизошло ощущение спокойствия.

— Когда Войтыла в 1946 г. стал священником, а потом краковским епископом (с 1958 г. — викарным епископом, с 1964 г. — митрополитом), вы часто с ним общались?

— Он крестил мою дочь Монику, это был его первый обряд крещения в сане священника, буквально через несколько дней после его рукоположения. Он пришел к нам домой, так как я была больна. А когда в 1970 г. умер мой отец, то епископ Войтыла, его бывший ученик, написал письмо, которое было прочитано во время панихиды. Он сожалел, что не смог лично возглавить отпевание, поэтому отслужил траурную мессу в курии. А потом пригласил нашу семью на завтрак. Мы в самом деле были хорошо знакомы. Ведь и Тадеуш учился вместе с нами до войны на полонистике.

Но, будучи иерархом, Кароль Войтыла был очень занят. Пожалуй, я чаще встречалась с ним, когда он стал Папой, чем когда он был епископом. Я ездила в Ватикан частным образом или с давними друзьями на юбилейные встречи выпускников школы. Впрочем, и раньше, будучи епископом, и потом, во время паломничеств в Польшу, он всегда старался с нами встретиться.

— Интересовался ли епископ Войтыла краковским театром? Посещал ли он спектакли?

— Думаю, времени у него было не так уж много. Но он придумал «Актерские встречи в Сочельник», во время которых с каждым успевал очень тепло поговорить. Он принимал близко к сердцу наши дела. Вмешался в вопрос, связанный с похоронами одного актера, покончившего жизнь самоубийством, которого священники отказывались провожать в последний путь. Он сказал тогда: «Смеет ли кто-нибудь из нас верить в то, что знает, о чем он думал в последние минуты перед смертью?»

Он видел «Дзяды» в постановке Конрада Свинарского. Старый театр послал к кардиналу режиссера и меня (как приятельницу)[6], чтобы получить разрешение на две ночные репетиции в краковском костеле доминиканцев. В 1975 г. мы должны были с этим спектаклем ехать в Лондон, и Конрад, искавший подходящее место, нашел его в Саутворкском соборе XIII века. Необходима была репетиция в похожих условиях. Они долго беседовали — величайший польский священник и величайший польский режиссер: о политике, об истории, о литературе, о мессианстве, о «Дзядах». Кардинал хорошо помнил этот собор, советовал даже, где какие сцены разместить, чтобы лучше был виден тот иной образ или уголок. Разрешение мы, разумеется, получили.

— Вы упомянули о совместной учебе в Ягеллонском университете. Всего лишь год она продолжалась, потом началась война. Университет был закрыт, профессоров арестовали во время операции «Sonderaktion Krakau»[7].

— Во время оккупации царили нищета, голод. За обеды я преподавала на подпольных гимназических курсах, ибо все краковские гимназии, кроме двух технических, тоже были закрыты. Сама я занималась на подпольных курсах, изучая польскую филологию. А когда совсем было не на что жить, я торговала. Кароль трудился в каменоломнях. Но в головах у нас были мысли только о театре, который создавал полонист Метек Котлярчик...

— Где вы познакомились с Котлярчиком?

— В Вадовице. Во время оккупации это была территория Рейха[8] — я иногда носила через «зеленую границу» письма Кароля и Метека, в которых они писали о Театре Слова, создать который всё время мечтали. Они очень дружили, несмотря на то что Метек был на 12 лет старше. Когда Метек с женой бежали в Краков после ареста брата Метека, то поселились у Кароля, у которого незадолго до этого умер отец.

Мы приходили туда на репетиции. Эту клетушку в подвальном этаже мы называли катакомбами: нас и на самом деле преследовали как в катакомбах. Мы впятером[9] дали семь подпольных премьер: Словацкий, Мицкевич, Каспрович, Выспянский, Норвид. Мы делали это бесплатно. Страха мы не ощущали, за спиной у нас словно крылья выросли. Мы боролись с врагом с помощью запрещенной им поэзии. А ведь людей отправляли в лагеря, расстреливали... Страшное время.

— Кем были ваши зрители?

— Мы выступали в салонах у людей, которые не боялись приглашать нас и зрителей. Это должны были быть люди, которым можно было всецело доверять, чтобы избежать провала. И провала не случилось ни разу.

— Все-таки в Кракове, насчитывавшем в то время примерно 300 тысяч жителей, вы были лишь малой горсточкой...

— Мы выступали каждый раз в новом месте. Никто нас не предал. Однажды мы даже организовали спектакль специально для каких-то VIPов из подпольного правительства. Бывал у нас и Остерва. А я, например, видела подпольные спектакли Тадека Кантора[10], с которым дружила.

— Что представляли из себя спектакли Рапсодического театра?

— В комнате на стульях или на подушках рассаживались человек 30. И слушали поэзию, декламация была обращена прямо к ним, без жестикуляции или контакта между актерами. И не только без диалогов, но и без каких-либо пояснений. Текст компилировал Метек. Вместо декорации была свеча и книга на пианино.

В 1942 г. Кароль сообщил нам, что он начинает подпольно изучать богословие. Уговоры не помогли. Правда, он до конца принимал участие во всех спектаклях, которые мы ставили во время войны. А он был бы прекрасным актером, ведь он всегда подходил к материалу с неожиданной стороны.

— Вы выступали в Рапсодическом театре до 1947 года. Почему вы решили уйти из театра Котлярчика?

— Меня перестала устраивать та аскетическая форма, которую он предлагал. Захотелось обычного контакта с другим актером, движения и жестикуляции, пения. Я боялась сказать Метеку, что решила ему изменить. Но как-то всё прошло гладко.

— Проработав один сезон в Театре ТУР (сегодня это театр «Багателя»)...

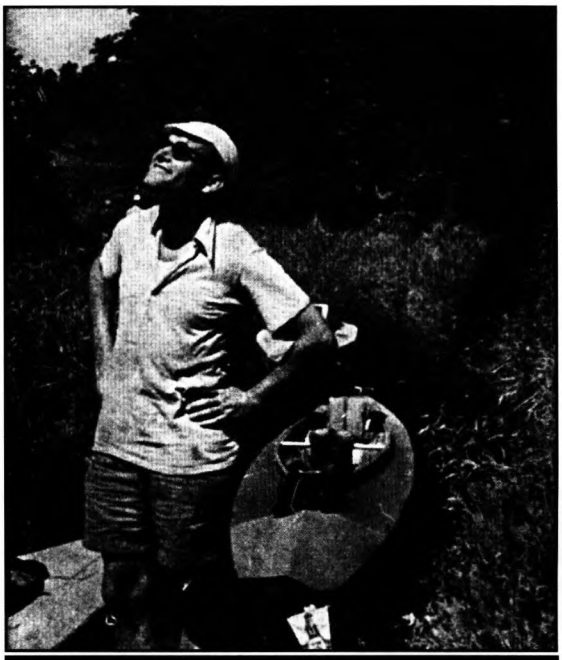
— ...я поступила в 1948 г. в Театр им. Словацкого, у которого было три сцены. Потом, когда этот театр разделился на Театр им. Словацкого и Старый театр[11], я перешла в Старый, где работаю по сей день.

Началось с роли Поли в «Мещанах» Горького в 1948 году. Я очень любила роль Ирины в «Трех сестрах» в постановке Бронислава Домбровского в 1949 году. Зофья Рысь играла Машу, Тадек Кондрат — Тузенбаха... Прекрасный спектакль, немного в русском стиле, под МХАТ... Мы даже получили первую премию на фестивале русских театральных пьес в Варшаве[12].

— Это была живая традиция?

— Домбровский долго жил в России, видел этот знаменитый мхатовский спектакль. Ходили слухи, что он сделал наш спектакль в том же стиле.

Я играла у него и в 1950 году. Алину в очень удачной постановке «Балладины» Словацкого, где у всех актрис были дублерши: две Алины, две Балладины, две Гопланы. Однажды обе исполнительницы роли Гопланы одновременно слегли, заболев гриппом. Домбровский, рассчитывая на мою хорошую память, предоставил мне только одну репетицию, и я сыграла Гоплану. Хотя меня тогда ждал очень неприятный сюрприз... Художник Анджей Пронашко спроектировал этот спектакль весьма оригинально с точки зрения сценографических находок. Костюм Киркора весил 27 кг! А для Гопланы он придумал вовсе не лес, а толстенную серую стену, высотой под два метра, и вот по ней-то я и должна



Кароль Войтыла в байдарочном походе

была передвигаться. Это было королевство Гопланы. Вышла я на эту стену, стою высоко, глянула в зрительный зал — и всё забыла! К счастью, у нас была гениальная суфлерша, в ту же секунду она оказалась у этой стены, бросила мне реплику — и дело пошло. Но тот случай мне до сих пор снится по ночам.

В 1950 г. в «Чужой тени» Константина Симонова, которую поставила Лидия Замков, я впервые встретилась с прекрасной актрисой Зофьей Ярошевской. Я всё еще, после той рапсодической поэзии, училась говорить без пафоса в театре. А она меня этому научила. Она играла мою тетю. Пригласила меня к себе, чуть подпоила и давай бить подушками со словами: «Теперь будешь относиться ко мне не как к великой актрисе, а как к близкому человеку, как к тете».

— А был ли у вас еще опыт игры в русском репертуаре?

— Я очень любила роль Вари в «Вишневом саде» в постановке Владислава Кшеминского[13]. С этого спектакля в 1954 г. началась моя карьера актрисы Старого театра. Я обожала Чехова. Ирина и Варя — это мои любимые роли.

— В 80-е годы вы уже, собственно, не играли в театре. Но до 2001 г. вы были педагогом в театральной школе.

— Я подсчитала, что за 40 лет у меня прошли учебу 586 студентов. Яцек Вуйтицкий, прекрасный исполнитель песен, впервые выступил на ТВ со мной. Гениальную, темпераментную Эву Демарчик я научила лишь одному: она перестала подергивать левым плечом в такт пению. А ничего другого ей и не надо было подсказывать. Мой давнишний студент Ежи Штур пригласил меня участвовать в дипломном спектакле, подготовленном под его руководством, — тогда впервые педагог выступал вместе со студентами. А когда Штур был ректором, мы придумали новую дисциплину — культуру существования на сцене. У студентов первого курса речь была, собственно, односложная, они не умели ни ходить, ни садиться, а на моих уроках они раскрывались.

В 90-е годы я позволила втянуть себя вместе с группой студентов в необычное мероприятие — в посещение краковской тюрьмы. Рисковая, как сказал потом мой ректор. Я никогда не забуду свое первое впечатление. Какими хамскими возгласами заключенные провожали девушек! А затем прямо со двора мы вошли в довольно большой зал. Там их было чуть больше десяти человек, они сидели у стены, тщательно одетые, курили дорогие сигареты, стряхивая пепел в консервные банки.

— Специально отобранная группа?

— Разумеется, все такие «послушные». Нам велели сесть у стола. Желая слегка нарушить дистанцию, я попросила их подойти ближе и стала спрашивать, как их зовут по именам. Они оторопели. Мы читали им стихи, потом они начали читать то, что сами написали. Мы вели театральные мастер-классы. На последней встрече я поделилась с ними воспоминанием о временах немецкой оккупации, когда мой жених, арестованный гестапо, сидел в этой же тюрьме, в такой тесноте, что ночью заключенные спали на боку и переворачивались по команде. Один из заключенных бросил: «Теперь то же самое». Начальник тюрьмы вышел, не говоря ни слова. Тем не менее, у меня остались прекрасные воспоминания об этих визитах.

— А как было дело с арестом Тадеуша Квятковского в 1944 году?

— Во время оккупации Тадек входил в подпольную организацию. Она называлась «Союз». В ней состоял также писатель Тадеуш Кудлинский, с которым мы были хорошо знакомы. Тадек должен

был покинуть город и уехать в деревню, к моим родителям, когда его вдруг арестовали. Он сделал глупость: пошел в организацию, где работал, чтобы предупредить, что уезжает. А гестапо там его уже поджидало.

Когда его привезли в тюрьму на ул. Монтелупи, возникла какая-то неисправность в душевой. Немцы ведь были гигиенисты: они собрали всех заключенных в одном зале и не распределяли их по камерам, пока те не вымоются. Туда привели и Тадеуша. Он увидел Кудлинского, сидевшего на скамейке, и, не говоря ни слова, уселся рядом с ним. Они потом и сидели в одной камере, по одному и тому же делу! Допрашивавший Тадеуша гестаповец сам признал, что это не имеет смысла. Ведь они могли друг другу всё пересказать. Мы пытались его подкупить копченостями, виски, но оказалось, что Тадека допрашивает Хильшер, а не Хише... Так вот тот, который его допрашивал, потребовал картину Юлиуша Коссака. Нам наконец удалось купить веер с 12 лошадьми, акварель Юлиуша Коссака, и мы ему отправили. Тадеуша выпустили. Я его тогда отвезла сразу же к родителям. Там он написал повесть «Луна-парк», свое дебютное произведение.

В тюрьме он просидел лишь несколько месяцев, но тогда свирепствовал тиф и видеться было невозможно. Мы отправляли друг другу тайные записочки, умирая от страха. Тадеуш просил, чтобы я прогуливалась в зеленой шляпке возле тюрьмы. Чтобы меня увидеть, он вскарабкивался на плечи других заключенных. Окна были закрыты щитами, и я видела лишь часть его головы в узкой щелке. Это было для меня так унизительно...

— Когда кончилась война, вы поженились.

— Мы поселились в Доме литераторов в тот же день, в день нашей свадьбы. Через год у нас родилась дочка... Тадеуш был секретарем в краковском отделении Союза польских писателей. Его задачей было распределять квартиры, мебель, помощь, присылаемую по линии ЮНРРА. На Крупничей улице, 22 был этакий «постоялый двор» для писателей, а я — вся такая принципиальная — была из Вадовице. Они меня там здорово перевоспитали. Мы забавлялись как дети, после войны нас как будто обуяло стремление нагуляться, перебеситься. Это было прекрасное время, время, когда нас окружали замечательные друзья...

— В 1960 г. появилось на свет другое ваше детище — кабаре «Яма Михалика», в легендарном кафе в модернистском стиле, с тем же названием. Однако тут отцовство принадлежит и Бруно Мечугову, Яцеку Створе...

— Тексты писали Тадеуш, Бруно и Яцек. Всегда эти тексты были единым целым, написанные на одну тему. Никакого там не было прыганья и дрыганья. А вот актерский состав постоянно менялся. Я через 20 лет поняла, что женщине в 60 лет не стоит выступать в кабаре. Хотя бы и в таком успешном, литературно-сатирическом, можно сказать политическом. Мы пользовались невероятной популярностью. «Ну и свадьба» — парафраз «Свадьбы» Выспянского, где появлялся, в частности, «Рабоче-Крестьянин», — мы сыграли почти 200 раз. А «Прокаженного» — как некое противодействие бульварному роману Хелены Мнишек «Прокаженная» — почти 600. Мы тогда весьма болезненно реагировали на то, что в Кракове говорят и пишут только о «Погребке под Баранами»... Так что в конце концов мы с Бруно несколько лет тому назад взялись за описание 30-летней истории нашего кабаре.

— На этом ваша активность не закончилась...

— Как-то мы с Эвой Отвиновской написали что-то вроде юмористических правил хорошего тона для юных дам. Нам показалось этого мало, и мы стали писать тексты для радиоспектаклей. Один из них, который получил премию в радиоконкурсе, мы во время военного положения переделали в комедию под названием «Брачное объявление» и, ни на что не надеясь, отправили ее, еще в 1984 г., в министерство. И вот директор варшавского Нового театра Богдан Цыбульский решил ее поставить. Играли Ирена Квятковская, Войтек Покора. Успех был огромным. Неожиданно мы заработали массу денег в виде процентов. А еще мы написали пьесу с детективным сюжетом «Безвыходное положение»: дело происходит в театре, где ведется расследование в связи со смертью режиссера, случившейся на сцене. Пьесу поставили в Старом театре, и я даже в ней играла.

— Много всего этого...

— На протяжении многих лет мой день выглядел следующим образом: к 10 часам я приходила в театр на репетицию, продолжавшуюся до двух, а ведь я сыграла более шестидесяти ролей; с четверти третьего до шести — занятия в школе; оттуда я бежала в театр на спектакль; а со спектакля — по пятницам, субботам и воскресеньям — к «Михалику» на ночную программу. Сейчас понять не могу, как я с этим справлялась. А ведь справлялась же и была счастлива.

— И вам не хотелось как-то сбросить напряжение?

— Ну конечно. Я обожаю путешествовать. Объездила много стран. И чаще всего в одиночку, мой муж не был любителем путешествий. В 1977 г. за шесть недель я объехала на автобусе США: от Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно. В России: Петербург, несколько раз Москва, Омск, даже Иркутск, Байкал. Видела черноморские порты и чудесные медресе в Узбекистане... Много стран, много путешествий. Последний раз я была три года тому назад в Китае.

— А как вы переживаете старость?

— Когда в возрасте 80 лет меня уволили из театральной школы, я вдруг оказалась совсем одна, в тишине, без всякого окружения. Пенсионерка. На меня напала депрессия, и эта болезнь продолжалась почти два года. Я вообще не выходила из дома, мне уже не хотелось ни умываться, ни вставать с постели. Больше всего я тосковала даже не по театру, а по школе, по молодежи, которую я любила и которая щедро подпитывала меня своей энергией. Как-то раз звонит один мужчина и предлагает мне встречу со зрителями в Бельско-Бялой. Я согласилась. Путь оказался долгим, я рассказываю ему о себе. А он спрашивает, почему я не записываю всего этого; он оказался владельцем издательства «Квадрат», которое потом и напечатало мои воспоминания «Счеты с памятью».

— Написание воспоминаний стало для вас лекарством против меланхолии.

— Потом он уговорил меня написать еще одну книгу, о Папе. На ее основе я создала монодраму под тем же названием: «Великий товарищ», в которой мои воспоминания переплелись с поэзией из репертуара Рапсодического театра. Я выступаю с этой монодрамой постоянно в Польше и за границей, даже в Нью-Йорке и Вашингтоне. Полтора часа я произношу текст наизусть, несмотря на возраст. Память я натренировала, пожалуй, у Котлярчика, там у нас никогда не было суфлера. Потом меня часто приглашали подменить кого-нибудь, ведь знали, что я быстро заучиваю роль. Бывало и так, что приходилось заменять кого-то даже без репетиции!

— О Кароле Войтыле вы написали воспоминания, создали монодраму, согласились сыграть эпизод в кинофильме «Кароль. Человек, ставший Папой». Почему вы этим занимаетесь?

— Я даже не знаю, что ответить. Но я отдаю себе отчет в том, как мне повезло, что я дружила с таким необыкновенным человеком. В Ватикане мы не раз вдвоем разговаривали по многу часов. Я ему читала Норвида, а он говорил со мной о Норвиде — такой была наша беседа в столовой. Мне можно позавидовать.

— В ближайшие месяцы вам наверняка тоже вряд ли удастся всего этого избежать.

— Я планирую выступить несколько раз со своей монодрамой. Недавно меня вновь попросили дать интервью на телевидении. Сколько я уже их давала! Еще я председательствую в товарищеском суде, состою в Союзе артистов польских сцен с 1946 года. Вот уже два месяца, как я работаю над новой книгой. Не знаю, правда, надо ли, ведь я очень спешу. Мне хотят организовать бенефис в честь моего 90-летия и 70-летия работы в театре. Ко всему прочему я до сих пор играю роль госпожи Пернель в «Тартюфе» в Старом театре.

— Можно вам задать один личный вопрос? Ощущаете ли вы себя состоявшимся человеком?

— В личной жизни? Пожалуй, это слишком личное. Колени у меня болят, знаете ли, в последнее время.

Беседу вел Мацей Шклярчик
10 февраля 2011

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мать умерла в 1929 г., брат Эдмунд (он был врачом) — в 1932 г. от скарлатины, которой заразился от пациентки.

[2] Так называлась игра в ручной мяч — от местечка Щипёрно, где во время Первой Мировой войны был лагерь для интернированных поляков, солдат австрийской армии.

[3]Юлиуш Остерва (1885-1947), знаменитый актер, режиссер, директор театров.

[4] Главный герой пьесы — Адам Хмелевский, брат Альберт (1845-1916), художник, позднее монах, причислен к лику святых.

[5] Тадеуш Квятковский (1920-2007), прозаик, сатирик, киносценарист.

[6] Халина Квятковская играла в этой знаменитой постановке драмы Адама Мицкевича роль Крестьянки во время языческого обряда и роль Дамы в варшавском салоне.

[7] Карательная операция против польских ученых, которую немцы провели в Кракове 6 ноября 1939.

[8] Краков немцы сделали столицей Генерал-губернаторства, административно-территориальной единицы, установленной гитлеровской Германией, — в нее были включены территории Второй Речи Посполитой, которые не вошли в состав ни непосредственно Третьего Рейха, ни СССР. Вадовице находилось на территории, включенной в состав Рейха.

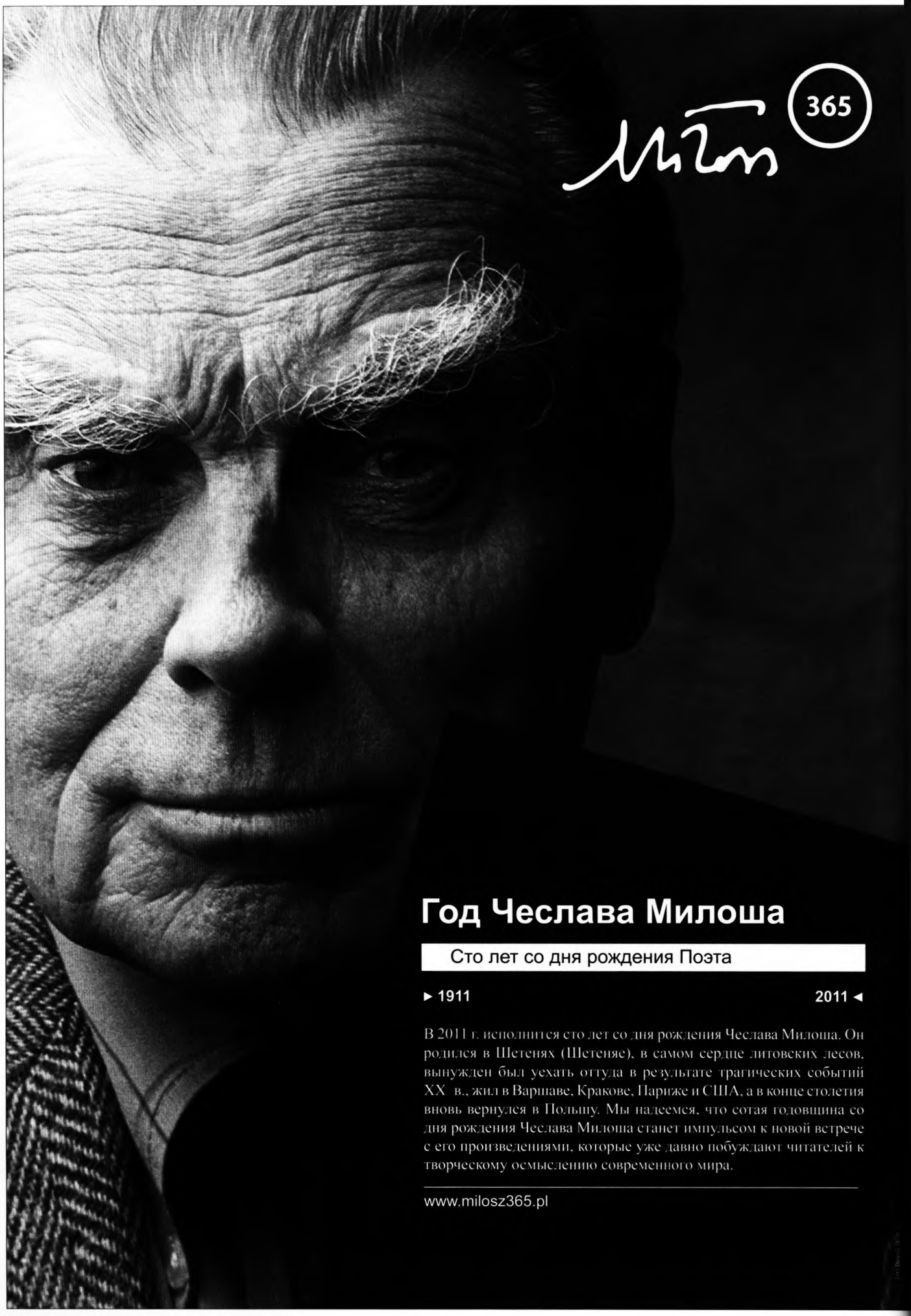
[9] Котлярчик и Войтыла — протагонисты-оппоненты, Халина Круликевич (впоследствии Квятковская), Данута Михаловская и Кристина Дембовская (впоследствии Осташевская) — хор. Котлярчик был «директором» и постановщиком. Они назвали себя Рапсодическим театром: от рапсодий-песен, на которые поделена эпопея Словацкого «Король-Дух» — их первая премьера, состоявшаяся 1 ноября 1941, а также от рапсодов — странствующих певцов и декламаторов.

[10] Легендарные премьеры: «Балладина» Словацкого (1942) и «Возвращение Одиссея» Выспянского (1944), где Одиссей ассоциировался с немецким солдатом, на поезде возвращающимся с войны домой.

[11] В 1948 г. Халину Квятковскую приняли в актерский состав группы Городских драматических театров. Под руководством единой дирекции в рамках этой группы работали Старый театр и Театр им. Словацкого. Существовала эта группа в 1946-1954 гг., с 1949 г. — под названием Государственные драматические театры.

[12] 12 июля 1946 в Театре им. Словацкого состоялась премьера спектакля в постановке Эмиля Хаберского. Халина Квятковская принимала участие в репетициях уже после ее прихода в труппу Театра им. Словацкого, играла в очередь с Казимерой Шишко-Богуш. В это время режиссером спектакля был Юзеф Карбовский, Актриса вспоминает о «прекрасном спектакле в постановке замечательного краковского актера, Юзефа Карбовского, который играл еще и Бессеменова».

[13] Владислав Кшеминский — режиссер и директор театров.



Год Чеслава Милоша

Сто лет со дня рождения Поэта

► 1911 2011 ◄

В 2011 г. исполнится сто лет со дня рождения Чеслава Милоша. Он родился в Шетенях (Шетеняе), в самом сердце литовских лесов, вынужден был уехать оттуда в результате трагических событий XX в., жил в Варшаве, Кракове, Париже и США, а в конце столетия вновь вернулся в Польшу. Мы надеемся, что сотая годовщина со дня рождения Чеслава Милоша станет импульсом к новой встрече с его произведениями, которые уже давно побуждают читателей к творческому осмыслению современного мира.

www.milosz365.pl

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Лешек Колаковский: Идолопоклонство политики
Наталья Горбаневская: новые переводы из **Чеслава Милоша**
Рене и **Виктория Сливовские**: отрывки из книги „Россия - наша любовь”
Эва Липская: фрагменты первого романа
Збигнев Буяк о Лехе Валенсе

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации
ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ

ИНСТИТУТ КНИГИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЖУРНАЛЫ

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826 62 60, 826 70 36
тел./ факс: +48 (22) 826 62 35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

RUCH MUZYCZNY

Старейший в Польше журнал, посвященный серьезной музыке. Форум независимой критики. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608 28 70, 608 28 71
факс: +48 (22) 608 28 72
e-mail: redakcja@ruchmuzyczny.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA NA ŚWIECIE

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827 47 91
тел./ факс: +48 (22) 828 64 96
e-mail: litnasw@free.art.pl
www.literaturanaswiecie.art.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел.: +48 (22) 692 88 19
тел./ факс: +48 (22) 692 88 18
e-mail: teatr@teatr-pismo.pl
www.teatr-pismo.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608 25 65, 608 27 95
тел./факс: +48 (22) 608 27 96, 608 25 05
e-mail: nowpol@bn.org.pl www.novpol.ru

AKCENT

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям исскуства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532 74.69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

ODRA

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344 77 37
тел./факс: +48 (71) 343 55 16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

TWÓRCZOŚĆ

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627 15 52
тел./факс: +48 (22) 628 95 07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl

DIALOG

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608 28 80, 608 28 81
факс: +48 (22) 608 28 82
e-nail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

INSTYTUT KSIĄŻKI • DZIAŁ WYDAWNICTW

02-086 Warszawa al. Niepodległości 213 • tel. (22) 608 23 74 • tel./fax (22) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

ISSN 1508-5589

Cena 8 zł w tym 5% VAT